

САРА ДАЛТОН
и Мойра Катсон

ВОСХОД
ДРАКОНА

Земля огня и пепла

книга третья

Вулкан отмечает начало пророчества...

Рева одна в Эстале, отделена от своих спутников и оправляется от предательства. Она направляется в Реялон, ищет друга детства, принца Луку, но в городе на нее нападают. Кто на нее охотится? И почему?

Лука на троне, правит Эсталой с помощью принцессы Серены и брата Аксила. Новый наставник решает обучить Луку управлять магией. Но мотивация наставника не ясна, а он сближается с Лукой.

А Бог, прозвавший себя так, строит армию деревня за деревней, собирая желающих убрать короля. И, пока его сила растет, он терпеливо ждет лучшего момента для удара...

Перевод: Kuromiya Ren

1

Бог

— Аниос, Аниос, Аниос, — из пещеры доносился шаркающий звук множества ног. Последователи Бога покачивались, подняв ладони, словно для получения благословения с небес. — Аниос, Аниос, Аниос.

Бог в маске и капюшоне повернулся к брату Миккелу. Он увидел, как дрожь страха пробежала по лицу мужчины.

«Ты хотел встретиться со своим богом, не так ли?» — Бог почувствовал волну презрения. Брат Миккел был слаб. Он был фанатиком, скованным правилами и ненавистью.

Но Бог должен был признать, что Миккел нашел хорошего кандидата для возрождения Бога, и тем самым он дал Богу тело с большими силами, чем Миккел мог мечтать. Бог согнул пальцы под кожаными перчатками, которые были на нем, сжал их в кулак. Это тело все еще было слабым из-за болезни, хотя сама болезнь была сожжена его трансформацией.

Сила придет со временем.

— Ты хорошо поступил, — сказал Бог Миккелу. Он вкусил жадность и гнев человека, который когда-то управлял этим телом, и он смаковал страх Миккела и пение последователей в масках в пещере. — Вы очень хорошо справились.

Миккел поклонился.

— Господин, я стремлюсь только служить вам.

— Так и есть, Миккел. Так и есть, — Бог бросил взгляд на стену пещеры. Он стремился посмотреть сквозь нее. Снаружи стояли флотилии Зантоса с их предводителем-менти, слабым мальчиком, которому не суждено было стать королем. — Эстала созрела для взятия.

— Мой господин... — горло Миккела заработало. — Нападение сейчас...

— Сейчас мы не будем нападать, — твердо сказал Бог. Он упивался обожанием своих последователей, пока они раскачивались. *Аниос, Аниос, Аниос.* — Мы подождем. Мальчик-король не опытен. Он споткнется и упадет даже без нашей помощи.

Лицо Миккела выдавало недовольство, и Бог чувствовал воспоминания, оставшиеся от этого тела. Ненависть к Луке. Он увидел меч. Он увидел огонь.

— Ты не считаешь Луку достойным противником, Брат? — он считал, что Лука потерпит неудачу, но у него был и другой аргумент.

— Он менти, — сказал Миккел с открытой ненавистью.

— Как и я, — отметил Бог.

— Не так, как вы, господин. Вы — последний из Королей-драконов. Вы принесете мир и положите конец менти, — теперь лицо Брата сияло преданностью. — Вы будете жить вечно, и с помощью своих сил сможете уничтожить любого другого менти, который родится.

Бог подавил дрожь при мысли о том, что он проведет вечность в тюрьме этого тела. Он был богом, а не смертным. Миккел должен это знать.

— Мы победим не так, — сказал он Миккелу. — Наш триумф будет в сердцах людей — всех людей. Когда я поднимусь, менти будут раздавлены, потому что каждый раз, когда рождается такая мерзость, любой человек, который ее увидит, избавится от нее. Давэд сказал людям, что менти должны быть уничтожены. Они послушались его, потому что он был королем, но они не понимали, почему они должны делать то, что он просил. Когда я поднимусь, они узнают.

— Да, мой господин, — Миккел опустил голову. Он быстро дышал. — Мой господин, вы обратитесь к своим последователям?

— Да. Скоро.

Он спустился с грубого помоста в толпу своих последователей, раскинув руки так, чтобы они могли прикоснуться к нему. Они столпились вокруг него, протягивая руки, чтобы коснуться его тела. Они выкрикивали его имя, когда он проходил мимо них.

Мой господин! Мой король! Аниос, Аниос!

Он негромко благодарил. Стефан был слаб, слишком одержим атрибутами власти, чтобы понять, как завоевать сердца людей — а именно в их сердцах можно было найти истинную, непоколебимую силу. Люди не почитали корону, они желали ее.

Они хотели знать, что их любит их Бог. Что Он ценил их.

— Вы благословлены, — сказал им Бог, проходя мимо. — Вы самые верные из моих последователей. Мы построим это королевство вместе.

Они открыто плакали от его слов.

— Ты, — Бог указал на одного из них. — Что привело тебя сюда?

Лицо мужчины исказилось от ярости.

— Чума забрала мою дочь. Эти грязные менти запятнали землю, и мою дочь забрали!

На мгновение Бог задумался, а не убийца ли это. Он холодно улыбнулся про себя. Пусть мужчина попробует, если так. Все они получают ценный урок.

Но у мужчины не было таких замыслов. Он оглядел пещеру, встречаясь глазами со всеми, кто смотрел на него.

— Их магия использовалась, чтобы запугать нас, и мы преклонялись перед ними, как побитые псы! Даже Давэд не преследовал их, как следовало бы! И за то, что мы поклонились им, мы должны понести покаяние. Я больше не буду говорить! Детей больше не берут, потому что сегодня день, когда мы доказываем нашу верность нашему Богу! Сегодня день, когда он узнает, что мы следуем его законам! Сегодня день, когда мы избавим землю от менти!

Бог обнял его и почувствовал, как мужчина дрожит от слез.

— Ты хорошо поработал, — сказал он мужчине. — Ты показал мне свое сердце, и это дает мне надежду. Если все мужчины и женщины Эсталы последуют за мной, как ты, мир будет очищен.

— Мой господин, ничто не порадует меня больше, — мужчина отстранился, все еще рыдая.

— Как тебя зовут? — спросил его Бог.

— Йозеф, господин.

— Взгляните на Йозефа, человека, чья вера является маяком для всех нас! Пусть его пример укрепит вас в темные дни — ведь впереди еще темные дни. Менти будут сражаться. Они будут стараться сохранить все, что нечестно нажили. Они будут притворяться, что они — как мы с вами. Мы все должны быть бдительными. Но мы не позволим им победить, — он повысил голос, чтобы выкрикнуть последние несколько слов.

Толпа кричала и топала ногами. Руки потянулись, чтобы коснуться его, когда он повернулся и приветствовал их похвалу.

Они называли свои имена и истории, а он слушал их, успокаивал, молился вместе с ними. Когда он, наконец, вернулся на помост, они были в неистовстве. Некоторые вынули свои кнуты и кричали одновременно от боли и радости, когда хлысты били по ним.

— Они любят вас, — сказал Миккел Богу.

Бог не удосужился ответить на это. Кем было это тело раньше, если Миккел был таким подхалимом? Бог был их Божеством. Конечно, они любили его. Ему не нужны были заверения в этом.

Через некоторое время он поднял руку и подождал, пока они затихнут.

— Вы первые среди моих последователей, и поэтому вы должны видеть Меня таким, какой Я есть, — сказал им Бог.

— Господин, разве это мудро? — голос Миккела превратился в бешеный шепот.

Бог смотрел ему в глаза, пока Миккел не отвел взгляд. Ему должно быть стыдно.

Людей легко направляли, они боялись высказаться, но верность, которая была просто запуганным послушанием, могла лопнуть в один миг. Что им было нужно, так это фигура, которая внушала бы благоговение, да, но которая также соответствовала бы созданным ими смертным ограничениям. Человек, который сказал, что он Бог, переродившийся в смертной плоти, — это было хорошо. Тот самый Бог в теле короля Эстала — еще лучше.

Те, кто был верен закону, знали, что Стефан был коронован, и они были бы обязаны поддержать его против самозванца Луки. Те, кто был верен Аниосу, не будут разрываться между любовью к своему Богу и законному королю. Те, кто не знал, кого поддержать — что может быть лучше короля и бога в одном теле?

Особенно, когда остальная часть плана Бога будет приведена в действие. А пока он без колебаний притворялся Стефаном. Душа мальчика почти не сопротивлялась, когда Бог забрал его тело. Все его воспоминания были доступны.

Бог снял маску и вызвал общий вздох удивления. Они все еще были очарованы им, но ужаснулись шрамам на его лице и скальпе.

— Эти шрамы я получил в битве с менти, — сказал им Бог. — Вы первые, кто услышал эту историю из моих уст, и скоро вся Эстала узнает об этом. Мой отец, король Давэд, послал меня за принцем Лукой, который совершил братоубийство и убил принца Матиаса. Когда я пришел, чтобы задержать его, он использовал свои силы менти против меня.

Среди собравшихся раздались крики ужаса, и Бог одобрительно кивнул, подняв руку, чтобы успокоить толпу.

— Он дважды совершил бы братоубийство, стремясь убить любого, кто встанет между ним и тронном. У него во дворце даже сейчас трое братьев и сестер, жизни которых в ужасной опасности: принцессы Серена и Каролина и принц Альберто. Все, что было сделано со мной, все, что было сделано с Матиасом, может стать и их судьбой, если мы их не спасем.

Крики его последователей теперь были гневными. Принц Альберто был так юн, и как можно обидеть принцесс? Это было бессовестно. Бог улыбался, пока последователи в пещере осыпали проклятиями имя Луки.

Когда они успокоились, он сказал им:

— Возможно, некоторые из вас зададутся вопросом: как мы можем победить Луку и его армию из Зантоса, не говоря уже о его армии менти?

На этот раз воцарилась тишина, если не считать неловкого шарканья. Они гадали. Они боялись. Что, если их Бог не мог дать им победу?

— Лука — повелитель огня, — сказал им Бог. — Он испепелил собственного брата в мгновение ока. Почему он не сделал то же самое со мной, спросите вы? Потому что у меня есть силы намного больше, чем у Луки. Да, в момент слабости я дал своему брату шанс объяснить свои действия. Я подумал, что, возможно, смерть Матиаса была ужасным несчастным случаем, и не более того. Это было слабостью с моей стороны.

Он хитро опустил голову и слышал их печальный шепот, они пытались его утешить. Внутри его груди их обожание текло сквозь него, как ихор. В конце концов, он был богом. Он расцветал от такого. Он знал только слова, которые нужно сказать, чтобы они полюбили его, и он сказал их все.

Он поднял голову, чтобы улыбнуться им.

— Но я не слаб, и теперь я знаю убийственные намерения Луки. Я вернулся в Эсталу, чтобы охранять ее, и когда придет время, я ворвусь в Реялон и верну себе трон, который принадлежит мне! Я буду драться с Лукой и уничтожу его! Я уничтожу всех менти. Знаете, как?

Теперь их крики эхом отдавались от стен.

Бог встал и раскинул руки. Миккел расстегнул его плащ, и когда Бог позволил его мантии упасть на пол вокруг него, он преобразился. Он отпрянул, издав рев, который эхом прокатился по всей пещере.

— Я... — было трудно формировать человеческие слова драконьей пастью, но Бог не был обычным смертным. Он заставил форму выполнять его приказы. — Я последний из Королей-драконов!

Многие из его сторонников плакали, падали на землю и касались ее лбами. Бог хлестнул хвостом.

— Мы выследим менти и уничтожим их, — сказал он своим последователям. — Начиная с узурпатора и его последователей.

Аниос! Аниос! Аниос!

— Вы — моя сила! — Бог покачал головой, оглядывая их. С одной стороны пещеры на коленях стояла красивая женщина. Ее каштановые волосы ниспадали, не скрывая идеальные черты. Да, она подойдет. — Ваша верность и самопожертвование спасут Эсталу! — он поднял коготь, указывая на женщину. — Ты. Иди ко мне.

— Да, мой господин, — она дрожала, пока шла ближе. Бог мог смутно разглядеть следы ударов плетью на ее плечах. Истинно верующая. Ее обожание придавало ему сил.

— Ты одна из самых преданных моих последователей, — сказал он ей низким рокошущим голосом. — Это ведь так?

— Так, мой господин, — когда она подняла подбородок, Бог увидел, что ее глаза почти обезумели от ее пыла. — Каждый день я наказываю себя, надеясь очиститься... надеясь очистить мир.

— Так и будет. Ты многим пожертвовала, чтобы дать мне силы. Теперь ты пойдешь на величайшую жертву — без колебаний. Я знаю это. Я вижу это в твоих глазах.

Она смотрела на него снизу вверх, ее лицо было пустым, он возвышался над ней.

Он склонился, щелкнув челюстями, и ее голова была отделена от тела. Кровь, насыщенная и теплая, полилась в уста Бога. Он выпил ее жадно, затем проглотил остальную часть ее тела, когда последователи замолчали, — а затем снова зашумели в пылком приветствии.

Аниос! Аниос! Аниос!

— Теперь, — сказал им Бог. Он слышал, как кровь капает с его челюстей. — Давайте пойдём вперед с силой нашей сестры и очистим мир.

2

Рева

Рева отчасти проснулась в темноте. По привычке она держалась у края кровати, хотя мускулы ее ныли. Она должна была освободить место для остальных.

Но других здесь не было.

Ее глаза открылись. Луна была лишь бледной полоской, но отбрасывала достаточно света, чтобы она могла видеть пустую комнату и пустую кровать. Шторы, которые она оставила раздвинутыми, чтобы проснуться с рассветом, колыхались на сквозняке из маленького окна.

Это было жалкое место, но для Ревы, после всего, через что она прошла, это было все, в чем она нуждалась, и даже больше. Она опустилась на середину кровати, стараясь, чтобы веревки под матрасом не закрипели, и растянулась с легким вздохом удовольствия.

Целая кровать для себя. Сон не на земле, из которой торчали камни. Блюдо, в котором было больше хрящей, чем ей нравилось в жидком супе, но оно наполнило ее желудок. Она вспомнила дома своего детства, Башни Авалон и Крепость Несры, и ей захотелось рассмеяться. Та девушка не оценила бы ни эту кровать, ни рваную, грязную одежду, которую носила Рева, ни еду.

Ее улыбка увяла, когда она вспомнила те дни. Когда-то она была уверена, что все в ее жизни сложится хорошо. Других вариантов она не рассматривала. Бегая по замку своей семьи, греясь на солнце и вдыхая аромат цветов, она верила, что ничего никогда не изменится: ни ее семья, ни Эстала.

Даже когда ее родителей жестоко убили, основные взгляды Ревы на мир не изменились. Ее сразу же привезли в Крепость Несры и обручили с принцем Лукой. Это был бы хороший брак. Она была бы принцессой. Она скучала по своей семье, но у нее не было четких воспоминаний о той ночи, и она все еще видела мир в основном хорошим. Эсталой правил мудрый король, и у Ревы было обеспеченное будущее.

А потом все снова изменилось. Мудрый король, хоть был мудрым, разорвал помолвку Ревы с Лукой и вместо этого отдал ее Францису, как вещь. То, чего хотела Рева, что ей обещали, не учли. Она была всего лишь пешкой, подарком, способным осчастливить генерала, и она потеряла желание делать что-то большее, чем просто терпеть побои, которые наносил ей Францис, и неудачные беременности, которые оставили шрамы на ее теле и душе.

Она сжала губы и попыталась не заплакать. Каждая из этих беременностей закончилась месивом крови и слез, и, по крайней мере, одна закончилась чудовищно уродливым ребенком, но она все еще носила этих четырех детей в своем сердце. Она знала, что эта боль

никогда не исчезнет.

По правде говоря, она не знала, зачем вернулась в Реялон. Она сбежала из пещеры, где Арон пытался убить ее, чтобы добить ее семью, что он начал много лет назад. Сэм и Карлия пытались последовать за ней, вернуть ее, но Рева трансформировалась и бежала в ночь под удары дождя и ветра.

Недалеко от Реялона она снова изменила облик и натянула одежду, которую сжимала в когтях, пока летела. У нее было несколько монет, которые ей удалось спрятать, а в городе царил хаос после победы Луки над Стефаном, и комната в гостинице стоила дешево. Кровь на улицах все еще была.

Рева не понимала, почему она сразу не отправилась в Крепость Несры, когда услышала, что Лука занимает трон. Это было то, о чем она пока не хотела думать.

Прийти сюда в форме дракона было ужасно рискованным шагом. Она знала это. *Улези*, ужасный гибрид людей и драконов, искали любых оборотней-драконов и уничтожали их. Безумие в их крови, их ненависть к драконам за их создание никогда не прекратятся. Именно это побудило Арона и Диану забрать своих детей и спрятаться — и, когда родители Ревы не согласились сделать то же самое, Арон и Диана убили их, не дав оставить след, который мог бы найти Улези.

Рева обхватила себя руками. Узнать правду о смерти ее родителей было ударом. Она не соглашалась с мировоззрением Арона, но никогда бы не догадалась, что он убил ее родителей и что он убил бы и ее в тот день, если бы нашел.

Конечно, это была лишь одна из многих неприятных истин. Она не верила, что король Давэд совершит нечто настолько ужасное, как создание Садов Аниоса, хотя знала, что он яростно ненавидел менти. Она не верила, что кто-то мог быть таким жестоким, как Францис. Она не верила, что Стефан будет таким бедным королем, каким он был. Вместо того чтобы помочь жителям с чумой, он строил больше храмов Ордена Понимания и вовлекал людей в религиозный пыл.

Рева покачала головой в темноте. Как она могла так ошибаться в отношении мира?

Тем не менее, она гордилась собой. Она освободила всех рабов из одного из рабочих лагерей, используя ум и силу, о которых она и не подозревала. Она была уже не той девушкой, которой была до того, как ее отдали Франциссу. Ей уже никогда не стать той девушкой, но она гордилась той женщиной, которой была.

Она просто боялась, что ей не понравится то, каким стал Лука. Осознание пришло к ней в спешке. С тех пор, как ее родители умерли, все мужчины, которых знала Рева и которые были наделены властью, от Арона до Давэда, обратились к своим самым худшим импульсам. Какими бы отчаянными они ни были, какими бы хорошими ни были их намерения, они совершали ужасные вещи.

Она боялась, что если пойдет в Крепость Несры, то увидит, что то же случилось с Лукой. В ее представлении ему все еще было тринадцать лет, и он был болезненным, но он вернулся во главе армии Зантоса и пробился к крепости. Ходили слухи, что он убил своего брата Матиаса, и никто не знал, что случилось со Стефаном. В крепости его уже не было, но и о его смерти никто не сообщил.

Очевидно, Лука уже изменился. Она боялась увидеть, насколько.

В коридоре послышался скрип, и голова Ревы тут же повернулась, она насторожилась. С тех пор как она сбежала из Садов Аниоса, она проводила почти каждую ночь в страхе за свою жизнь, просыпаясь от звука ветвей, шелестящих на ветру, или от шагов семьи Арона в

пещере, куда ее забрали.

Теперь она пыталась убедить себя, что этот звук ничего не значил. В таверне внизу наверняка были люди в любое время суток. Или, может, трактирщик ложился спать.

Но скрип повторился, на этот раз ближе к ее двери, и Рева замерла. Ее сердце начало колотиться. Она вдруг ужасно испугалась. Кто знал, что она здесь? Кто-нибудь в таверне внизу видел, как она поднялась наверх одна? Сэм и Карлия пришли отомстить за то, что случилось с их родителями?

Или было что-то хуже? Был ли это *улези*?

Рева заставила себя дышать. Она не должна паниковать. Ничего страшного, твердо сказала она себе. Ничего.

Но теперь она могла слышать шепот прямо за своей дверью. Рева медленно выпрямилась, чтобы не заскрипела кровать. Она огляделась, ее мысли метались. У нее не было нормального оружия. Сил у нее почти не осталось, хотя питалась она лучше, чем в Садах Аниоса.

Она не могла сражаться сейчас. Это было горьким осознанием. Хотя она надеялась на правление Луки, быть менти все еще было вне закона. Если бы она изменила облик, слухи дошли бы до Братьев и Сестер, и они обязательно пришли бы за ней. Дракон? О, да, они бы пришли.

Так что Реве пришлось бежать. Она протянула руку и начала открывать защелку окна. Снаружи снова послышался скрип и шепот, но ей нужно было сосредоточиться на этом.

«Двигайся медленно и бесшумно, — сказала она себе. — Не давай им повода ворваться», — замок был липким, и ей пришлось медленно приподняться, чтобы встать и обернуть вокруг него юбку, чтобы открыть его без особого шума.

Окно было узким, а Рева — худощавой. Она встала на подоконник и попыталась открыть окно. Оно слегка заскрипело, и она услышала, как снаружи прекратился шепот. В отчаянии она громко зевнула и несколько раз пнула матрац, чтобы они подумали, что она перевернулась и снова заснула. Надеялась, это задержит их еще на несколько секунд.

Она выглянула в окно и увидела внизу обрыв. Не было ни выступа, ни поручней, по которым она могла бы карабкаться. В дождь все будет скользким.

А это означало, что она должна была прыгнуть и надеяться, что она не будет ранена слишком сильно, чтобы бежать. Она проверила переулок внизу, не было ли там кого-нибудь, и выбралась. Это был неловкий процесс, и ее юбка задралась вокруг талии.

Она как раз пыталась сообразить, как встать на кончики пальцев, когда дверная ручка повернулась, и дверь начала открываться. Рева была уверена, что услышала шипение.

В тот решающий момент она вообще не думала. Она оттолкнулась от внешней стены здания. Инстинкт заставил ее оттолкнуться, инстинкт заставил ее отчаянно схватиться за подоконник, когда ее тело поняло, что падает.

И именно инстинкт заставил ее начать изменяться. Она наполовину превратилась в драконью форму, попыталась остановить себя и тяжело приземлилась на булыжник внизу. Был ли это мгновенный хлопок ее крыльев или просто удача, она не знала, но после первого рывка боли она могла сказать, что ничего не сломалось.

Наверху раздался крик, и Рева вскочила и побежала. Она была у стен Реялона, так как боялась идти дальше в город и, возможно, встретить Братьев и Сестер или жертв чумы. Сэм сказал ей, что ее драконья кровь делала ее более устойчивой к чуме, но Рева не хотела рисковать.

Теперь она бежала, шлепая босыми ногами по булыжникам, а ветер и дождь шумели в ушах. Кто-то следил за ней? Если так, она не могла их слышать. Она бежала, молясь, чтобы ни один охранник у ворот не принял ее за воровку. Ей придется покинуть город...

Она резко остановилась, тяжело дыша. Если она покинет город, у нее вообще не будет защиты от *улези*. Никто не придет ей на помощь.

Однако она снова огляделась и поняла жестокую правду. Здесь ее тоже никто не спасет. Если ее действительно преследуют монстры, никто в этом истощенном, раздираемом войной, охваченном чумой городе не станет подвергать себя еще большей опасности, чтобы помочь Реве. По крайней мере, в сельской местности она могла изменить облик.

И вот, увидев, как из-за дальнего угла появились две фигуры, Рева бросилась к воротам и вышла в ночь. Она подождала, пока не убедилась, что стражи больше не видят ее, а затем сорвала с себя платье и трансформировалась, улетев в ночь, ее крылья сильно хлопали под дождем.

3

Лука

В зале заседаний Крепости Несры Лука неловко сидел в отцовском кресле и старался не чувствовать себя самозванцем.

Он никогда не думал, что станет королем. Никто не ожидал, что он станет королем. С таким наследником, как Матиас, кто в здравом уме стал бы смотреть на любого из других детей, не говоря уже о том, кто был при смерти большую часть своего детства? Лука особо не возражал. Ему нравился Матиас. Всем нравился Матиас. Не говоря уже о том, что его больше беспокоила собственная неминуемая смерть, чем что-либо еще.

Но теперь он был здесь — и не потому, что другие наследники престола умерли и были торжественно похоронены, чтобы Лука был коронован. Нет, он прибыл во главе зантийского флота и проложил себе путь по улицам своего дома, чтобы силой захватить замок. Его коронованный брат был в бегах.

И всем хотелось, чтобы Лука вел себя так, будто это было совершенно нормально, и принимал мудрые, взвешенные решения, которых они ожидали от короля, который годами находился на троне, каким был отец Луки.

Пока сегодня они обсуждали, как сообщат о возвращении Луки, как бороться со слухами, которые Стефан и Орден Понимания распространяли о Луке, и как бороться с чумой. Серена страстно говорила о последнем пункте, подробно рассказывая о лекарствах и планах команд врачей путешествовать по селам. Хотя было ясно, что она работала с Зантосом в области медицины, лорд Тиниан не выглядел довольным, когда она говорила. У них были разногласия по некоторым пунктам.

Лука понял, что весь совет смотрел на него. Должно быть, он что-то пропустил. Его взгляд скользил по собравшейся группе: брату Аксилу, лорду Тиниану, командиру Инграну, генералу Аренце, лорду Зимину и его сестре Серене. Хотя Серена была достаточно любезна, генерал Аренца и лорд Зимин по-прежнему язвительно отзывались о членах Золотого Совета, присутствовавших на собраниях Луки.

Лука неловко сглотнул. Он не осмелился взглянуть на брата Аксила.

— Простите, — сказал он. — Что вы спросили?

Брат Аксил раздраженно нахмурился.

— Лорд Тиниан спросил о доходах от Садов Аниоса. Он бросил взгляд на лорда Тиниана, и Лука понял, что его раздражал зантийский советник, а не он.

— Что такое Сады Аниоса? — спросил Лука.

Брат Аксил откинулся на спинку стула и кивнул лорду Тиниану, чтобы тот объяснил. На его лице было язвительное выражение — будто брат Аксил знал, что Луке не понравится то, что он сейчас услышит. Такого уровня политиканства Лука никогда не видел от Брата, хотя и знал, что Аксил хорошо разбирался в придворных обычаях.

Лорд Тиниан, однако, отнесся к этому с достоинством.

— Сады Аниоса, Ваше Величество, это...

— Ваше высочество, — сказал Лука.

Лорд Тиниан промолчал. Он склонил голову, вежливо показывая непонимание.

— Я не коронован, — сказал Лука. — Мой брат коронован, и его не арестовали. Я не король. Я принц Лука.

Повисла неловкая тишина. Лука оглядел комнату. Выражения лиц были тщательно пустыми. Выражение лица Серены было бесстрастным, будто она не знала, что и думать.

— Конечно, — сказал Тиниан через мгновение. — Принц Лука, Сады Аниоса — это поместья, где производится любое количество экспортных товаров. Оливки, цитрусовые, травы и лекарства...

— Например, лекарства от чумы? — прервал Лука. Он взглянул на Серену, которая с интересом наклонилась вперед.

Лорд Тиниан казался довольным. Он улыбнулся.

— Да, принц Лука. Как и лекарства. Ваш отец приказал создать лагеря, и с тех пор они приносят Эстале огромную прибыль.

Лука был доволен. После мрачной оценки казны Эсталы это была хорошая новость.

— Ваше высочество, — предостерегающе сказал брат Аксил. — Ваш отец создал лагеря с двумя целями. Одна заключалась в том, чтобы производить товары по очень низким ценам, — в его словах явно был намек, хотя Лука не знал, какой. — Другая причина, которая была гораздо важнее для вашего отца, заключалась в том, чтобы создать тюрьму... для менти.

Дно, казалось, отвалилось от желудка Луки. Он пристально посмотрел на Тиниана.

Тиниан развел руками, пожав плечами.

— Это правда, что рабочие Садов Аниоса...

— Рабы, — перебил его брат Аксил.

Лорд Тиниан мгновение молчал, намеренно оторвав взгляд от Аксила, а затем продолжил:

— Это правда, что они — менти.

— Принц Лука, — сказал брат Аксил, — этих рабов захватывают, силой увозят из домов, водят в цепях по сельской местности, и они работают, пока не умрут. Их оскорбляют...

— При всем уважении, гувернер, вы уверены в условиях в лагерях? — голос лорда Тиниана был холодным и рассудительным.

— Они рабы, — снова сказал Аксил. — Лагерь был задуман как тюрьма. Король Давэд был известен своей ненавистью к менти. Мне не нужно видеть лагеря, чтобы знать, как хорошо там обращаются с менти.

— Гувернер, пожалуйста...

— Вы оба, остановитесь, — Лука вскинул голову, и оба мужчины удивленно замолчали. Глаза Луки блуждали по комнате, ловя выражения лиц каждого члена совета. — Рабство —

это не путь Эсталы, и менти здесь больше не будут преследоваться. Сады Аниоса будут закрыты, а те, кто участвовал в их управлении, предстанут перед судом.

В тишине он заметил, что Серена начала улыбаться. Она кивнула ему.

— Принц Лука, это будет ошибкой, — твердо сказал ему Тиниан. — За годы своего правления вы принесете много хороших перемен, но сделать слишком много и слишком быстро — значит нажать себе врагов. Людей десятилетиями учили, что менти — их враги. Будет паника, если менти из лагерей будут выпущены в население. Беспорядки могут унести жизни тех самых менти.

— Вы говорите о возможностях... — горячо начал Аксил.

— Я принял решение, — снова сказал Лука. — Я — менти. Мой брат тоже был менти. Люди должны признать, что менти — это не то, чего боялся мой отец, и я отказываюсь принимать рабство в Эстале. Совет на сегодня распущен.

Остальные члены совета пробормотали свое согласие и начали уходить.

— Принц Лука, можно вас на пару слов? — голос Тиниана был вежливым. Он склонил голову и ждал решения Луки.

Лука хотел сказать «нет» и уйти, но знал, что не мог этого сделать. Это был детский подход к делу. Он должен был править.

— Конечно, лорд Тиниан. Я буду с вами через минуту.

Когда Тиниан заговорил, брат Аксил остановился на пороге комнаты, и Лука направился к гувернеру:

— Да? — спросил он Аксила.

— Я бы посоветовал тебе быть осторожнее с лордом Тинианом, — прямо сказал Аксил, — но, думаю, ты и так это знаешь.

— Да, — Лука кивнул.

— Ничего ему не обещаю, — предупредил Аксил.

— Не буду, — Лука покачал головой, хотя у него внезапно появилось беспокойство по поводу того, что мог сказать Тиниан. У этого человека была такая манера говорить, что внезапно все, чего Лука не хотел делать, казалось единственным выходом.

— И, Лука.

— Да?

— То, что ты сказал раньше, о том, что ты принц, а не король... — Аксил колебался. — Будь осторожен с тем, кому ты это говоришь, и как громко ты это сообщаяешь.

— Но это правда, — возразил Лука. — Я не король.

— Я считаю, что если бы был выбор между тобой и Стефаном, твой отец мог бы выбрать тебя, — сказал Аксил. Он сложил руки перед собой и вздохнул. — Несмотря на то, что ты менти. Даже несмотря на то, что он не делал этого выбора, даже несмотря на то, что Стефан убил его — да, Лука, я верю, что именно это и произошло — и даже несмотря на то, что Стефан был коронован, ты сейчас сидишь на троне, и ты лучший правитель, чем был Стефан.

— Но я не лучше, — жалобно сказал Лука. — Я не знаю, как быть королем. Как править, — он внезапно осознал, что позади них стоял Тиниан. — Я должен идти.

— Лука, — Аксил взял его за руку. — Мы не всегда побеждаем так, как хотим. Ты прибыл с флотом Зантоса. Ты еще не коронован. Это верно. Но ты должен показать людям, что *ты* законный правитель. Что ты считаешь себя законным правителем.

Он ушел с легким поклоном, и Лука смотрел ему вслед. Как он мог показать людям, что

он законный правитель, если он не чувствовал себя таковым? Матиас всегда был наследником, Стефан носил корону, а Серена говорила на собрании намного красноречивее, чем Лука.

Он не верил в это.

Он вернулся к лорду Тиниану и постарался не чувствовать себя самозванцем. Он высокомерно поднял подбородок, как, наверное, мог сделать его отец, а затем, полагая, что это мог сделать его отец, подошел к своему стулу и сел.

— Чем я могу вам помочь, лорд Тиниан?

— Ваше высочество, — Тиниан осторожно использовал титул, на котором настаивал Лука, — я считаю, что вам следует пересмотреть свое решение относительно Садов Аниоса.

Пальцы Луки сжали подлокотники кресла.

— Мое решение по этому вопросу является окончательным. Рабы будут освобождены. Лагерь будут закрыты. Священникам и стражам грозит наказание.

— Ваше высочество, — снова сказал лорд Тиниан, и на этот раз в его голосе было предостережение. — Быть королем — значит принимать решения, которые огорчат меньшинство. Это неизбежный факт мира.

— Какой вред принесет обращение с нашими гражданами как с нашими гражданами? — Лука наклонился в своем кресле. Его лицо пылало. — Сады Аниоса...

— Дают огромную прибыль, которая поддерживает многие вещи в Эстале, — решительно сказал лорд Тиниан. — Планы вашей сестры по исцелению этой страны не будут дешевыми, Ваше высочество. Также не будет дешево содержать силы, которые вам понадобятся, чтобы выследить брата и победить его. Сады Аниоса производят пищу, которой можно накормить голодных жителей Эстала, а также бинты и лекарства, которые могут помочь при чуме. Какими бы ни были методы лагеря, они приносили Эстале значительную прибыль раньше, и они могут сделать это снова.

Лука прикусил губу.

— Ваше Высочество, — сказал Тиниан. Он не атаковал. Голос у него был добрый. — Вы честный человек. Ваш отец приказал построить Сады Аниоса. Разве справедливо заключать в тюрьму и наказывать тех, кто следовал приказам короля?

Как Тиниан это сделал? Лука задумался, но не видел выхода из ловушки, сооруженной Тинианом. Этот человек был прав: несправедливо наказывать тех, кто следовал приказам его отца. Он просто не понимал, как кто-то мог добровольно взяться за такую работу. Ведь его отец не приказал какому-то конкретному человеку служить Сестрой Просвещенных или стражником в Садах, не так ли?

— Принц Лука, — сказал ему Тиниан, — я имел в виду то, что сказал раньше: быть королем — значит служить на благо своего королевства. Иногда благо королевства расходится с благом отдельного человека. Во время войны должны быть солдаты. Прямо сейчас Эстале нужны как товары, так и средства, которые предоставляют Сады Аниоса. Ваш брат разорил эту страну, принц Лука.

«Вы не хотите, чтобы мы были так богаты, чтобы Эстала процветала. Вы хотите, чтобы мы были богатыми, чтобы вы процветали», — Лука обиженно подумал так, хотя и не сказал эти слова.

— Возможно, когда Стефан будет побежден, Сады Аниоса могут быть закрыты, — предположил Тиниан. Он с улыбкой развел руками. — Это процесс, к которому нельзя относиться легкомысленно, но мы можем найти способ. Я уверен в этом.

Лука устался на свои колени. У него кружилась голова. Он больше не был уверен, что поступит правильно.

— Сады Аниоса могут производить многие лекарства, необходимые для борьбы с чумой, — предположил Тиниан. Он сел без приглашения и наклонился, чтобы поймать взгляд Луки. — С распределительными центрами по всей Эстале мы сможем быстрее добраться до жертв чумы и вылечить больше людей.

Лука отчаянно хотел оказаться где-нибудь еще. Он не хотел выбирать. Что бы сделал его отец? Конечно, он знал, что сделал бы его отец. Его отец создал Сады Аниоса, потому что не видел смысла в жизни менти. Потому что он рассматривал менти как мерзость и угрозу.

Лука сглотнул. У него не было возможности заставить отца смотреть на мир по-другому.

Тиниан ждал. Казалось, он знал, что настаивать на решении Луки будет опасно.

Наконец, Лука тихо сказал:

— Мы прикажем Садам Аниоса производить лекарства от чумы.

Тиниан выдохнул.

— Мудрый выбор, Ваше величество.

Лука заметил титул. Он пронзил взглядом Тиниана, но не стал поправлять его.

— Мы также отправим отобранных военнслужащих, чтобы убедиться, что не происходит жестокого обращения с заключенными.

Выражение промелькнуло на лице Тиниан и исчезло прежде, чем Лука смог определить, что это было.

— Конечно, — сказал он. — Командующий Ингран, возможно, мог бы предложить несколько имен из наших сил здесь, в Реялоне.

— Вам не нужно...

— Это одолжение, — сказал Тиниан. — Я поговорю с ним сейчас же. Ваше величество, спасибо, что передумали. Из вас выйдет мудрый король.

Он ушел, а Лука смотрел ему вслед, кусая губу. Он сильно сомневался, что Золотой Совет когда-либо делал что-либо «в качестве одолжения», и ему это решение совсем не нравилось. Но он не знал другого варианта. Серена сказала, что чуму нужно лечить быстро, и у них не было денег, чтобы купить еще лекарства в Зантосе.

Он должен найти брата Аксила, но Лука боялся сказать своему гувернеру, что он согласился на просьбу лорда Тиниана. Поэтому вместо этого он сидел в кресле отца в зале совета и отчаянно пытался почувствовать себя там на месте.

4

Рева

Крылья Ревы сильно хлопали в темноте, она летела вокруг крепости Несры. Она не могла ясно видеть сады и здания внизу, так как дождь барабанил по камню, делая даже свет фонарей и ламп сторожей едва теплым мерцанием в буре.

Однако ей не обязательно было это видеть, чтобы помнить. Ее крылья взмахнули раз, другой, а затем она расправила их и обогнула Всевидящую башню. Король Давэд регулярно приходил сюда в сопровождении стражи. Никто не знал почему, и хотя она знала, что Серена и Матиас посмели бы последовать за ним, насколько она знала, ни один из них этого не сделал.

Внизу, в большом зале, где с черепицы стекал дождь, находился тронный зал. Сразу за ним были сады, по которым они с Лукой обычно бегали.

Рева сделала круг шире. Там были комнаты Луки. Однажды он сказал ей, что ему нравится вид из них, но когда она пошла навестить его, он был слишком слаб, чтобы даже встать с постели. Врачи сказали, что он был таким, когда болел, и она поняла, что он лгал, чтобы она не беспокоилась о нем.

Тогда она поняла, что когда-нибудь по-настоящему полюбит его. Лука всегда был добрым. Он всегда стремился угодить, не быть обузой или помехой. Несомненно, он был бы хорошим королем. Безусловно, его стоило увидеть. Теперь она могла бы приземлиться здесь и отправиться в покои короля. Она знала, где они.

Или он спал в своих старых комнатах? Это было бы похоже на него, подумала она.

Крылья несли ее ниже, но она все еще колебалась. Что она на самом деле знала о Луке? В таверне она слышала рассказы о том, что теперь он силен, что сражался плечом к плечу с зантийскими солдатами, когда они ломали ворота и высаживались на берег. Очевидно, его слабость прошла. Если сплетни Стефана были правдой, Лука был менти и он убил Матиаса. Рева отмахнулась от истории с убийством, но факт оставался фактом: прошло несколько лет с тех пор, как она в последний раз видела своего друга детства.

Она не могла быть уверена, что это безопасно. Если она приземлится здесь сегодня ночью, ей придется рассказать ему, как она оказалась в Крепости Несры, и тогда он узнает ее секреты, и что он будет с ними делать? Что, если он, как и Давэд, посвятил себя уничтожению менти?

Она повернулась и ускользнула в бурю. Ей нужно было узнать больше, прежде чем она сможет доверить Луке историю о том, кем и чем она была.

Но как?

Она тяжело приземлилась на поляне в лесу за городом, слишком сильно ударившись о землю, слишком быстро трансформировавшись и перекатившись по листьям, камням и большому количеству ежевики. На мгновение она посмотрела в небо и позволила дождю падать на ее лицо, а затем заставила себя сесть и подобрать свою одежду. По крайней мере, она научилась летать, даже если она еще не могла хорошо приземлиться и менять облик.

Она ждала, сколько могла, пока вода немного не высохнет на ее коже. Ее платье, висевшее над кустом под самым густым деревом, которое она могла найти, еще не высохло, но не было причин ухудшать положение.

Когда она, наконец, надела платье, она вздрогнула от липкости мокрой ткани. Ей нужен был костер, но она не осмелилась разжечь его, пока улези шли по ее следу.

Воры. Это были воры, сказала она себе. Или насильники. Заурядные преступники, увидевшие в гостинице одинокую женщину и воспользовавшиеся своим шансом. Но ни одна обычная девушка не выпрыгнула бы из этого окна.

У нее перехватило дыхание, и знакомый страх охватил ее. Вот как это началось. Истории рассказывали, Сестры слышали, и они приходили...

В следующий раз ей придется войти в Реялон через другие ворота и сделать все возможное, чтобы изменить свою внешность. Она отправится в Крепость Несры, потому что ей придется это сделать. Она нуждалась в защите Луки. Она определит, был ли он менти, прежде чем рассказать ему свою историю. Конечно, если он был менти, он не выдаст ее за ее силы.

Она была так поглощена своими мыслями, что не заметила необычного треска ветвей, пока не стало слишком поздно. Прежде чем Рева успела оглядеться в поисках источника звука, она обнаружила, что смотрит в два глаза со щелевидными зрачками. Длинный язык

высунулся, пробуя воздух между ними, и улези зашипел, пригнувшись, чтобы посмотреть на нее. Это был легкий, воздушный звук, но она не могла спутать его ни с чем другим.

Рева закричала прежде, чем смогла сдержаться. Ее пальцы сжались в кулак, и она встала на колени, толкая руку вперед. Кулак попал улези в нос, и существо отшатнулось от нее с воем боли.

Рева вскочила на ноги и побежала через подлесок, проклиная себя за свою глупость. За ее дверью был улези. Если бы она серьезно отнеслась к предупреждениям, она бы бежала, спасая свою жизнь, а не пролетала над Крепостью Несры в драконьей форме только для того, чтобы вернуться сюда, в пределах легкой досягаемости от того места, где они впервые нашли ее.

В своем ужасе она не изменила облик. Ее мысли кипели: очевидно, они уже знали, что она оборотень-дракон, но если они не знали, она, возможно, могла бы убедить их, что она такой не является. Но они знали. Иначе зачем бы они пришли за ней в лес? Но, может...

Она слышала, как они перекликаются позади нее, и почувствовала, как желчь подступает к горлу. Они собирались убить ее. Они собирались вырвать ее сердце.

Теперь она с ужасной уверенностью поняла одно: то, что Арон сделал с ее семьей, он сделал, потому что боялся улези. Арон был сильным бойцом и уверенным мужчиной. Его безумие, которое выросло с тех пор, как он убил ее семью, показало ей, что он не был безжалостным убийцей.

Он считал улези настолько пугающими, что решил убить семью, родителей и детей, чтобы сохранить свою семью в безопасности. Как Рева могла не видеть этого раньше? Улези, должно быть, снились в кошмарах.

Один бросился ей наперерез, и она закричала, инстинктивно затормозив. Это был неверный шаг. Это позволило им окружить ее. Их было пятеро, все с длинными языками, все наклоняли головы, чтобы посмотреть на нее нечеловеческими глазами. Видеть эти глаза на почти человеческом лице было ужасно.

Рева отшатнулась. Напрасно, ругала она себя. Если бы она продолжала бежать, ей, возможно, удалось бы освободиться от того, кто был перед ней, и продолжить идти в лес.

С какой целью? Их было пятеро, а она одна. В конце концов, она устанет, и даже если каким-то чудом ей удастся сбежать, ее найдут. Они всегда найдут ее.

Железная плеть, такая же пытка, которой когда-то владели Сестры, потянулась к ее запястью. Рева тупо посмотрела туда. Она должна была изменить облик. Она должна была продолжать бежать. Она должна была улететь далеко-далеко, чтобы они не смогли ее преследовать.

За оцепенением последовала ярость. Как они смели пытаться заточить ее? Она была драконом.

Она зарычала на них в ярости. Звук исходил из человеческого горла, из разбитого и израненного тела матери, из крошечной женщины, которую эти улези совершенно не боялись, но Рева знала, что она была чем-то большим. Она никогда не была просто человеком. Она пережила смерть своей семьи, пережила попытку Арона навсегда покончить с ее родом и освободилась от Сестер.

Она не умрет здесь, поклялась она себе. Она потянула рукой, пойманной хлыстом, так что удерживающий ее улези стал тянуть к себе, а затем она ослабила напряжение в руке и позволила инерции унести ее. Она хлестнула его по лицу. В этой форме у нее не было когтей, но она была драконом. Она провела пальцами по его лицу и снова победно

закричала, когда он отшатнулся, схватившись за глаза.

Плеть была сделана так, чтобы цепляться, поэтому она не упала, когда он отпустил ее. Рева знала, что не может тратить время на то, чтобы убрать ее. Ей нужно было сосредоточиться на следующем улези, а затем на следующем, пока все они не исчезнут.

Однако их было достаточно, и она должна была сделать больше, чем просто сосредоточиться на одном. Она обогнула следующего, чтобы он был между ней и остальными, и они не могли напасть на нее, пока она сражалась с ним. В момент вдохновения она выбросила скованную цепью руку и позволила рукоятке кнута взлететь. Зубы вонзились ей в запястье, и она кричала от боли, но рукоять попала улези в голову и на мгновение оглушила его. Рева оттолкнула его, а затем осмотрела пространство вокруг себя, отчаянно нуждаясь в каком-нибудь оружии.

Она едва слышала рев сквозь завывание ветра и собственное дыхание, но то, что она услышала, заставило ее вскинуть голову и повернуться. Сверху обрушился огонь, попал по группе из трех улези, и они завизжали от боли. Это был звук из-за пределов мира смертных, полный ярости и агонии, который был порожден не только этим моментом.

Нет, улези страдал. Всю жизнь они страдали. Вопреки себе, Рева нашла к ним сострадание, когда они умерли.

Она была так поглощена наблюдением за тремя убитыми огнем дракона, что забыла о том, с кем все еще сражалась. Он отпрянул с шипением и воплем, и она поняла выражение его глаз, и ему не нужно было говорить ни слова. *Ты убила моих друзей, и я скоро умру. Но я могу взять тебя с собой.* И у нее по-прежнему не было оружия.

Сине-зеленый дракон с воплем вырвался из-за деревьев и пронзил улези когтем. Челюсти сжались, чтобы оторвать голову существа, но вместо того, чтобы сделать проток, дракон с отвращением выплюнул голову, прежде чем превратиться в Карлию. Она споткнулась на мгновение босыми ногами и посмотрела на Реву, тяжело дыша.

Они оба оглянулись на поляну, и мгновение спустя голос Сэма крикнул:

— У меня последний!

Рева сбежала от них. Она была в ярости, не в силах встретиться с ними лицом к лицу после того, как узнала правду о том, что произошло между их семьями. Однако сейчас она сделала два шага и обняла Карлию. Другая девушка обняла ее в ответ, дрожа как от боя, так и от холода, дождь хлестал по ее обнаженному телу.

Рева сдавленно рассмеялась.

— Мы должны тебя одеть.

— Да, — Карлия со смехом отстранилась и пошла за кожаным рюкзаком, подняла его с земли. — Я вставляю сюда лодыжку, прежде чем изменить облик, и тогда я могу носить с собой одежду, понимаешь?

— Это умно.

Рева отвела взгляд, пока женщина одевалась. Когда она оглянулась, то увидела, что Сэм стоит со своей сестрой. От дождя его туника прилипла к груди, а волосы — ко лбу.

Непрошенное воспоминание пришло в голову Ревы. Они изменили облик в пещерах, и на мгновение тело Ревы прижалось к телу Сэма. Он не был ее мужем, человеком, который бил ее и не хотел от нее ничего, кроме сыновей. Он не был Лукой, мальчиком, за которого она собиралась выйти замуж. Он был всего лишь Сэмом, а она была всего лишь Ревой.

Слезы защипали глаза Ревы, и она не могла сказать почему.

— Спасибо, — сказала она вместо этого. — Я бы... — она прикусила губу и посмотрела

на лесную подстилку. — Спасибо.

Наступила тишина.

— Нам нужно найти убежище, — наконец, сказал Сэм. С уходом Арона его голос стал более властным. — Пятеро здесь были единственными улези, о которых мы знали в этом районе, но нам нужно быть в тепле и сухости. Мы должны вернуться к...

— Нет, — Рева была благодарна за их вмешательство, но категорически отказывалась возвращаться. — Я не продолжаю играть в игру, в которую играли ваши родители. Я не буду прятаться.

— Рева, — Сэм шагнул вперед. Он был расстроен, его губы сжались в тонкую линию. — Что тогда? Здесь слишком опасно. Ты чуть не...

Он оборвался и отвернулся, и Рева с уколом вины увидела, что ее столкновение со смертью напугало его. Прежде чем она смогла остановиться, она шагнула вперед, чтобы коснуться его лица рукой. Она знала, что Карлия отводит взгляд, а Сэм застыл в удивлении. Он повернулся и посмотрел на Реву.

— Я знаю, что слишком опасно оставаться здесь без плана, — сказала ему Рева. — Но мы чуть не уничтожили себя. Есть шанс, что мы последние из драконов. Нам нужен план лучше, чем прятаться в пещерах.

Через мгновение он кивнул.

— Я видел поблизости заброшенный сарай, — сказал он. Он все еще держался ровно, чувствуя ее прикосновение. — Мы отправимся туда и... составим план.

5

Серена

Серена шла по боковому коридору и старалась не выглядеть так, будто торопится. После собрания совета она вернулась в покои, чтобы проверить Каролину. Хотя Стефан пропал без вести, а его силы были отброшены, Серена не могла избавиться от страха, что с ее сестрой что-то может случиться.

По правде говоря, она чувствовала себя виноватой за то, что посоветовала Каролине не бороться, когда близилась принудительная свадьба. Часть духа Каролины была выбита из нее не только жестокостью ее брата, но и тем фактом, что Серена не поддержала ее в неповиновении.

Серена часто думала, как объяснить, почему она так настаивала на том, чтобы они не боролись. Стефан был жестоким и своенравным. Если хотя бы половина слухов о нем была правдой, что он мог им сделать за то, что они бросили ему вызов? Что Миккел мог сделать с ними? Лучше быть замужем и живыми, чем мертвыми. Но когда она увидела лицо Каролины и тень на нем, которая теперь всегда была там, все, что она могла вспомнить, это то, что она сказала своей младшей сестре согласиться с браком. Вот что помнила Каролина.

На этот раз, как всегда, Серена неловко задержалась во внешней комнате и задавала бессмысленные вопросы. Она пыталась спровоцировать Каролину вести себя как обычно, непочтительно, но вместо этого ее сестра только разозлилась и унесла книгу в спальню, захлопнув за собой дверь.

Теперь Серена опоздала на встречу с лордом Тинианом и братом Рафаэлем, человеком, который, как сказал ей Тиниан, поможет им с распространением лекарства от чумы. Ее кровь кипела от мысли о том, что ей сказали на заседании совета. Нелепые фанатики Стефана подожгли множество кораблей, полных лекарств, и теперь Эстале приходилось просить еще партию лекарственных трав.

Было логично, что зантийцам потребуется больше денег, чтобы произвести еще больше лекарства, особенно когда они опасались широкой вспышки в Зантосе. Тем не менее, Серене не нравилось, как лорд Тиниан торговался, когда люди умирали.

Она заставила себя улыбнуться, подходя к двери. Она будет любезна. Какие бы проблемы ни были между двумя народами, она поклялась, что не усугубит их, будучи такой же надменной и неприятной, как Стефан.

— Лорд Тиниан, — сказала она с теплой улыбкой, входя в комнату. — Надеюсь, вы не ждали... о.

Человек у камина встал и почтительно поклонился.

— Принцесса Серена.

— Вы... Брат Рафаэль? — когда Тиниан казал о брате Понимания, искусном в целительстве, Серена представила себе кого-то вроде брата Аксила, более старшего и опытного в проведении эффективной кампании против чумы.

— Да, — он улыбнулся ей.

Серена подошла ближе, любопытная. Брат Рафаэль, вопреки ее представлениям, был лишь на год или два старше нее. Его каштановые волосы аккуратно лежали на голове, отблескивая рыжим на свете, и, хотя его лицо было приятным, именно его глаза поймали и удержали ее. Они были темно-карими, такими выразительными и живыми, что Серена чуть не наклонилась к нему.

Она поняла, что глазела, и покраснела.

— Прощу прощения, брат Рафаэль. Я не ожидала, что вы будете таким...

— Таким...? — повторил он.

Серена была почти раздражена невинным выражением его лица. Он хорошо знал, что она имела в виду, но предпочел притвориться. Она села у огня и через мгновение жестом пригласила его занять свое место.

— Таким молодым. Вы явно были гением в учебе.

— Важно то, смогу ли я помочь положить конец чуме, — серьезно сказал он. — Любые мои таланты бесполезны, если они не служат Просвещенному Богу.

Серена постаралась не хмуриться. У другого она заподозрила бы, что такая преданность — ложное благочестие, но у нее было сильное ощущение, что Рафаэль верил в то, что говорил.

— Значит, вы считаете, что от нас требуется только лекарство, — сказала она после паузы. — Не строить храмы Аниосу.

Рафаэль слегка улыбнулся ей. По выражению его лица невозможно было сказать, что он обо всем этом думал.

— Просвещенный Бог дал нам все щедроты этого мира и наши таланты. Благодаря этому, мы узнали секреты медицины. Было бы жестоко дать нам такое понимание мира и ожидать, что мы не будем использовать его для облегчения страданий наших собратьев. Я не вижу в этом смысла.

— Я с вами согласна, — Серена ответила полуулыбкой. Хотя она не сомневалась в набожности, которую она видела в Рафаэле в начале, теперь она могла видеть и его гордость талантами. По силе, с которой он произнес эти слова, она поняла, что другие священники, должно быть, задавали ему вопросы. Она поправила юбки, пока думала. — Должно быть, вам было трудно говорить такие вещи, когда мой брат Стефан был на троне.

Рафаэль одарил ее холодным взглядом, и она увидела, что недооценила его таланты

придворного. Он не собирался просто говорить, он собирался подождать, чтобы увидеть сначала ее намерения.

— Брат, прежде чем вы ответите, позвольте мне быть с вами откровенной. До исчезновения Стефана мы с ним не были в хороших отношениях. Он считал, что я стремилась вытеснить его, а я считала, что его действия не помогут гражданам Эсталы. Я фактически была пленницей, когда прибыл флот из Зантоса.

Рафаэль слегка кивнул, словно почувствовал облегчение.

— Я понимаю, — словно задним числом, вспоминая правила этикета, он добавил. — Я сожалею о ваших страданиях, принцесса.

— Можно ли это назвать страданием? — легкомысленно спросила Серена. — Я по-прежнему жила в роскоши.

Он посмотрел на нее, просто посмотрел, и повисла тишина, а она прикусила губу и отвернулась от этих темных глаз. Они пугали ее. Никто не смотрел так на принцессу, по крайней мере, когда они оставались в комнате одни.

Где лорд Тиниан?

— Вы должны пойти со мной в город, — вдруг сказал Рафаэль.

— Что? — Серена посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— В мой обход, — Рафаэль улыбался. — Вы могли бы помочь некоторым из тех, кто страдает. Вы могли бы увидеть, как используются лекарства.

— О, я не... — голос Серены оборвался, и она поспешно кашлянула. — Это было бы совсем не правильно.

— Почему нет? — его брови удивленно приподнялись, будто он не мог придумать ни одной причины.

— Я принцесса, — снова расстроилась Серена. Неужели этот человек понятия не имел, о чем спрашивал? — Небезопасно идти в город, — когда он сильнее нахмурился от смятения, она почувствовала, как растет ее раздражение. — Есть люди, которые могут захотеть навредить мне. Есть люди, которые могли бы... — боги, она наслушалась лекций своего отца за годы. Она должна уметь придумать, что сказать. Почему ее разум был таким пустым? — Я могу заболеть, — сказала она, наконец. Это был неопровержимый факт.

К ее удивлению, Брат кивнул.

— Можете, — согласился он.

— Хорошо, — сказала Серена через мгновение. Это казалось слишком легким, но она одержит победу. — Значит, вы понимаете.

— Нисколько.

Она ненадолго закрыла глаза. Этот человек бесил.

— Я не могу заболеть, — сказала она ему. — Я не могу подвергать себя опасности. Я...

— Дитя королевской семьи, — он легко отмахнулся от ее статуса. — Ваш брат Лука претендует на трон, да? Вы не унаследуете трон.

Пальцы Серены сжались в кулаки на коленях.

— Простите, — когда она удивленно подняла глаза, то увидела уровень понимания, которого не ожидала найти в глазах Брата.

— Почему вы извиняетесь? — спросила она.

— Потому что я слышал о ваших попытках принести сюда лекарство, — сказал ей Рафаэль. — Заключение договора со страной, которая могла быть врагом Эсталы, было проявлением умения искусно править — насколько я понимаю такие вещи. Из вас вышел бы

хороший правитель, принцесса. Когда я сказал то, что сказал, я увидел выражение вашего лица. Вы думаете, что принесете пользу Эстале, если сядете на трон.

— Я... — Серена огляделась, внезапно поняв, что кто угодно мог это слышать. — Я верна трону, — осторожно сказала она. — Я бы никогда не стала пытаться вытеснить Луку, — особенно сейчас, когда он правил с тем же добрым сердцем, что и Матиас. Лука был бы лучшим королем, чем Стефан, независимо от того, насколько подавленным он себя чувствовал. Серена уже видела это.

Губы Рафаэля изогнулись, он посмотрел на свои колени.

— Но вы должны понять, что я все еще не могу сопровождать вас в городе, — сказала ему Серена. — Это слишком опасно.

— Это опасности, с которыми мои Братья сталкиваются каждый день, — сказал он ей. — Неужели ваша жизнь настолько важнее их, что вы оставите их наедине с опасностью? Вы организовали доставку лекарства, но поручите раздать его только тем, кого считаете расходным материалом?

Серена снова покраснела. Чувство вины сдавило ее грудь.

— Простому народу было бы полезно увидеть свою принцессу, — добавил Рафаэль. — И вам было бы полезно их увидеть. Что вы на самом деле знаете о своем народе?

— Этого вполне достаточно, — она подняла голову. — Брат Рафаэль...

Дверь за ними открылась, и Тиниан с сожалением поклонился.

— Простите. Меня задержали после заседания совета, — быстрым взглядом он окинул сцену перед собой. — Надеюсь, я не очень много пропустил.

— Нет, — ответил Рафаэль, когда Серена встала, чтобы сказать то же самое. Она едва сдержала раздраженный взгляд на него, когда он продолжил. — Пожалуйста, милорд, присоединяйтесь к нам.

Серена снова опустилась на свое место, ненавидя Брата и прекрасно ощущая бдительный взгляд Тиниана. Она не могла позволить ему увидеть, что она встревожена. Он был как охотник, думала она, выискивал слабости.

— Я надеюсь, что вас задержали не проблемы, — сказала она лорду Тиниану.

— Ах, нет, — он покачал головой. — Небольшое дело. Брат Рафаэль, пожалуйста, скажите нам. Какова будет ваша стратегия борьбы с чумой?

— Первый аспект — сдерживание, — серьезно сказал брат Рафаэль. — Важно, чтобы болезнь не распространялась между городами. Мы должны закрыть ворота.

— И не пускать наших людей? — в ужасе спросила Серена. Понизив голос, она добавила. — Или запереть их.

— Честно говоря, да, — Тиниан посмотрел на нее. — Чума уже добралась до некоторых деревень, но Реялон — очаг заражения в Эстале. Каждый, кто уйдет, может принести заразу в отдаленные деревни.

— Нет необходимости придерживать лекарства, — заверил Серену Рафаэль. — Мы могли бы использовать священников, не подвергшихся воздействию чумы, и вывести их через пещеры под Крепостью Несры. Когда они покинут город, они смогут принести помощь в разные места Эсталы. Мы даже можем направить корабли из Зантоса к разным точкам побережья, чтобы лекарства не нужно было раздавать из Реялона.

— На самом деле это будет не так уж сложно, — Тиниан улыбался.

— Почему нет? — Серена чувствовала себя неловко. Что-то в улыбке Тиниана вывело ее из себя.

— Я говорил с принцем Лукой после заседания совета, — небрежно сказал Тиниан. — Брат Рафаэль, согласны ли вы с тем, что было бы разумно иметь в Эстале несколько мест, где можно было бы производить и распространять лекарства от чумы?

— Конечно, — Брат Рафаэль выглядел заинтересованным.

Серена немного сузила глаза, прежде чем поспешно сделать лицо ясным и открытым, когда взгляд Тиниана упал на нее.

— У нас уже есть инфраструктура, которая может сделать это, — торжествующе сказал Тиниан. — Сады Аниоса производят травы, необходимые для изготовления лекарства. Если мы просто дадим им необходимые материалы, чтобы разлить его по бутылкам, они смогут очень скоро начать рассылать лекарства.

Серене стало холодно.

— Сады Аниоса закрываются.

— Принцесса, я понимаю, что...

— Что такое Сады Аниоса? — Брат Рафаэль деликатно перебил его. Хотя он не был дворянином, он сразу же привлек внимание Серены и Тиниана.

— Это лагеря рабов, — твердо сказала Серена. Она заметила удивление Брата и повернула голову, чтобы посмотреть на Тиниана. — И Лука совершенно справедливо сказал, что он их закроет.

— Все не так просто, — объяснил Тиниан брату Рафаэлю, будто Серены там не было. — Видите ли, лагеря были основаны королем Давэдом как метод... изгнания менти.

Брат Рафаэль молчал.

— Их загоняли до смерти, — резко сказала Серена. — Это была казнь без вины, — никогда прежде ей не было так противно воспоминание об отце.

— Таким образом, они по-прежнему служили интересам вашей нации, но не могли работать против нее, — сказал Тиниан, словно поучая ребенка. — Принцесса Серена, менти не любили вашего отца. Это была мудрая предосторожность.

Серена отвернулась от него. С тех пор как она была маленькой, менти были врагами Эсталы. Ей было трудно отстаивать их интересы, тем более следовать за королем, обладавшим способностями менти. Но лагеря ошибались.

— Возможно, нам следует обсудить это в другой раз, — предложил Тиниан.

— Нет, — сказала Серена. — Нет. Мы должны без промедления обсудить распределение лекарств. Чума не отступит сама. И мы не должны, — она успокоилась, контролируя свои эмоции. — Брат Рафаэль, что вам нужно из материалов? Сколько людей вам понадобится, чтобы помочь вам в городе и в сельской местности? Что еще мы должны знать?

Однако пока он говорил, она не могла заставить себя сосредоточиться на словах. Все, что она могла слышать, это одна мысль, которая кружилась и кружилась: *Лука не сдержал свое слово.*

6

Рева

Когда огонь потрескивал и сыпал искрами, Рева резко вдохнула. Хотя на улице шел дождь, и крыша амбара явно протекала, большая часть помещения все еще была сухой и пыльной: несколько стеблей сена, покосившиеся стойла, сломанное колесо телеги, которое кто-то, должно быть, планировал починить и не стал. Все это могло быстро загореться.

Но искры исчезли, и она выдохнула.

— Интересно, кому принадлежало это место, — тихо сказала она, — и куда они пошли.

— Дом сгорел, — сказала Карлия. Она подняла голову, чтобы встретиться взглядом с Ревой. — Мы вчера проходили мимо, до того, как начался дождь.

— Вероятно, это была таверна, — сказал Сэм. — Так близко к Реялону. Полей нет.

Это имело смысл. Рева кивнула. Значит, здесь не было темной истории. Просто таверна, которая сгорела, и владелец, который не хотел тратиться на ее восстановление.

Она все еще думала, куда они ушли. Любой землевладелец рядом с замком ее семьи мог ожидать, что ее отец приютит его, если он так пострадает. Дом будет перестроен совместными усилиями соседей, возможно, за расходы заплатят из казны ее семьи, а затем семья вернется домой.

Однако так близко к Реялону у владельцев этой таверны не было лорда, к которому они могли бы обратиться, и она чувствовала, что они вряд ли могли пойти к королю и попросить его спасти их. Она нахмурилась, протягивая руки к огню. Так много людей в Эстале столкнулись с трагедией, и некому было защитить их. На менти активно охотились. Простые люди столкнулись с чумой, и Стефан не помог им с ней.

— Итак, куда ты собираешься отправиться? — наконец, спросил Сэм.

Рева молча подняла взгляд.

— У тебя должно быть место, — его слова были решительными. — Мы не будем... мы никогда не будем... я не мой отец, — он выдержал ее взгляд, даже когда по спине Ревы пробежал холодок. Он выглядел смущенным, но решительным. — Я бы никогда не сделал того, что сделал он, но я не могу просто отпустить тебя, Рева, если тебе негде укрыться.

Рева отвернулась. Она не могла смотреть на него, не видя Арона.

— Крепость Несры, — наконец, сказала она. Это был единственный ответ. — Лука вернулся. Стефан в бегах. Лука больше не мой жених, но он будет защищать меня, — ей хотелось, чтобы она чувствовала себя более уверенно, когда говорила это. Наконец она встретила взглядом с Сэмом и обнаружила, что Сэм странно смотрит на нее. — Что?

— Я забыл, кто ты, — сказал он через мгновение. Он звучал горько. — Дочь лорда. Тогда ты была бы принцессой, — он сделал паузу, а затем добавил еще более горько. — Теперь ты можешь стать королевой.

Рева почувствовала неожиданную волну гнева.

— Ты забываешь, что ваша семья когда-то была высокородной, — она покачала головой и попыталась сдержать гнев. — Ты знаешь, как я оказалась помолвлена с Лукой?

Взгляд Карлии беспокойно метался между ними. Сэм помедлил, потом покачал головой.

— Меня привезли в Крепость Несры после того, как мои родители были убиты, — резко сказала ему Рева. — Маленькая девочка, одинокая и напуганная. Давэд сжалился надо мной. Я думала, что тогда он заботился обо мне, обручив меня с Лукой. Конечно, теперь я вижу, что это было не так. Я была хорошим напоминанием двору о том, почему менти нужно убивать, да? И он не ожидал, что Лука выживет, поэтому не старался, — она тяжело дышала, а затем гнев покинул ее так же быстро, как и пришел. — Но какое-то время я была счастлива там, — тихо закончила она.

— Каким был Лука? — спросила Карлия. Ее брат уставился на нее, и она посмотрела в ответ. — Нам нужно знать. Если мы идем туда.

— Я иду туда, — сказала Рева, когда Сэм сказал:

— Мы не идем туда.

Воздух сгустился от напряжения, когда между ними повисли слова Ревы.

Карлия открыла рот, чтобы заговорить, но, похоже, передумала.

— Тогда все равно скажи мне, — сказала она, наконец.

— Он был добр, — Рева улыбнулась. — Но ему нездоровилось. Они всегда беспокоились, что он может умереть, но он никогда не ожесточался и не злился. Он боготворил Матиаса — полагаю, все мы боготворили. Матиас был наследником, и все видели в нем потенциал стать великим королем, — объяснила она Карлии. — Он был сводным братом Луки — ну, это не важно. Лука никогда не думал, что станет королем. Он даже не надеялся дожить до совершеннолетия. Нет, у него не было амбиций стать королем, но у Стефана были. Лука был счастлив. Он был добр. Он был совсем не похож на Стефана.

— Быть королем нелегко для доброго человека, — сказала Карлия.

— Я не могу быть уверена в его доброте сейчас, — заметила Рева. — Много может измениться со временем. Стефан был отправлен в Зантос с армией, чтобы победить менти. Ходило много слухов, что Лука был одним из них, что он убил Матиаса. Лука, которого я знала, никогда бы так не поступил, — добавила она, увидев выражение лица Сэма.

— Кто может сказать? — он приподнял бровь. — Корона — это большой приз.

— В последний раз, когда я видела Луку, единственным призом, которого он жаждал, была жизнь.

Сэм лишь раздраженно пожал плечами, а Рева отвернулась, пытаясь успокоиться.

— Ты беспокоишься, что он может быть другим сейчас? — спросила Карлия.

— Конечно, — рявкнула Рева. — Король Давэд продал меня Францису, как корову. Францис использовал меня как племенную кобылу и бил меня, когда я не рожала ему сыновей. Если не считать Луки, мой опыт общения с королевской семьей не был счастливым.

— Рева, — Карлия подошла и села рядом с ней. Рева ожидала утешения, но лицо Карлии было серьезным. — Если Лука — тот добрый мальчик, которого ты помнишь, он приютит тебя. Может, и нас. Если он менти, нам будет только на пользу, если менти на троне. Ты можешь рассказать ему о тех, кто держал тебя в плену. Держу пари, он о них не знает. А если он не менти, и он не такой добрый, как ты помнишь, то тебе нужно быть рядом, чтобы напомнить ему, каким он был раньше. Говоришь, он был мил с тобой?

Рева осторожно кивнула.

— Верни этого мальчика, — сказала Карлия. — Если он изменился один раз — а мы даже не знаем, что он изменился — но если он изменился, он может измениться снова. Когда он увидит тебя, он вспомнит, как все было раньше.

Рева прикусила губу. Это был хороший момент. Но это все еще казалось ужасным риском.

Она повернулась к Сэму.

— Что ты думаешь?

Она надеялась, что он найдет дыры в аргументах Карлии и даст ей предлог не возвращаться, но Сэм только пожал плечами.

— Она права. С улези и Давэдом наша семья была почти раздавлена. Твоя семья была в привилегированном положении, но им все равно приходилось скрывать, кем они были. Полагаю, ты могла бы убедить короля Луку быть добрее к менти.

«Полагаешь?» — Рева проглотила ребяческий ответ. Сэм просто пытался поступить правильно.

Порыв ветра ударил в стену сарая, и все они вздрогнули. Глаза Ревы искали области чистого черного цвета, которые она могла видеть сквозь разбитые стены. Возможно, огонь был слишком большим риском. Что, если улези было больше, чем знали Карлия и Сэм?

Карлия, должно быть, думала в том же духе, потому что вдруг сказала:

— Я никогда раньше не видела их. Улези, я имею в виду. Я испугалась.

Сэм сжал ее ладонь.

— Я тоже, — признался он.

Рева не говорила. Этот момент был для них. Они прожили жизнь скованно, убегая от улези, и теперь, когда они только потеряли родителей, они вдруг столкнулись с тем, от чего так долго бежали.

— Они знают, что нас больше, — сказала Сэму Карлия, и в ее голосе звучала тревога.

— Я знаю, — сказал он. — Но оно того стоило.

Они искали ее и спасли. Их обстоятельства были сложными. После всего, что произошло между ними, Рева не удивилась бы, если бы Сэм решил обвинить ее в смерти своего отца. Вместо этого он и Карлия рисковали всем, чтобы спасти ее жизнь. Как бы он ни бесил, она была жива благодаря ему.

Он встретился с ней взглядом, и она увидела его горе — но оно было второстепенным по сравнению с его яростью.

— Мне надоело прятаться, — сказал он. — Что мы от этого выиграли?

— Все эти годы вместе... — начала Карлия, но Сэм оборвал ее.

— Это была тюрьма! Рева была права, когда пришла. Я просто отказался слушать. Улези рано или поздно найдут нас, и что, если в дикой природе родится больше драконов? Их бы выследили. Нет, — он сжал кулак и ударил им по ладони другой руки. — Улези нужно уничтожить.

— Им так больно, — пробормотала Рева. — Я понимаю, почему они злятся.

— Они должны ненавидеть драконов, которые их породили, — твердо сказал Сэм. — Не нас. Мы не имели к этому никакого отношения. Если они не хотят, чтобы у нас были еще дети, они могли бы хотя бы спросить нас, прежде чем убивать.

Рева слегка улыбнулась ему.

— Я об этом не думала.

— Судя по всему, они тоже, — он покачал головой. — Так что ты думаешь? Вы обе. Как мы их остановим?

— Мы должны начать с безопасного места, — сказал Рева. — Где мы можем планировать, не опасаясь их нападения, — она расправила плечи. — Мы должны отправиться в Крепость Несры. Или... я должна пойти и посмотреть, безопасно ли это.

— Нет. Куда идет один из нас, туда идут все. Безопаснее держаться вместе, — Сэм покачал головой. — Если ты пойдешь, мы идем, — он выглядел не очень счастливым по этому поводу. — Что потом?

— Мы выясняем уязвимые места улези. Должно быть что-то. Мы должны выяснить, какими силами и оружием они обладают. Только когда мы узнаем, с чем имеем дело, мы сможем надеяться победить его.

— Она делает правильный вывод, — сказала Карлия. Она прикусила губу и робко рассмеялась. — Мы сделаем это? Мы собираемся сражаться с ними?

— Да, — яростно сказал Сэм. — Мы всю жизнь бегали. Когда родятся следующие оборотни-драконы, я хочу, чтобы мир был для них безопаснее. Карлия, твои дети. Мои

дети, — наступила пауза, во время которой он не смотрел на Реву. — Улези — монстры. Ими движет ненависть. Мы должны положить им конец.

Карлия смотрела на Реву, ее губы были плотно сжаты.

— И ты согласна?

Рева кивнула.

— Да. Это одна из... ну, одна из проблем. Но я полагаю, если Лука позаботится о Садах Аниоса, мы сможем сразиться с улези, — она почувствовала укол вины и сжалась. — Хотела бы я найти Карину и остальных. Хотела бы я, чтобы они знали, что я в безопасности.

— В безопасности? — спросил Сэм. Он приподнял бровь, но это явно была шутка.

Рева рассмеялась. Было приятно смеяться.

— Ни в малейшей степени, — сказала она, и после паники и истощения последних нескольких часов даже это казалось забавным. — Но я жива.

Свет огня отражался на лице Сэма, когда он улыбался ей.

— Это хорошее начало.

— Да, — Рева кивнула. — Это так.

Повисла неловкая пауза. Сэм кашлянул.

— Надеюсь, *они* в безопасности, — сказала Рева. Каким бы ни был момент, он был нарушен, и она отвела взгляд. — Надеюсь, они не попали в плен снова. Я не смогла бы продержаться в Садах дольше. Если они...

Карлия положила свою руку на руку Ревы. Прикосновение было неожиданным, и Рева вздрогнула, но глаза Карлии были серьезными.

— Страх хватает, — сказала Карлия. — Не бойся того, что еще не произошло, Рева.

Рева кивнула.

— Ты выжила в Садах, — сказала ей Карлия. — Если их снова поймают, они тоже сделают все возможное, чтобы выжить. Не обесценивай их, Рева.

Рева выпрямилась и кивнула.

— Не буду. Но если они там, я должна их вытащить. Должна.

— Тогда мы идем в Крепость Несры, — сказал Сэм. На мгновение он зазвучал как мужчина, которым он станет, а не как семнадцатилетний, которым он был. — Решено. Все, поспите. Утром мы придумаем, как туда попасть.

— Мы могли бы полететь, — сонно предложила Карлия, ложась.

Двое других засмеялись.

— Мы могли бы превратиться в драконов и подойти к воротам, — предложила Рева. — Очень вежливо. Я мог бы сказать им, что я леди Рева Авалон, и посмотреть, что они сделают.

Сэм тоже смеялся.

— И сделаешь реверанс?

— Только если на мне юбки.

Они начали засыпать, и Рева глядела на стропила, пытаясь удержать мимолетное чувство, что все в порядке, что мир — это место, где она может улыбаться. Она старалась не думать об улези, а когда подумала о Карине, то услышала в голове слова Карлии: «Не обесценивай их».

— Я найду вас, — прошептала она в потолок, обещая. Затем она свернулась клубочком на боку и позволила сну охватить ее.

Карина

Глупо, глупо, глупо. Все тело Карины болело, но она заставляла себя продолжать разгребать навоз в свинарнике. Она бросила взгляд через плечо на свиней, смотревших на нее с прищуренными глазами, и оскалила зубы. В каждом из этих мест были злые свиньи?

Через мгновение она вернулась к работе. Она воткнула лопату, а затем бросила отходы в кучу на тележке.

— Ту... — прошептала она, воткнув лопату, — ...по, — закончила она мгновение спустя, вываливая ароматную кучу в гору навоза. — Тупо. Тупо. Тупо.

— Что происходит? — рядом появилась сестра Сильвия. — С кем ты разговариваешь?

— Ни с кем, — сказала Карина, не поднимая глаз.

Она ненавидела сестру Сильвию. Женщина была старой, с почти полностью белыми волосами, за исключением нескольких жестких черных прядей, и водянисто-голубыми глазами. Хотя она была старой, она была быстрой. Она не была девушек тростью. Вместо этого она хватала их за волосы и шептала им на ухо ужасные вещи, например, как она придет ночью в спальный зал и оттащит их к стражам.

— Думаешь, ты лучше меня? — спросила сестра Сильвия.

Карина резко подняла голову. Теперь она была настороже. Казалось, были пределы тому, что Сестры были готовы сделать, но она не хотела проверять эти пределы.

— Нет, сестра Сильвия, — Карина заставила себя произнести эти слова. Она попыталась улыбнуться, но у нее это не совсем получилось.

Но сестра Сильвия улыбнулась. Эта улыбка сказала Карине, что Сильвия знала, сколько стоят эти слова. Она знала, что Карине не нравилось играть роль смиренной рабыни. В отличие от других девушек, которых ее угрозы могли напугать до слез, Карина больше всего на свете ненавидела унижаться. Сильвия знала это.

Она ушла, не сказав больше ни слова, и Карина смотрела ей вслед, полная ненависти.

— Я убью тебя, — пообещала она. Она пробормотала слова, боясь, что кто-то может их подслушать. — Я убью каждую из вас.

Но это было неправдой, и она это знала. Вернувшись к работе, она почувствовала слезы на щеках. Здесь она была бессильна. Она пыталась поднять себе и Лотти настроение, но без Ревы, способной взбодрить женщину, Карина не знала, что делать.

Правда заключалась в том, что когда она думала о том, чтобы пойти на такой риск, как Рева, она замирала. Она не знала, как составить план здесь, где кухарка никогда не теряла своих деревянных ложек, где у сестер не было явного осведомителя. Этот лагерь был новее, и женщины были моложе. А если бы они испугались? Каждую ночь Карина лежала без сна, пытаясь заставить себя набраться храбрости, чтобы сбежать.

Каждую ночь она терпела неудачу.

Хуже того, о Рохесе не было ни слова. Ее увезли, истекающую кровью, и с тех пор ее никто не видел. Карина знала, что лучше не спрашивать о подруге. Сестры пытались сравнить девушек друг с другом, поэтому Карине было опасно признавать, что она заботится о Рохесе. Ей все равно не ответили бы.

Однако за ее молчанием скрывался ужасный страх. Ей не хотелось признавать, но она не могла представить сценарий, в котором Рохеса выжила бы. Сестры в последнем лагере дразнили их, говоря, что сюда всегда присылают новых девушек, чтобы заменить их, когда они падали. Если это правда, то зачем им тратить время и силы на лечение Рохесы? Лучшее, на что Карина могла надеяться, это то, что Рохесу оставили в углу лазарета и забыли о ней,

чтобы жить или умереть безо всякой заботы.

В главном дворе возникла суматоха, и она положила лопату на тележку и перелезла через забор, чтобы разобраться.

Когда она увидела причину переполоха, у нее похолодела кровь.

Карина побежала вперед. Лотти была привязана к столбу для порки, и по полосам на ее спине было видно, что ее уже много раз били плетью. Какой бы маленькой и неприметной она ни казалась, Лотти была полна решимости. Она не кричала, Карина была уверена. Если бы она это сделала, Карина услышала бы ее.

Она проталкивалась сквозь собравшуюся толпу, готовая остановить этот варварский поступок, когда двое других заключенных поймали ее. Другие рабы знали, что она и Лотти пришли вместе, и ходили слухи, что Карина здесь, чтобы спасти их всех. Несмотря на то, что с тех пор она ничего для них не сделала, женщины не собирались допустить, чтобы она попала в беду, вмешиваясь.

— Что случилось? — спросила Карина Элли, одну из молодых женщин.

Девушка откинула светлые волосы с глаз и сжалась.

— Я не видела, — призналась она. — Но ты же знаешь, какой может быть сестра Аврора.

Сестра Аврора. Карина сглотнула. Она знала. Сестра, казалось, особенно злилась на Карину. В этом не было ничего удивительного, поскольку она заметила изменение лица Карины, но — как и все сестры, по мнению Карины, — Аврора таила в себе обиду больше, чем большинство людей.

И она хлестала Лотти. Это могло быть способом задеть Карину, а не просто наказать другую девушку за какое-то выдуманное пренебрежение, на которое Аврора обиделась.

Теперь Аврора сердито смотрела на собравшихся заключенных, ее глаза сузились до двух злобных щелок.

— Пусть это будет уроком для всех вас. Если думаете, что можете не уважать сестер, вы ошибаетесь. Мы делаем вам добро, оставляя вас здесь. Мы дали вам возможность служить Эстале, а не просто быть врагами королевства. Без Садов вы все были бы преданы смерти!

«Лучше смерть, чем это», — обиженно подумала Карина, но не сказала этого. По правде говоря, она даже не хотела этого. Пока она была жива, еще была надежда на побег. Это могла быть одна из самых жестоких вещей в мире — чувствовать, что надежда угасает день за днем, но это было правдой. Если бы она была мертва, не было бы шансов на что-то еще. Пока она была здесь и жива, она могла, по крайней мере, надеяться, что однажды она будет свободна.

Хлыст ударил снова, и на этот раз Лотти закричала. Карина увидела, как сжались ее руки, и поняла, что силы девушки были на исходе. Так нельзя было жить. Карина почувствовала, как на глаза навернулись слезы. Она не могла позволить Лотти пройти через это одной.

— Я должна пойти к ней, — прошептала она.

— Нет, — яростно сказала Элли. Она схватила Карину за руку, и ее теплые карие глаза встретились с глазами Карины. — Ты не сделаешь ей лучше. Ты будешь страдать так же.

— Вот как они побеждают, — прошептала в ответ Карин. — Они устанавливают правила, чтобы мы не помогали друг другу.

Элли выглядела неуверенно.

— Но что мы можем сделать?

Карин помолчала, но звук удара плетью по коже Лотти решил за нее.

— Что бы сделала Рева, — сказала она. Она высвободила свои пальцы из рук Элли и прошла сквозь толпу.

— Достаточно, — сказала она сестре Авроре.

Внезапно наступила тишина, и все во дворе повернулись, чтобы посмотреть на них. Пленные женщины обменялись украдкой взглядами, открыв рты от шока. Был ли это момент, которого они ждали? Собиралась ли Карина сделать что-то новое, чтобы освободить их?

Чувствуя, что летит к краю обрыва, Карина не сводила глаз с сестры Авроры.

— Достаточно, — снова сказала она. Она указала на Лотти, хотя и не позволила себе взглянуть на подругу. Если бы она это сделала, она заплакала бы. — Она возражала, и ты наказала ее. Теперь это зашло слишком далеко.

Сестра Аврора спускалась по ступеням с хлыстом в обеих руках, ласково поглаживая его, от чего у Карины скрутило желудок.

— Очень далеко? — она спросила.

— Да, — яростно сказала Карина. Она повысила голос, чтобы было слышно. — Ты говоришь, что хочешь, чтобы мы служили Эстале. Она не сможет нормально работать несколько дней с такими травмами. Ты всегда говоришь нам, что если мы умрем, наше место займет другая, но если мы здесь, чтобы служить Эстале, это расточительно. И если ты делаешь это, потому что считаешь менти мерзостью, то, конечно, ты считаешь, что нас нужно просто убить. Ты не верна своей вере, если делаешь такие вещи. Так что дело не в вере и не в верности своему королю. Что тогда? Остается только жестокость. Тебе просто нравится причинять людям боль.

Аврора подошла достаточно близко, чтобы Карина могла видеть ее глаза, и теперь она знала, что была права. Ей хотелось бросить ей в лицо недостатки женщины, но она не рассчитывала на то, что Аврора с ней согласится. Когда Аврора холодно улыбнулась, у Карины сжалось сердце.

— Развяжите ее, — Аврора указала кнутом, направляя стражей к Лотти. Затем она снова указала на Карину. — И посадите ее туда.

«Ты узнаешь, насколько ты права», — обещал Карине ее взгляд.

Вся храбрость Карин испарилась. Она начала драться, когда стражи схватили ее за руки и потащили по ступенькам. Она умрет здесь. Она это знала. Сестра Аврора не позволит ей произносить такие речи и пережить это. Карину забьют до смерти, и это будет медленная смерть. Плохая смерть.

— Нет! — она вырывалась из рук, когда стражи пытались подтащить ее к столбу. Она знала, что другие женщины наблюдают за ней, и ей хотелось быть храброй, но ее предал страх. — Нет! Нет!

Но стражи были сильнее ее, и они все равно подняли ее руки. Когда она была привязана к месту, Карине показалось, что она услышала внезапный шум, но она не могла сосредоточиться на нем из-за стука собственного сердца. Она ждала, когда упадет плеть, и почувствовала, как выступили слезы.

Ничего не произошло.

Когда она попыталась увидеть, что происходит, ее взгляд сначала упал на Лотти, которая рухнула на землю. Девушка была в полубессознательном состоянии, и Карина почувствовала пульс гнева, но любопытство заставило ее продолжить вытягивать шею,

чтобы посмотреть.

Ворота открывались, и через несколько мгновений во главе колонны солдат вошел гонец в королевской ливрее. Рядом с ним ехал человек, который, судя по знакам отличия на его мундире, был каким-то офицером, но Карина не знала, что они означают.

Глядя на сцену, он указал прямо на Карину.

— Спусти ее.

— Но, сэр... — начала сестра Аврора.

— Я сказал, спусти ее, — офицер ждал.

Наконец, сестра Аврора отрывисто кивнула стражам, а затем подошла, чтобы развязать Карину. Карина опустилась на колени рядом с Лотти и погладила подругу по волосам, когда ее освободили.

— Продолжайте, — сказал офицер посыльному.

— Приветствую, — любезно сказал посыльный. — Кто главный в этом лагере?

— Вы можете поговорить с любой из нас, сэр, — Аврора заставляла себя быть любезной, но лицо у нее было такое, как будто она съела лимон.

— И поговорю, — пообещал ей посланник. — Я поговорю со всеми сестрами в свое время. А пока пусть все меня услышат и передадут весть тем, кого здесь нет. Рядом со мной лейтенант Геррас. Он здесь по приказу принца Луки.

Волна напряженного возбуждения прошла по толпе.

— Принц Лука, снова вернувшийся в Реялон, ожидает своей коронации в отсутствие своего брата, короля Стефана, который был объявлен предателем Эсталы, — взгляд посланника пробежался по двору. — По мере того, как он анализирует дела королевства, его беспокоят условия в Садах Аниоса. Лейтенант Геррас будет следить за приказами принца Луки, которые сегодня вечером будут переданы сестрам, стражам и рабочим этого лагеря. До этого времени все сестры и стражи должны воздерживаться от суровых наказаний.

Стражи побежали, возможно, чтобы найти других сестер, а женщины лагеря перешептывались. Лейтенант Геррас спрыгнул с лошади и свистнул одному из своих солдат. Они вдвоем прошли мимо сестры Авроры, не останавливаясь, чтобы услышать ее возражения, и подошли к маленькому помосту, на котором стоял столб для порки.

— Позаботься о ней, — приказал лейтенант другому солдату, у которого была с собой аптечка.

Он начал осматривать раны Лотти, что-то бормоча себе под нос.

Карина сжала ее руку.

— Все будет хорошо, Лотти. Здесь доктор. Настоящий, — она подняла голову и увидела, что лейтенант смотрит на нее.

Он опустился на колени, вытащил фляжку с водой, открыл ее и протянул Лотти, чтобы она напилась. Она сделала это с благодарностью. Он был моложе, чем сначала подумала Карина, с лицом, на котором легко выражались эмоции.

— Нас освободят, — прошептала она. Это не казалось реальным. Когда его лицо закрылось, она поняла, что это не настоящее. — О, нет. Нет, пожалуйста. Скажите, что нам не нужно оставаться.

— Как тебя зовут? — спросил он ее.

— Карина. Пожалуйста, сэр... офицер...

— С тобой больше не будут плохо обращаться, Карина, — заверил он ее. — Даю слово. Мои солдаты и я останемся, чтобы удостовериться, что наши приказы от принца Луки —

надеюсь, скоро короля Луки — будут выполнены.

— Но мы все равно будем пленницами, — настаивала Карина.

Тень пересекла его лицо.

— Да, — признал он. — Чума опустошает Эсталу. Королевству нужны лекарства, которые можно производить здесь.

Карина горько рассмеялась.

— Значит, принц Лука очень беспокоится о нашем благополучии, но недостаточно, чтобы нас освободить.

Лейтенант Геррас встал. Какое-то время он смотрел на нее сверху вниз, и она все видела на его лице. Он знал, что она была права, но у него был свой приказ.

— Нет, — сказал он, наконец. — Недостаточно для этого.

8

Лука

— Принц Лука, — Брат Аксил стоял в дверях внутренних покоев короля. — Лорд Роккан здесь, чтобы увидеть вас.

Лука чувствовал себя совершенно не готовым. Он встал из-за стола и поправил дублет.

— Дай мне минутку. Мне нужна моя корона.

Брат Аксил нахмурился.

— Что-то не так, мой принц? — Лука видел, что брат Аксил хотел назвать его «королем», но старался не делать этого, следуя желанию Луки. Он закрыл за собой дверь, чтобы Лука мог поговорить наедине.

— Я не знаю, что сказать лорду Роккану, — сказал Лука так же несчастно, как и чувствовал себя. — Я все утро встречаюсь с лордами и не знаю, о чем их спросить. Что я должен выяснить? Серена знала бы. Разве мы не можем получить ее...

— Ты будешь коронован, — твердо сказал брат Аксил. — Не Серена. Более того, Серена не будет воевать с армией. Ты должен выбрать генералов, с которыми, по твоему мнению, ты бы хорошо сработался. Ты должен выбрать генералов, рядом с которыми тебе комфортно сражаться.

Лука сглотнул.

— Принц Лука? — Брат Аксил подошел к нему, пересек комнату.

— Это похоже на кошмар, — признался Лука. — Я слушал, когда Матиас говорил о войне. Я видел, что произошло в лагере. Я не хочу новой войны. Народ Эсталы не хочет новой войны.

— Хорошо, — решительно сказал Аксил. Он улыбнулся смущенному лицу Луки. — Твой брат Стефан ищет славы в битвах и завоеваниях. Он не хочет обращать тех, кого считает неверующими; он хочет их убить. Для Стефана и брата Миккела ответом всегда будет больше крови.

Ненависть сделала голос Аксила тяжелым и низким. Хотя два гувернера никогда особо не любили друг друга, неприязнь Аксила росла как на дрожжах с тех пор, как он услышал истории о том, как Стефан правил с Миккелом в качестве своего советника.

— Если не хочешь больше крови, — сказал Луке брат Аксил, — ты должен выбрать генералов, которые могут быстро и решительно закончить битву еще до того, как она началась. Есть писания старых мудрецов, которые говорят нам, что победа в битве — не лучший способ выиграть войну. Лучший способ — убедиться, что битва не произойдет.

— Как это сделать? — нетерпеливо спросил Лука.

Брат Аксил развел руками.

— Много способов. Но одним из первых является выбор генералов, которые не будут стремиться к славе, как твой брат, а вместо этого будут стремиться защищать своих бойцов, вступать в бой только тогда, когда это необходимо и на хороших условиях, и быстро выиграть эту войну, если Стефан действительно надавит.

Лука кивнул и водрузил корону на голову. Это был простой обруч, но он ему нравился. Он чувствовал это напоминание о его долге, но это была не тяжелая корона, которую носил его отец. Та корона всегда казалась Луке такой неудобной. Он задавался вопросом, с некоторой надеждой, не взял ли ее Стефан. Таким образом, Лука мог бы заказать новую.

Он вышел в главную комнату и обнаружил там лорда Роккана. Роккан был высоким худощавым мужчиной средних лет. Его темные густые волосы седели, но черные глаза на загорелом, обветренном лице смотрели проницательно и настороженно. Лука провел прошлые встречи, сравнивая каждого потенциального генерала с Матиасом в своей голове. Все они проигрывали в этом сравнении, не такие молодые и красивые, не такие добрые.

Теперь он по-другому смотрел на лорда Роккана. Роккан, возможно, не читал столько книг о военной стратегии, сколько Лука, но он, вероятно, знал гораздо больше, чем Лука, на собственном опыте.

— Лорд Роккан, — Лука склонил голову и указал на стул. — Садитесь, пожалуйста. Не хотите немного вина?

— Да, спасибо, — Роккан принял чашку от брата Аксила, кивнув в знак благодарности. — Жаркий был день на тренировочных площадках.

— Лорд Роккан все еще сам тренируется с солдатами, — сказал Аксил Луке. В голосе Брата звучало уважение.

Луке это тоже понравилось. Тот, кто видел своих солдат каждый день, гораздо лучше понимал их возможности и мог направлять их в бою с хорошим пониманием того, что возможно и в каких маневрах они преуспеют. Более того, он любил бы своих солдат.

— Лорд Роккан, — Лукка тщательно подбирал слова и старался не думать о том, насколько лучше Матиас или Серена справятся с этим. — Как вы знаете, мой брат бежал из столицы. Мы не знаем о его местоположении, но уверены, что он не намерен мириться со своим поражением.

Роккан фыркнул.

— Ясное дело. Мальчику не терпелось надеть проклятую корону, — он сделал глоток вина, а затем несколько настороженно нахмурился. — Прошу прощения, принц Лука. Я знаю, что говорю о вашем брате. Я говорю только то, что является правдой. Ваш отец даже не остыл, а Стефан пытался устроить коронацию и распускал слухи о вас, чтобы никто не захотел вас поддержать, — его глаза встретились с глазами Луки. — Он сказал, что вы — менти.

Лука целенаправленно не сводил глаз с Аксила, боясь увидеть предостережение в глазах старика.

— Вы были честны со мной, лорд Роккан, и поэтому я в свою очередь хотел бы быть честным с вами. Если бы вы были генералом моей армии, вы бы сражались вместе с менти. Надеюсь, что менти будет много, но обязательно будет хотя бы один. Мой брат прав. Я — менти.

Лорд Роккан уставился на Луку с открытым ртом.

— Я пойму, если вы хотите уйти, — сказал Лука. — В отличие от моего брата, я не

мстителен. Если вы не желаете вести солдат для принца менти, я не буду ни принуждать вас, ни наказывать вас, и если вы один из моих генералов, я считаю, что вы должны знать правду о человеке, которому вы служите.

Лорд Роккан закрыл рот.

— Понятно, — сказал он слабым голосом.

— Лорд Роккан, я позвал вас сюда из-за вашего опыта, — он этого не сделал, но теперь, увидев этого человека, Лука понял, что опыт Роккана будет бесценен. — Чего я хочу, так это не славной битвы, о которой будут говорить поколениями. Я хочу, чтобы мой брат был побежден с минимальным кровопролитием, чтобы Эстала могла процветать. Мой брат... — он посмотрел на Аксила. Должен ли он сказать правду о Стефане?

— Стефан — оборотень-дракон, — прямо сказал Аксил. — Лука тренировался, чтобы победить его с помощью других менти.

— Боюсь, Стефан уничтожит наши войска, если обнаружит их большое количество в одном месте, — серьезно сказал Лука. — Я также боюсь, что сила Стефана как дракона будет использоваться как отвлечение, чтобы мы не обращали внимания на его солдат. Мне нужен генерал, способный работать в таких условиях, поддерживая дисциплину в рядах, чтобы мы могли успешно противостоять армии Стефана, не подвергая собственную неоправданной опасности.

Лорд Роккан обдумывал это, допивая чашу с вином.

— Вы много просите, — прямо сказал он. — Но я думаю, что это можно сделать, — Лука жестом попросил Аксила наполнить мужчине чашу, но Роккан отмахнулся. — Нет, пожалуйста. Для этого мне нужна ясная голова.

Взгляд Роккана был отстранен, и Лука понял, что лорд видит в этом загадку. Он хотел найти решение, какими бы странными ни были условия. Луке это понравилось.

— Лорд Роккан, для меня было бы честью, если бы вы служили генералом в моей армии, — он ждал ответа Роккана.

— Я сделаю это, — Роккан поколебался, затем сжал ладонь Луки. — Никогда не думал, что увижу битву, подобную той, которую вы описали, но мне нравится ход ваших мыслей, принц Лука. Мне нравится ваша честность.

Лука улыбнулся и кивнул.

— Спасибо, лорд Роккан.

— Двое сыновей Давэда — менти, — Роккан покачал головой Аксилу, когда встал. — Это неожиданно, — он ушел с поклоном, насвистывая, когда спускался по лестнице за пределами королевских покоев.

— Это было хорошо сделано, — сказал Аксил. — Я не думал, что было бы мудро сказать ему, что ты — менти. Такие люди, как Роккан, служивший твоему отцу, после войны имеют определенные предубеждения. Но ты быстро понял, что он ценит честность превыше всего, и обратились к другой вещи, которая ему дорога больше всего: к безопасности солдат.

— Я тоже дорожу ими, — сказал Лука. Он ненадолго сжал руки на коленях и вздохнул, затем снял обруч. — Стефан придет за моей армией. Он может дышать огнем на них во время полета. Они будут в ужасе. Как с этим бороться?

«Роккан найдет способ», — подумал он.

— Будут потери, — сказал Аксил. — Это ты должен принять.

Лука почувствовал, как его хорошее настроение испарилось. Он сделал глоток вина и снова поставил чашку. Он не хотел вина. Он хотел уйти, вернуться в Долину Теней. Он

никогда не думал, что будет скучать по тем дням, но когда он бежал от отца и старшего брата, он чувствовал себя свободнее, чем сейчас. Тяжелая работа слишком утомляла его, чтобы думать о чем-то еще.

— Где Джеральдо и остальные? — спросил он.

— Крыло послов, — сказал ему Аксил. — Это не идеально. Эти комнаты и дворы были созданы для того, чтобы за ними шпионили, поэтому они не могли обучать войска без нашего ведома или что-то в этом роде. Но я хотел, чтобы их держали отдельно, пока мы не узнаем, что они будут... приняты.

Лука кивнул. Это было мудро. После войны его отца против менти многие все еще считали, что все менти были злом.

— Я собираюсь навестить их, — объявил он. — Остальными моими генералами я бы хотел видеть лорда Ферина, лорда Белланона и лорда Эссада.

Брат Аксил кивнул.

Лука тихонько напевал, идя через территорию дворца к крылу посла. Это был прекрасный день, и компетентность Роккана — и его свист — заставили Луку почувствовать, что все не так уж и плохо. Он старался не думать об обещаниях Аксила, что в бою будут потери, потому что каждый раз, когда он думал об этом, его желудок сжимался, и его мутило.

Он каким-то образом должен был найти способ победить Стефана, короля, без кровопролития. Как он собирался это сделать?

В посольском крыле он задержался у двери во двор. Он велел стоявшим там стражам не объявлять о нем, чтобы ему не пришлось видеть, как его друзья кланяются ему. Ему все еще это не нравилось.

Он оставил своих стражей у входа.

— Я буду тренироваться с остальными, — сказал он им. — Иногда они будут нападать на меня силами менти. Вы не должны вмешиваться. Я в полной безопасности.

Двое стражей кивнули. Лука знал, что их выбрал Аксил, и он полагал, что они оба более гибко относились к менти, чем многие из дворцовой стражи. Он не видел ни одного из них прежде, посещая своего отца.

Лука вышел во двор, и Нико первым заметил его.

— Людо! — глаза Нико загорелись, и он рассмеялся, покачав головой. — Прости. Я могу приучить себя говорить Лука, но ты всегда будешь для меня Людо.

— Ты будешь звать его «Ваше Величество», — сказала Таня. Ее лицо было серьезным, и по тому, как она держала себя, Лука понял, что она напряжена. — Так что не нужно будет использовать его имя.

— Надеюсь, я никогда не буду для вас «вашим величеством», — сказал ей Лука. Ему все еще было больно каждый раз, когда он видел ее, но он не мог представить Таню такой скованной. Через мгновение он понял, что все они смотрят на него. — Всех вас, — уточнил он. Он почувствовал, как горят его щеки, и отвернулся от Тани прежде, чем успел сказать что-то еще, что прозвучало бы так, будто он прощает ее.

Он знал, что когда-нибудь простит ее, но еще не был готов. Без ее вмешательства его бы здесь не было.

— Джосс, — сказал он. Он сжал руку другого мальчика с улыбкой. — Сразимся? Мне нужно продолжать тренироваться.

— Да, — кисло сказал Джеральдо. — Ты был на слишком многих собраниях, и как ты

собираешься победить своего брата, если владеешь огнем не лучше пятилетнего?

Лука почувствовал знакомую волну гнева, но он знал, что Джеральдо был прав. Он кивнул Джоссу.

— Сейчас я здесь. Я готов тренироваться.

Было облегчением вложить всю свою энергию в бой. Для Луки стало игрой бросать огонь под таким углом, откуда Джосс этого не ожидал, потому что Джосс мог вызвать порыв ветра, от которого пламя Луки погасало. Они сражались снова и снова, Лука призывал все более мощные огненные шары, а Джосс отбивал их, пока Лука не уперся руками в колени, сигнализируя об окончании боя.

— На сегодня хватит, — сказал он, слегка задыхаясь. — У меня есть еще встречи. Но было хорошо. Спасибо, Джосс.

Остальные помахали ему, и он ушел. Лука старался не смотреть на Таню. Он не хотел улыбаться ей.

К его удивлению, когда он вернулся к стражам, с ними ждал человек в черной мантии. Мужчина поклонился Луке.

— Принц Лука. Я брат Йозеф. Я видел, как вы дрались.

Лука с опаской посмотрел на мужчину. Этот Брат не казался ему знакомым, но он был в Замке не так давно, и с тех пор, как началась чума, там было много Братьев.

— Приятно познакомиться, брат Йозеф.

— Вы столкнетесь с драконом, — как ни в чем не бывало сказал ему Йозеф. — И для этого у вас есть только сила огня.

Лука почувствовал, как подступает тошнота. Он не хотел, чтобы ему об этом напоминали.

— Я найду способ победить моего брата, — сказал он, наконец. — Доброго дня, брат Йозеф.

— Вам не победить его, — крикнул брат Йозеф вслед Луке и его стражам. Брат в мантии подождал, пока Лука повернется. — Не победите, если продолжите тренироваться с этими менти. Они сильны в общепринятом смысле, да, но вы должны быть сильнее. Я могу научить вас, как победить вашего брата — в одиночку.

Лука на мгновение застыл. Он не знал этого брата Йозефа, и одежды, которые носил этот человек, были не похожи ни на что, что он когда-либо видел. Как Йозеф узнал о Стефане? Но слова этого человека привлекли внимание Луки, и теперь у него была только одна мысль: «Если я смогу убить Стефана сам, то войны вообще не будет».

— Скажите, как, — сказал Лука.

9

Бог

Жители города толпились в амбаре, толкаясь к импровизированному возвышению. Там, на грубо сколоченном стуле, восседал Бог. Рядом с ним был брат Миккел. Несколько последователей из пещеры стояли вдоль помоста. Других послали сообщить о возвращении Бога во все уголки Эсталы.

— Думаете, разумно носить маску в отдаленной сельской местности и при этом сообщать свое настоящее имя другим последователям? — Миккел звучал неуверенно. — Эти люди здесь, потому что злятся на короля. Когда они узнают...

— Не узнают, — сказал Господь. Он не стал скрывать своего раздражения. — Для них Я всего лишь Бог. Для тех, кого нужно убедить в праве крови, я Стефан. Для самых верных

моих последователей я и то, и другое. Когда я снова буду у власти, это будет несущественно.

Он решил, что позволил людям перед ним кричать достаточно долго, поэтому встал и подождал, пока они замолчат. Его взгляд скользнул по толпе, как только они обратили на него внимание. Лица здесь были изможденными, а глаза у мужчин были дикими. Чума поразила многих в деревнях Эсталы, и те, кто пришел на собрание, были возмущены.

— Почему вы здесь? — наконец, спросил их Бог.

Мужчины смотрели друг на друга так, словно искали ответ на этот вопрос. Они были овцами, пришедшими, потому что они были призваны.

— Вы здесь, — сказал им Бог, — потому что на вас напали. Вы столкнулись с бедствием чумы. Вы подверглись гневу Аниоса. И почему? Почему вы? Конечно, вы не сделали ничего, чтобы заслужить такое наказание.

Головы мужчин кивали в горячем согласии, и Бог видел их покрасневшие лица и стиснутые челюсти. Он точно уловил их гневное настроение. Он знал, какие слова нужно сказать, чтобы привести их в ярость.

— Аниос наказал мир за то, что позволили процветать ереси! — Бог воззвал к ним. Его голос эхом отразился от стропил. — Менти есть в каждой деревне, и их не убивают, как следовало бы.

Толпа теперь молчала и боялась. У каждого была история. Если не они, то их двоюродный брат из другой деревни, родственники их жены, странствующий медник... *Я слышал рассказ о менти, который поджег амбар. Я слышал рассказ об одном, который призвал ближайшую реку и утопил всех в деревне. Я слышал о человеке, который мог принять любое лицо, какое хотел, так что вы не могли понять, с кем разговариваете. Он узнавал все секреты и посеял смуту в деревне.*

Но все они знали и другие истории о родителях, которые плакали, когда их детей похищали сестры или, что еще хуже, королевская армия. Вероятно, они боялись, что с ними может случиться нечто подобное. Кто мог вынести смерть собственных детей? Они явно задавали друг другу эти вопросы в трактире, шепотом, тайно и сочувственно.

Губы Бога скривились. Эти люди были еще мягкими. Им нужно показать истинную веру, и Он знал слабости их сердец. Он знал, что если накажет людей, которые делают то же самое, эти люди встанут в строй, как легко управляемые животные. Он будет править железной рукой, уничтожив менти раз и навсегда. Не будет терпимости к сочувствующим.

— Король Давэд обещал, что спасет вас от менти, — продолжил Бог. — Но я знаю, что он этого не сделал. Я знаю, что он оставил менти в живых. Он отправил их в Сады Аниоса еще живыми, оскорбив Принца Истины. Они жили и процветали в этих заповедных местах, пока вы голодали.

Внезапно раздался сердитый ропот.

«Нельзя недооценивать ценность лжи», — мрачно подумал Бог.

— Вместо того чтобы искоренить всех менти и предать их смерти, как он должен был, король Давэд был мягок. Он демонстрировал благочестие. Он требовал от всех вас повиновения, когда вел войны и собирал налоги. Разве это не так?

Они осторожно кивнули.

— Ваши братья, отцы, дяди — все они служили, не так ли? Многие не вернулись. И все же, в конце этих войн, которые так дорого обошлись всем нам, Давэд доказал, что они были лишь для вида. Он просто хотел прослыть убийцей менти, не достигнув своих целей. Но нельзя лгать богу.

Наступила внезапная тишина. Эти люди были здесь, потому что до них дошли слухи о Боге, тщательно распространяемые его последователями, но до сих пор они не вполне им верили.

— Я все вижу, — сказал им Бог. — Я видел предательство и гниль в Крепости Несры. Вы не представляете, какие извращения я там увидел. Они последователи не истины и света, а алчности! — Бог ударил кулаком по ладони. Толпа была в восторге, и он упивался их обожанием. Вот это его укрепляло. — Когда они могли отправить солдат, чтобы закончить работу, они этого не сделали. Когда они могли убить менти, они этого не сделали. Они боялись войны, боялись кровопролития. И все вы заплатили цену!

Наступила пауза, а затем яростные вопли наполнили амбар. Бог знал, что правильно привел их к истине. Вскоре они увидят мир таким, каким должны видеть. Вскоре они станут его фанатиками, распространяющими весть о его возвращении.

Теперь Бог подошел к ступеням и начал медленно спускаться.

— Когда я смотрел на Крепость Несры, мне больше всего хотелось увидеть, как весь мир горит. Я хотел, чтобы каждый из вас страдал. Я хотел вашей крови в качестве компенсации.

Повисла ошеломленная тишина.

— А потом Я увидел вас, — сказал им Бог.

Он посмотрел на толпу, когда достиг основания лестницы, и они отпрянули, давая ему возможность пройти сквозь их ряды. Миккел ненавидел, когда он это делал, опасаясь, что ему причинят вред, но Бог знал, что он в безопасности. Эти смертные не бросят ему вызов, а если и бросят, то он быстро сделает из них пример. Он ходил среди них и протягивал руку, чтобы коснуться некоторых лиц, будто знал их, будто видел их раньше.

— Я увидел преданность простых людей Эсталы, — сказал он им. — Я видел, как все вы преданы своей вере. Я чувствовал ваше поклонение. Когда разразилась чума, вы знали, что от вас требуется! Вы наказали себя, чтобы я мог пощадить ваши семьи! Вы наказали себя, даже если грех не был вашим.

Он огляделся, чтобы встретиться с ними взглядом, и почувствовал исходящий от них голод.

— В течение многих лет мои последователи молились, чтобы я вернулся в этот мир, — сказал им Бог. — Я этого не делал. Я бог, но мне нелегко принять эту форму. Но когда я увидел вашу преданность, мне захотелось ходить среди вас. Я позволил брату Миккелу привести меня в этот мир — к вам.

Он повернулся, чтобы махнуть брату Миккелу, и мужчины склонили головы в знак благодарности. Миккел излучал гордость за свое достижение.

«Твое единственное достижение состояло в том, чтобы убедить себя, что слабый король когда-либо мог быть Аниосом», — подумал Бог, но не сказал этого. Он будет раздавать похвалы и держать Миккела в качестве своей верной собачки. Человек был полезен.

Казалось, он еще не знал, что Стефана больше нет. Смертная душа погрузилась глубоко в тело, легко удерживаемая Богом. Теперь это было его тело.

— Скажите, — сказал Бог толпе. — Почему вы здесь?

— Реялон подвел нас, — прошептал один человек. В его глазах были слезы. — Они предали нас. Они наслали чуму и ничего не сделали, чтобы остановить ее. Этот король — он сказал, что построит храмы Аниосу, но это нас не спасло!

Брат Миккел сердито бросился вперед, но Бог одарил его предупреждающим взглядом.

— Они подвели вас, — согласился Бог. — Вы страдали, пока те в Крепости Несры обедали изысканной едой и носили шелка. Что им известно о вашей борьбе, кроме того, что они рады добавить страдания?

Раздался сердитый ропот согласия.

— Знаете ли вы, — сказал Бог, — что король Стефан больше не занимает престол? Теперь его брат Лука контролирует Реялон и Крепость.

Мужчины в замешательстве переглянулись.

— А с тех пор, как приехал Лука, вы хоть слово слышали об этих храмах? Вы видели лекарства или еду? Лука прибыл в разгар самой страшной чумы, которую когда-либо видела Эстала, но он пришел с армией, чтобы захватить крепость и победить своего брата. Пока вы страдали, он пришел с армией за короной.

Теперь они были в ярости. На помосте Миккел откинулся на спинку стула с довольным видом.

— Неважно, кто сидит на троне, — сказал им Бог, — пока это просто другой человек, смертный, который не видит ничего, кроме собственной гордыни. А как же Принц Истины? Тот, кто открылся вам здесь сегодня ночью, кто был побужден вашим благочестием прекратить чуму и снова ходить среди вас? Что же он?

Вопли заполнили комнату:

— Мир! — крикнул один мужчина.

— Богатство, — сказал другой. Кто-то под грохот внезапного смеха крикнул:

— Женщины! — Бог позволил себе улыбнуться на это, зная, что они увидят не обгоревшую сторону его лица.

— Вы увидите царство, которого никогда не было, — сказал он им, когда они закончили. — Не будет глупых войн, ереси и упадка в столице. Эстала будет расти, это разнесется в каждый уголок земли. Все остальные народы будут поклоняться нам — навсегда. Вы мне поможете?

Они были готовы. Они были более чем готовы. Они толкались, чтобы прикоснуться к нему, чтобы поклясться в верности, и он указал им на своих последователей на помосте, которые могли дать им задания. Когда они двинулись на следующий день, Бог знал, что их ряды будут намного больше.

Достигнув следующего города, эти же люди распространяли весть о своем обращении и о возвращении Бога. Бог воспользуется их недовольством как топливом для огня в Эстале.

То, что эти люди хотели от него, он даст... на данный момент. После столетий, когда он был младшим братом Просвещенного Бога, он нуждался в их обожании, чтобы стать сильнее. Он обещал им все, что они пожелают. Цену они узнают позже, но он не позволит им отказаться от сделки. Они заплатят ему.

Они помогут ему построить его королевство.

Когда он возвращался на платформу, взгляд Бога остановился на крепком юноше. В отличие от других, он пришел один и, казалось, не разговаривал ни с кем из окружающих. Он держался высоко, когда давал клятву служения Богу, и даже на некотором расстоянии Бог мог чувствовать его жар, слышать кровь, текущую в его венах, жизнь и силу внутри него. Он долго смотрел на мужчину, прежде чем вернуться к Миккелу.

— Тот, — сказал он, кивнув на юношу. — Пусть его приведут ко мне позже.

Он едва держался, чтобы не изменить облик здесь. Он не мог этого сделать, он знал. Его опытные последователи примут кровавую жертву, но не эти новобранцы. Им нужно было

больше времени, чтобы понять. Так что эта жертва будет скрытой. Ожидание было сладким мучением. Бог знал, что он будет наслаждаться выражением страха в глазах этого человека. Он был горд. Он не привык быть бессильным.

Миккел, казалось, хотел возразить, но потом кивнул и что-то пробормотал одному из последователей из пещеры. Теперь они называли себя Первыми Последователями. Бог позволял им это делать. Для него это было пустяком.

Он вышел из сарая и пошел в свою палатку. У него уже был построен армейский лагерь. Когда он соберет достаточно последователей, они расползутся по земле, как саранча, и опустошат ее. Неприятная необходимость, но королевства не завоевывались без армий.

Не стоило ли сначала напасть на Крепость Несры? Бог не был уверен. Он снял маску и вошел в свою палатку. Сначала он пойдет за самым спелым фруктом, будь то Зантос или Эстала. В конце концов, это не имело значения. Когда его царство простиралось до всех концов земли, уже не будет иметь значения, какой город был завоеван первым.

Он сидел, раздумывая над картой, когда зашуршала ткань на входе, и Миккел вошел в палатку с молодым человеком из амбара.

— Мой господин, — Миккел низко поклонился. — Это Ховит Динн, кузнец из деревни к северу отсюда.

— Ховит, — Бог остался сидеть. Предвкушение было слаще в смертном теле, решил он. Он чувствовал, как в нем поднимается жажда крови, как учащается ритм его смертного сердца в приятном стуке. — Расскажи о себе.

— Я слышал о вас от торговца на дороге, — сказал Ховит. — Он сказал мне, что проходил мимо вас на юге, что вы были чем-то странным, но что вы не боитесь чумы и у вас много сторонников. Мне было любопытно. Я хотел помочь своей стране, но не знал, как.

— Ах. И я вижу, ты решил пополнить ряды моих последователей, — Бог склонил голову. — Я доволен.

— Я тоже, господин, — мужчина кивнул. — Я хочу служить Богу, который изменит Эсталу. Я хочу внести свой вклад. Я хочу помочь вам построить свое королевство.

Господь улыбнулся, его предвкушение достигло апогея. Он томно вздохнул, вставая.

— Я так рад, что ты это сказал. Очень рад. Потому что мне нужно что-то особенное от тебя, Ховит. Что-то, что можешь дать только ты.

Далеко, в лагере, новые последователи слышали крик. Но это был только один вопль. После этого подобных звуков не последовало, а утром в шатре Бога не было ни капли крови, не было следов того, что произошло что-то неблагоприятное.

10

Серена

— Скорее, — Каролина чуть не топнула ногой, глядя на Серену со свирепостью, от которой ее мутило. — Я бы не пошла с тобой, если бы знала, что ты будешь ходить так медленно.

Несмотря на пугающую своенравность этого взгляда, Серене пришлось скрыть улыбку. В конце концов, ей удалось уговорить Каролину выйти из комнаты, якобы для того, чтобы прогуляться по саду, и обычное раздражение Каролины было очевидным. Обычно Серена была бы расстроена таким поведением, но Каролина не проявляла такого упрямства с тех пор, как Стефан пригрозил выдать их замуж.

Возможно, наконец, Каролина снова начала чувствовать себя прежней. Серена позволила себе улыбку.

— Что? — когда Серена не ответила, глаза Каролины сузились. — Что такое? Почему ты улыбаешься?

— Я скучала по тебе, — честно сказала Серена. — Даже той части, где ты насмехаешься надо мной из-за того, что я так медленно хожу в юбках. Даже по тому, что ты груба и не воспитанная, что не подобает принцессе. Даже то, что ты прокрадываешься в конюшню и кормишь яблоками боевых коней, потому что думаешь, что когда-нибудь будешь во главе армии.

— Когда-нибудь я буду во главе армии, — заявила Каролина. — Лука позволит мне. Он отличается от Стефана, — и тебя. Обвинение в ее словах было явным.

Серена хотела заверить Каролину, что она хотела только обезопасить их двоих, но вместо этого ее охватила горечь.

— Может быть, он позволит тебе, — сказала она. — Если Тиниан позволит.

Серена смотрела, как Каролина остановилась в нерешительности. Оскорбление ее младшей сестры не достигло цели, как обычно, и она была сбита с толку.

— Что ты имеешь в виду?

— О, ничего, — Серена сердито покачала головой и вздохнула, прежде чем быстро оглядеться, чтобы убедиться, что за ними не следят. Без Стефана у власти и без Като, охраняющего ее, она решила отправиться на прогулку одна. Конечно, по углам садов все еще стояли стражи, но некому было подслушать, что она скажет Каролине.

Серена свернула в центр сада. Ряды живых изгородей и цветов высотой по колени, за которыми тщательно ухаживали, образовывали переплетающийся узор вокруг фонтана.

— Серена, — сказала Каролина, когда они подошли к центру. — Что такое?

Прежде чем ответить, Серена заставила себя сесть и провести пальцами по воде. Это было полезное упражнение, чтобы убедиться, что ваши манеры были нормальными и неторопливыми. В противном случае настроение может привести к неразумным поступкам. Этому ее научила мать.

— Я не хочу тебя пугать, — сказала она, наконец. — Лука — наш брат, и теперь, когда он здесь, а не Стефан, мы в гораздо большей безопасности.

— Стефан совершенно не заботился о нас, — согласилась Каролина. — Он просто боялся, что ты свергнешь его, потому что ты будешь лучшей королевой, чем он — королем.

Серена уставилась на нее. Она никогда раньше не слышала, чтобы Каролина говорила о политике. Каролина, однако, только пожала плечами.

— Это правда, — настаивала Каролина. Она опустилась на край фонтана. — Все это знали. Если бы папа выбирал, кого сделать наследником...

— Он бы никогда не выбрал меня, — с горечью сказала Серена. Она вспомнила слова брата Рафаэля на днях. Ее горечь была заметна? — Я — женщина. Отец верил, что женщины ни на что не годятся.

Каролина какое-то время серьезно смотрела на нее.

— Лука заботится о нас, — наконец, сказала она.

— Лука заботится о нас, — согласилась Серена. — И он не собирается выдавать нас за людей, которых мы ненавидим.

— И он никогда бы не причинил вреда Альберто, — добавила Каролина.

— Что? Стефан хотел навредить Альберто? — их брату было всего семь лет. Ярость поднялась в груди Серены. Она должна была сегодня взять с собой Альберто. Она была так сосредоточена на Каролине, что в последнее время почти не обращала внимания на

Альберто.

— Он бы сделал это, когда Альберто достиг совершеннолетия, — сказала Каролина. — Но Лука не будет.

— Да, — согласилась Серена. Лука организовал для Альберто нового гувернера, чтобы он мог учиться. Он намекал этим, что выбрал своего наследника, и Серена в то время почувствовала укол сочувствия. Альберто когда-то был далеко не вероятным наследником, но и Лука тоже. Лука хотел убедиться, что, если Альберто когда-нибудь сядет на трон, он не будет чувствовать себя неподготовленным.

Она прикусила губу, обдумывая ситуацию.

— Но, Каролина, ты ведь знаешь, что Лука не может принимать все решения, которые ему хочется.

— Что ты имеешь в виду? — Каролина поднялась и начала ходить по краю фонтана. — Я все еще слушаю, — крикнула она. — Что ты имела в виду?

Серена встала, чтобы Каролина получила весь фонтан, и с удовольствием наблюдала, как ее младшая сестра пробовала прыгать на одной ноге.

— Лука никогда бы не взял Крепость Несры, если бы зантийцы не помогли ему, — сказала Серена.

— Да, — Каролина все еще прыгала, сосредоточенно сдвинув брови. — Но это хорошо, да? Ты тоже работала с ними. И это разозлило Стефана, что тоже хорошо.

— Да, — осторожно сказала Серена. — Это правда. Но теперь это означает, что Лука не всегда может действовать в интересах Эсталы, — в ужасе от собственной откровенности, она снова проверила, что они одни. Она облегченно выдохнула, когда увидела, что сады все еще пусты. Тем не менее, ее паранойя была так высока, что она немного отступила. — Или только в интересах Эсталы. Он должен действовать так, чтобы приносить пользу и Зантосу.

Каролина, которая снова была на земле, остановилась на одной ноге, чтобы посмотреть на Серену.

— Как?

— Как Сады Аниоса, — с горечью сказала Серена. — Папа поступил очень плохо, Каролина. Очень жестоко. Лука собирался остановить это — он сказал, что сделает это во время заседания совета, — но Тиниан остался и убедил его передумать. По крайней мере, я убеждена, что именно так и произошло.

— О, — Каролина выглядела немного растерянной. — Так...

Серена торопливо зашипела на нее, когда двое мужчин прошли через одну из других дверей в сад.

— Пригнись, — сказала она, протягивая руку Каролине.

Каролина скрестила руки на груди и бросила на Серену еще один устрашающий взгляд, а затем уставилась на двоих мужчин.

— Это просто Брат и... я не знаю, кто это.

Она должна была привести охрану. Серена быстро протянула руку и оттащила Каролину от фонтана, шипя на нее, чтобы она молчала. Стражи были не так далеко, и она могла подать им сигнал...

— Принцесса Серена, — знакомый голос позвал ее по имени, и она удивленно обернулась.

— Брат Рафаэль, — ее щеки вспыхнули, хотя она не знала почему. — Не ожидала вас здесь увидеть. Это наши частные сады.

— Лорд Тиниан разрешил мне осмотреть любую часть дворца, — сказал Рафаэль. — В этих садах много трав, которые, как я думал, мы могли бы использовать.

— Я... о, — она поняла, что Рафаэль был прав. Это был один из ее любимых садов из-за растущих в нем трав. Их зеленые и пурпурные листья придавали садам уникальный вид, а запах в воздухе был пряным и свежим, а не просто сладким. — Я об этом не подумала.

Она воспользовалась моментом, чтобы осмотреть спутника Рафаэля. Он был высок, как мужчина, который еще не закончил расти. Он умудрялся быть немного пухлым и как-то выглядеть недокормленным. Его круглое лицо обрамляла копна светло-каштановых волос.

— Я не думаю, что мы встречались, — любезно сказала она. — Я — принцесса Серена.

— Я... я Нико, — мальчик пробормотал свое имя. — Я пришел сюда с Братом. Из Зантоса.

Один из менти. Любопытство Серены всколыхнулось, и она вдруг подумала, знал ли Рафаэль, кто такой Нико. Наверное, нет. Братья Просвещенных редко были рады менти. В этом отношении брат Аксил был аномалией.

— Ясно, — просто сказала она, улыбнувшись своей лучшей улыбкой. — Мы все благодарны за возвращение Луки. Мы благодарим вас за его безопасность. А как вы познакомились с братом Рафаэлем?

— Он разговаривал с другими священниками о чуме, — объяснил Нико. — Мне было любопытно узнать больше.

— Нико лучше всех разбирается в лечении, — серьезно сказал Рафаэль. — У него естественное понимание того, как лечить тело, и умение направлять наши усилия по борьбе с чумой в более широком масштабе.

— Понимаю, — Серена посмотрела на Нико с новой признательностью. — Не хотите прогуляться с нами, Нико? Брат Рафаэль?

Нико кивнул, на его светлой коже выступили пятна румянца, и Рафаэль сказал:

— Мне бы этого очень хотелось, принцесса.

Ему обязательно было так пристально смотреть на нее, когда он говорил такие вещи? Это заставило ее чувствовать себя странно. Серена глубоко вдохнула и подошла к ним, оглянувшись на Каролину. Она ожидала истерики от сестры или того, что девушка убежит одна по тропинкам, но вместо этого девочка казалась заинтригованной двумя мужчинами.

Она столько ругала Серену за то, что она вела себя по-девичьи, когда узнала о травах и целительстве, но Каролина, возможно, начала понимать, что целительство само по себе являлось важным искусством.

— Ты идешь, Каролина? — спросила Серена. — Если ты собираешься когда-нибудь командовать армией Луки, тебе нужно будет научиться лечить.

Каролина слегка покраснела при этом, но потом подняла подбородок и решительно кивнула сестре.

Увидев удивленный взгляд Рафаэля, Серена элегантно улыбнулась.

— Брат Рафаэль, это моя младшая сестра Каролина.

— Ясно, — Рафаэль явно хотел узнать больше о Каролине как генерале, но ему хватило такта. Во всяком случае, он всегда был рад поговорить о лечении чумы. — Принцесса Серена, Нико задал очень интересный вопрос: как распространяется чума?

Серена посмотрела на Нико в поисках ответа.

— Это всего лишь вопрос, — жалобно сказал Нико. — Я не знаю ответ.

— Ммм, — сказала Серена, уже вовлеченная в этот разговор.

— Я был заинтригован, когда он спросил об этом, — сказал Рафаэль, — поскольку я понял, что мы проделали так много работы, чтобы найти лекарства, облегчающие чуму, и все же мы не знаем, почему эти лекарства работают. Было бы легко сказать, что они работают, потому что так хочет Просвещенный Бог.

Серена кивнула. При упоминании о Просвещенном Боге ее тело напряглось. Судя по тому, что она видела на улицах Реялона из своих покоев, смесь религии с чумой только усугубила ситуацию. Она содрогнулась при мысли о процессии, бичующей себя на улице.

— С вами все в порядке, принцесса?

— Мне жарко, вот и все, — ее щеки вспыхнули, когда взгляд Брата остановился на ней. — Сегодня довольно жаркий день.

Рафаэль смотрел на приглушенное солнце над головой с хмурым лицом.

Что такого было в этом мужчине, от чего все слова вылетали у нее из головы? И день не был жарким. Она поспешила вперед, прежде чем Рафаэль это прокомментировал.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Конечно, — он кивнул ей. — Как я уже говорил, это было бы простое объяснение, но я не думаю, что оно правильное. Почему одна трава, а не другая? Почему настойка, а не бальзам?

— Значит, могут быть травы, которые не только спасут жизнь больному человеку, но и предотвратят распространение чумы? — сказала она, сосредоточившись на словах Рафаэля.

Рафаэль удивленно взглянул на нее, но кивнул.

— Да. Я думаю, вы правы. Что, если бы люди могли принимать лекарства еще до того, как они подумали, что заболели?

— Люди уже вешают над дверью травы, чтобы отпугивать духов, — отметил Нико.

— Это суеверие, — твердо сказал ему Рафаэль. — И ересь.

Нико открыл рот, снова закрыл его, затем решительно вздернул подбородок.

— А если в этом что-то есть? — наконец, спросил он. — Есть много вещей, которых мы не знаем. Мы не знаем, почему наши лекарства работают. Что, если бы эти травы, принятые определенным образом, могли бы остановить распространение болезни — не только вылечить больных, но и предотвратить заболевание других? Разве это не было бы волей Просвещенного Бога?

— Конечно, но...

— И вы сказали, что мы не знаем, почему лекарство действует, и что недостаточно сказать «потому что так хочет Просвещенный Бог», — настаивал Нико.

Рафаэль молчал, и Серена изо всех сил старалась сохранить невозмутимое выражение лица. Ей до некоторой степени нравилось видеть Брата, не находящего слов.

— Мы не можем продолжать думать: «О, это ересь», — Нико был яростным и бескомпромиссным в своих словах. — Мы должны попробовать все, что можем. Мы должны посмотреть на то, что люди заметили на протяжении многих лет, и отвергать методы лечения, основываясь на их достоинствах, а не на наших предрассудках. Людям это нужно от нас.

— Да, конечно, — сказал брат Рафаэль. — Все, что мы можем сделать, мы должны делать. Твои рассуждения верны, Нико.

— Мы должны использовать все имеющиеся у нас средства, — сказал Нико. — Даже если это, скажем, менти?

Брат Рафаэль потянул за нитку на своей мантии, его рот сжался в мрачную линию, но

он был загнан в угол, и ему пришлось уступить. Он кивнул.

Нико не настаивал на споре, но, к интересу Серены, он, казалось, думал, что выиграл. Он шел тихо до конца встречи, излучая удовлетворенность, а когда она оглянулась, то увидела, что даже Каролина смотрит на Нико с уважением.

11

Карина

Лейтенант Геррас и посыльный еще раз передали свое сообщение в столовой в первую ночь. Они говорили с заключенными в сопровождении Сестер и стражи, чтобы никто не мог заявить, что не знал приказа короля. Затем они отослали охрану и Сестер, чтобы женщины могли свободно говорить об условиях в лагере.

Сначала женщины колебались. Карина поняла, что они ждали, пока она возьмет на себя инициативу, поэтому она встала и повернулась лицом к двум мужчинам. Она рассказала им о том, как женщины спали в цепях. Она сказала им, что даже то скудное количество еды, которое дали заключенным на обед, превышало их обычный дневной рацион. Она рассказала им об угрозах отправить заключенных в башню, чтобы они стали развлечением для стражей.

Последнее было рискованно. Карина знала, что некоторым военным все равно, если солдаты оскорбляют женщин, с которыми они сталкиваются. Но она видела лицо лейтенанта, когда он увидел ее и Лотти на столбе для порки, и сделала ставку на то, что он будет действовать быстро, не опасаясь возмездия.

Он так и сделал. Он наклонился в сторону и тихо заговорил на ухо мужчине, и мужчина вышел из зала. Карина и остальные вернулись в свой зал, но она не могла не задаться вопросом, что же сказал Геррас.

На следующий день все стражи были уволены. Элли рассказала Карине, как сестра Аврора выступила против этого решения.

— Лейтенант Геррас только что спросил ее, зачем им стражи, когда теперь у них есть его люди, — сообщила младшая девушка. На ее лице появилась озорная улыбка. — Ты бы видела ее лицо! Бьюсь об заклад, она думала, что они все уедут домой.

Для женщин привезли новые кровати. Их цепи были разорваны, и остались только оковы на щиколотке. Поскольку женщин обучали тонкой работе по изготовлению лекарств, крестьян привозили из окрестностей и платили за работу в поле. Теперь еда стала лучше, и женщинам разрешалось петь и разговаривать во время работы.

Карина не могла бы сказать, что ее беспокоило, но в то время как другие женщины смеялись, шутили и наслаждались обретенной свободой, она чувствовала себя все более и более замкнутой.

— Что такое? — наконец, спросила Лотти.

— Мы все еще рабы, — сказала ей Карина. — Мы по-прежнему носим кандалы, и на стенах по-прежнему стоят стражи. Мы не можем вернуться домой к своим семьям.

— Да, но принц Лука видит нашу ценность, — возразила Лотти. — Рева сказала, что он добрый, и послал этих людей убедиться, что нас не убьют.

— А когда чума закончится? — спросила ее Карина. — Ты думаешь, что нас выпустят отсюда? Или заставят нас остаться и продолжать работать над любым новым применением, которое они нам найдут? А если хуже?

Лотти сплела руки.

— Но что нам делать? Как нам выбраться?

— Было бы проще, — сказала Карина, обдумывая это. — Без цепей и всего прочего. Но

солдаты...

Она не закончила. Было достаточно трудно убить стражей в последнем лагере, тех, кто бил их, причинял им вред и угрожал сделать еще хуже. Эти солдаты были не только гораздо добрее, но и более дисциплинированными. Они не запирали женщин внутри, а потом уходили ужинать.

— У Ревы был бы план, — расстроено сказала Карина.

— Все будет хорошо, — сказала ей Лотти. Она потянулась, чтобы положить ладонь на руку Карины.

Карина отдернула руку.

— Ничего не выйдет, — яростно сказала она. — Нет ничего лучше.

Лотти поднялась.

— Тебе легко это говорить, когда не тебя на днях пороли, — холодно заметила она. — Солдаты перевязали мои раны и проверили их, чтобы убедиться, что они заживают. Сестры больше не могут бить меня. Карина, так лучше.

Она ушла, не сказав больше ни слова, и Карина смотрела ей вслед. Дела пошли лучше. Она не могла спорить.

Но она все еще волновалась — и вдруг стало ясно, что ей нужно делать. Она встала, отряхнула юбки и на следующем перерыве того же дня отправилась на поиски лейтенанта Герраса. Он разговаривал с группой солдат, но, увидев ее, кивнул, узнав, и подошел, чтобы поговорить с ней.

— Как дела? — спросил он ее. — Как дела у твоей подруги? Я слышал, ее раны хорошо заживают.

— Да, — заверила его Карин. — Она, ах... Да, они хорошо заживают.

— А как ты? — с нажимом спросил он.

Она обнаружила, что ее глаза разглядывают черты его лица. Его волосы были густыми и волнистыми. Непослушными, и хотя он был чисто выбрит, а она была уверена, что утром он побрился, на его щеках уже была тень. У него были поразительные голубые глаза, контрастирующие с черными волосами. Они были темно-синего цвета, как вода в глубоком озере.

Он сглотнул, пока она изучала его, и Карина перевела взгляд на свои руки.

— Я в порядке, — сказала она, наконец. Что еще она могла сказать? Что Сестры теперь иногда шипели девушкам, что, поскольку стража ушла, а солдаты мягки, сестры знают, как суровы должны быть, если им «придется» наказать одну из девушек? Что все девочки знали, что сестра Аврора, в частности, жаждала причинить им боль и больше не могла этого делать, и что ее характер был подобен котелку, готовому выкипеть?

Нет, Карина не могла сказать ничего подобного.

— Зачем ты пришла... — начал лейтенант Геррас одновременно с Кариной:

— Я пришла поговорить с вами, потому что...

Они оба прервались с неуверенным смехом, и лейтенант кивнул Карине, чтобы она говорила. Он был очень вежлив, поняла она. Его примеру следовали солдаты, и, казалось, они уважали его.

— Я ищу свою подругу, — честно сказала Карин. — Один из стражей выстрелил в нее две недели назад, и с тех пор мы ее не видели. Я хочу знать... — к ее ужасу, ее голос стал хриплым, и ей пришлось сглотнуть, чтобы продолжать говорить. — Если она еще жива, — закончила она, тяжело дыша. — Если она жива, то я хотела бы ее увидеть. Ее зовут Рохеса.

— Мы можем найти ее сейчас, если хочешь, — тут же сказал лейтенант Геррас. — Я... то есть... — он раздраженно провел рукой по волосам. — Возможно, мне не следовало этого обещать. Если она не в лучшем состоянии, может, будет лучше, если ты не увидишь ее.

Карина подняла голову.

— Я хочу, — твердо сказала она. — Я хочу ее увидеть.

Лейтенант Геррас кивнул.

— Тогда пойдем со мной, — сказал он. — Сначала мы пойдем в лазарет. Надеюсь, она там, — он не добавил, что ее могли бросить в камеру, даже в таком плохом состоянии.

Они пошли вместе в свете солнца, и Карина ощутила на себе прищуренный взгляд сестер. Им не понравилось, что лейтенант Геррас был так вежлив с рабочими. Они думали, что он был мягок с женщинами.

В лазарете он жестом попросил Карину отойти в сторонку, а сам пошел поговорить с доктором. Она огляделась и вдруг заметила что-то, что соответствовало ее плану. Она схватила это и сунула в карман одежды как раз перед тем, как лейтенант вернулся с серьезным видом.

— Идем, — сказал он вместо объяснения.

Рохеса лежала на маленькой кровати в конце лазарета. Она выглядела очень маленькой, потрясенно подумала Карина. Рохеса была такой высокой и сильной, всегда могла собрать силы для своей магии, даже когда остальные едва держались на ногах. Теперь она была худой и бледной. На ее плече была видна массивная повязка.

— Мой врач сказал, что они нашли ее в плохом состоянии, когда прибыли, — объяснил лейтенант Геррас. Он говорил шепотом, как будто Рохеса спала, и он не хотел ее будить. — Ее рана была заражена — боюсь, сильно. Мой врач очистил ее, извлек наконечник стрелы и ухаживает за ней. Он говорит, что рана уже не инфицирована, но она была очень слаба, и трудно сказать...

Его голос оборвался, и Карина поняла, что он не хотел намекать на то, что Рохеса может умереть.

— Спасибо, — сказала она ему. Она сжала его ладонь и встретила его взгляд с улыбкой. В ее глазах были слезы, но она была благодарна. Увидеть Рохесу, узнать, где ее держат, было важно для плана Карины. — Я хочу, чтобы вы знали, что я ценю все, что вы сделали. Мы все ценим.

Лейтенант Геррас неловко откашлялся. Она видела, как он пытался сообразить, что сказать, и, наконец, резко кивнул. Он был довольно красив. Она позволила себе это заметить. Ей почему-то стало грустно.

— Мне пора вернуться к работе, — сказала Карина. — Спасибо, что позволили мне увидеть мою подругу. Вы меня успокоили.

— Я рад, — сказал он ей. Он вышел с ней из лазарета и расстался с ней с кивком головы, будто хотел что-то сказать, но не находил слов.

Какое-то время она смотрела ему вслед, а затем вернулась к работе в большом зале, где до конца дня резала листья, не поднимая глаз и ни с кем не разговаривая. Она заговорила в ту ночь, только чтобы сказать Лотти, что Рохеса в надежных руках, и ее лечили так хорошо, как могли. Лотти кивнула, ее подбородок дрожал, и Карин крепко обняла ее. Они не желали признавать до этого, что Рохеса вполне могла быть мертвой. Теперь они могли столкнуться с этим страхом.

— Вот видишь? — спросила Лотти. — Всё лучше.

Карин кивнула, но ничего не сказала. Она быстро ушла, направляясь в уборную. Рядом была крошечная кладовая, которая, как она знала, не использовалась. Она внимательно проверила, не преследует ли ее кто-нибудь, а затем нырнула в кладовую.

Оказавшись там, она развернула повязку, которую спрятала под халатом, и обернула ее вокруг лодыжки, а затем решительно начала работать ногой. Она пожалела, что они не оставили кандалы на ее запястье, их было бы легче снять. В какой-то момент она подумала, что ее лодыжка вот-вот сломается, когда она протаскивала ногу через кандалы, но, наконец, ей удалось снять эту штуку. Она осмотрела оковы, слегка задыхаясь.

Она спрятала кольцо за одним из тюков использованной ткани и изменила облик. С рябью появился лейтенант Геррас, совершенный в каждой детали, которую она тщательно запомнила ранее в тот день. При этом она почувствовала укол вины и постаралась не думать об этом. Она уже потратила больше времени, чем следовало, на размышления о лейтенанте.

Когда она вышла, она обогнула главное здание и сначала подошла к стенам, чтобы посмотреть на поля. Это было рискованно, но ей нужно было, чтобы они не задавали ей вопросов.

Прошел один из патрулей, и один из солдат сказал:

— Здравствуйте, сэр.

Карина кивнула и жестом указала на поле.

— Вы не видели сегодня в полях ничего странного?

— Нет, сэр. А что? — они посмотрели друг на друга.

— Мне сказали, что какие-то соседние крестьяне продают оливки, которые могли быть только из этих рощ, — объяснила Карина. — Я думал, что они могут прокрасться ночью, чтобы забрать их.

Солдаты кивнули.

— Мы могли бы собрать ребят, чтобы проверить, сэр, — предложил один из них.

— Прекрасное предложение, — сказала Карина. — Но вы все усердно работали, и я бы не стал добавлять вам больше обязанностей. Сейчас я выйду и посмотрю, не придет ли кто. Я вызову подмогу, если она мне понадобится.

— Да, сэр, — мужчина выглядел неуверенно. — Хотите, чтобы вашу лошадь оседлали?

Она точно не хотела, чтобы они это делали. Лошадь сразу поняла бы, что она не лейтенант Геррас, а боевые кони славились хорошей дрессировкой.

— Думаю, это может наделать слишком много шума, — сказала Карина, потратив время на обдумывание этого вопроса. — Я пойду пешком.

«Это звучало как он», — подумала она.

Они открыли для нее маленькие боковые ворота, и она выскользнула в ночь, пробормотав слова благодарности, которые она часто слышала от лейтенанта. Она старалась прижиматься к деревьям, будто пыталась не быть замеченной людьми в рощах, и ходила, пригнувшись.

Прошло много времени, прежде чем она убедилась, что солдаты ее больше не видят, но когда она решила, что ситуация безопасна, она изменила путь к деревьям, росшим вдоль дороги вдаль. К тому времени, когда она доберется до дороги, она будет слишком далеко, чтобы они могли ее увидеть.

Рева сказала, что Лука был добрым. Карине нужно было найти Реву и сказать ей, чтобы она поговорила с королем. В противном случае ей придется самой обратиться к Луке.

Сады Аниоса не должны меняться.

Их следует уничтожить.

12

Лука

Пот стекал в глаза Луки. Он устал, дрожал от усилий удержать огненный шар размером почти с его туловище. Шар шипел и крутился в его руках.

— Я... не могу...

— Поддерживайте его, принц Лука, — голос Йозефа был ровным и тихим, но под ним была сталь. — Сделайте погорячее.

Лука сосредоточил всю силу воли на огне. Это истощало его силы. Он был слишком слаб. Он вспомнил долгие дни тренировок в Долине Теней, когда он отдавал последние силы, а потом еще. Он не узнал себя, когда вышел из тренировочного лагеря менти. Он был выше, сильнее. Он управлял мечом и щитом без усталости.

Возможно, то же самое было и с магией. Он так долго боялся тренироваться со своей магией, что упустил возможность стать таким менти, как мечником. По правде говоря, он, вероятно, был бы лучше в огне, чем в бою. Лука не был прирожденным бойцом, но он родился со своими способностями менти.

Как и на тренировке, он отдавал огню последние капли своих сил. Его цвет изменился с ярко-оранжевого на ярко-желтый, и Лука дал энергию, о которой он и не подозревал, чтобы заставить его сиять почти белым.

На мгновение огонь повис перед ним, быстро вращаясь, а затем рухнул, отбросив Луку. Он тяжело упал на пол и не мог подняться. Он удивленно обвел руны, которые Йозеф начертал на полу, когда мужчина подошел, чтобы напоить его вином.

— Были ли вы когда-нибудь таким сильным, когда тренировались со своими друзьями, принц Лука? — он протянул вино. — Пейте.

— Воды нет? — голос Луки хрипел у него в горле.

— Простая вода в королевских покоях? — Йозеф казался удивленным. — Вы должны научиться играть роль, принц Лука. Принцы пьют воду и играют со своими друзьями. Их голоса не слышны на заседаниях совета. Короли пьют вино, носят короны, владеют своей силой — и их никто не слушается.

Как он узнал о заседаниях совета? Лука взял кубок и осторожно отхлебнул из нее, как это делал его отец. Король Давэд предпочитал умеренность во всем, кроме, конечно, войны с менти.

Он смотрел, как Йозеф счищал руны с пола. Этот человек был методичен, поэтому, когда он закончил, не осталось ни мазка мела или угля.

— Я закончил тренировку на сегодня, — сказал Лука, ставя кубок. Он постарался придать своему голосу как можно больше властности. — У меня есть дела с армией. Возвращайтесь завтра, чтобы тренировать меня дальше.

— Как скажете, — Йозеф поклонился, но Лука заметил одобрительный огонек в его глазах.

Вскоре после того, как Йозеф ушел, брат Аксил вошел в покои Луки с суровым выражением лица.

— Мне не нравится, что ты тренируешься с этим человеком, — прямо сказал Аксил, когда дверь закрылась. — Он шарлатан. Он самоучка. Скажи ему, чтобы ушел.

«Ты приказываешь мне, что делать, как если бы я был ребенком?» — Лука проглотил слова.

— Я решил позволить Йозефу учить меня, — сказал он вместо этого. Его тон говорил, что это не предмет для обсуждения. — Он уже сделал меня сильнее, чем я был в лагере менти.

— Принц Лука, в лагере Менти вы отказались тренироваться, — голосе брата Аксила звенело разочарование. — Джеральдо сказал мне, что два дня назад ты был в посольском крыле и тренировался с Джоссом. Это было хорошо. Так ты укрепишь свои силы, — другим тоном он добавил. — И тебе не помешало бы иметь друзей сейчас, Лука. Одиноко носить корону.

Лицо Луки поникло. Одиноко. Покои отца были для него слишком большими и роскошными. Он бы вернулся в свои, но не мог перестать вспоминать, когда в последний раз был там, когда убил Матиаса. Каждый вечер он собирался встретиться со своим братом и сестрами за ужином. Хотя бы в этом отец старался. Но всегда казалось, что есть неотложное дело, требующее его внимания.

Тем не менее, его отец правил в мирное время, а у Луки был соперник за трон, которого он не мог легко победить.

«Стефан всегда хотел того, что есть у других», — недовольно подумал Лука.

— Боюсь, у меня плохие новости, — Брат Аксил со вздохом подошел к одному из окон. Он вдруг стал казаться старше.

— Что такое?

— Ваш выбор для армии. Генералы, — Брат Аксил посмотрел на него. — Лорд Эссад назначен и поговорил с лордом Тинианом о своих обязанностях.

— С лордом Тинианом? Почему не со мной? — Лука нахмурился. — Он не будет командовать силами зантийцев. Он будет командовать моими воинами. А что насчет остальных?

— Другие... — Аксил вздохнул. — Остальные заменены.

— Лордом Тинианом? — Лука сжал кулак. Он встал, чтобы шагнуть. Он обнаружил, что хотел бросить свою корону через всю комнату.

— Да. Известно, что выбранные им лорды весьма благосклонны к Зантосу. Лорд Треван, лорд Дамонт и лорд Келс.

Лука смутно знал об этих мужчинах. Они пользовались большим уважением, он это знал; но их уважали за торговую хватку и мнения по политическим вопросам, а не за их способности командовать войсками.

— Я сделал свой выбор, — сказал он. — Я хотел лордов, которых выбрал.

— Конечно, — Аксил повернулся к нему. — Итак, что ты собираешься с этим делать?

Почему-то этот вопрос взбесил Луку.

— Что я *могу* с этим поделать? Лорд Тиниан не слушает меня! Люди слушают короля, но я еще не король.

— Принц Лука, люди слушают лидера, — Аксил серьезно кивнул ему.

— Тогда я не лидер, — угрюмо сказал Лука.

— Конечно, нет, — согласился брат Аксил. — Как ты мог им быть? Ты был назначен лордом Тинианом и прибыл сюда всего две недели назад. Ты не успел стать лидером. Однако ты станешь им.

— Как? — спросил Лука. Его пальцы сомкнулись на кубке с вином. Во всем он не был королем. Он был всего лишь мальчиком, и все это знали.

— Перестань думать о том, как завоевать их уважение, — предложил Аксил. — Чем

сейчас занялся бы Матиас?

Лука опустил голову.

— Матиас хотел бы делать только то, что правильно.

— Точно. Матиас пользовался уважением окружающих, потому что поступал правильно. Поскольку он боролся за то, что было правильным, он всегда был убежден, что то, за что он выступал, было необходимо. Понимаешь?

Лука не был в этом уверен. Матиас был красивым, обаятельным и хорошим бойцом. Лука не был таким. Когда он говорил, люди не хотели слушать его так, как они хотели слушать Матиаса.

— Когда ты приказал закрыть Сады Аниоса, ты был лидером, — мягко сказал брат Аксил. — Все в этой комнате приняли к сведению, что, когда речь идет о правильном и неправильном, ты не склонился к тому, чтобы выбрать легкий вариант.

Лицо Луки вспыхнуло от жара.

— Что такое? — спросил брат Аксил. Лука не мог скрыть эмоций от своего наставника.

— Я передумал, — сказал ему Лука. Он увидел, как изменилось выражение лица брата Аксила, и тяжело сглотнул. Никто не ослушается короля, подумал он и вздернул подбородок. — Эстале нужны лекарства от чумы. Я отправил солдат в каждый лагерь, чтобы убедиться, что с рабочими хорошо обращаются, и они будут делать лекарства от чумы, а не работать в поле.

— Рабочие, — сказал брат Аксил. На мгновение его лицо ничего не выражало, а потом оно стало злым. — Они рабы, Лука, а не рабочие. Ты знаешь что. Ты знаешь, что это неправильно.

— Как король, я должен принимать решения, которые вредят одним, чтобы помочь другим!

— Лорд Тиниан сказал это? — Брат Аксил сурово посмотрел на Луку, а затем повернулся к городу внизу. — Матиас никогда бы не передумал. Серена тоже.

— Значит, теперь вы поддержите ее вместо меня? — Лука бросил ему вызов. Он увидел удивленный взгляд Аксила и покачал головой. — Серена поняла бы то же самое на моем месте.

— И что же?

— Что Лорд Тиниан дал нам Крепость Несры, и он может свергнуть нас, если захочет! — Лука уже кричал. — Его флот в гавани. Он назначил генералов. Теперь это его армия. Я пока не могу противостоять ему. Я не могу позволить себе обидеть его. Я не король, не такой, каким вы хотите, чтобы я был, не такой, каким хочет видеть меня Йозеф.

— Принц Лука, — Брат Аксил пересек комнату и направился к нему. — Каким королем ты хочешь быть?

— Это не имеет значения, — с горечью сказал Лука. — Лорд Тиниан здесь настоящий король. Это то, чего он хотел. Теперь у него это есть.

— Принц Лука, это не так, — Брат Аксил покачал головой. — Ты произвел впечатление на лорда Роккана, а это трудно сделать. Он думал, что ты слабак, когда пришел сюда, болезненный мальчик. Ты сказал ему, что ты менти, а он все равно хотел сражаться за тебя. Это король, которым ты можешь быть. Лорду Тиниану нужно, чтобы ты победил Стефана, иначе весь мир станет нестабильным. Зантос пострадает без своего крупнейшего торгового партнера. Он не может позволить, чтобы Эстала была поглощена хаосом. У тебя есть сила против него. У тебя есть сила.

Лука отвернулся, сглотнув. Он не чувствовал, что у него есть силы. Он чувствовал себя так же, как в детстве, будто все смотрели мимо него и ждали, когда он умрет.

Брат Аксил вздохнул, но когда он заговорил, его голос был нежным:

— Думаю, это слишком.

— Знаю, — Лука посмотрел на свои колени. — Я не предназначен для этого.

— Слишком много для одного дня, — сказал брат Аксил, теперь уже изумленный. — У тебя голова кружится от всех требований и встреч. Мы ожидаем, что ты знаешь, как делать каждую мелочь, которой твой отец учился годами. Это слишком, и, конечно, это не такие вопросы, которые решают за один день. Подумай, что ты скажешь Тиниану. Помни: ты победишь Стефана, как и сказал, когда разговаривал с лордом Рокканом. Ты был лидером на той встрече, Лука. Ты был королем. Ты выбирал компетентных людей, чтобы укрепить свое правление. Стефан никогда не делал так хорошо. Он окружал себя только людьми, которые всегда говорили ему, что он прав. Вот почему ты победишь его. Ты столкнешься со Стефаном в бою, и твои друзья-менты будут на вашей стороне, и ты победишь его, пока твои войска победят его войска, если потребуется. И эти войска будут возглавлять выбранные тобой генералы, а Тиниан будет союзником.

Но Лука не верил ни одному из слов Аксила. Он был утомлен тренировками с Йозефом, а от вина у него затуманивалась голова.

— А пока, — сказал Аксил, — отдохни. Позови остальных на ужин. Сколько времени прошло с тех пор, как ты в последний раз разговаривал с Нико? Или Таней? — он старался говорить спокойно, но в нем было любопытство. Брат Аксил недавно заметил холодность между Таней и Лукой, хотя и не спросил, в чем причина. — Я имел в виду то, что сказал о друзьях, принц Лука. Для короля важно иметь людей, которые не думают о нем в первую очередь как о короле.

Все еще сбитый с толку мыслями о том, каким королем он должен быть и кто над кем имеет власть, Лука нашел мысль о хорошем, простом ужине идеальной. Он кивнул.

— Не могли бы вы послать за ними, пожалуйста? — он встал. — Я переоденусь. О, и пошлите за Джоссом, — он наслаждался легким юмором мальчика, когда они дрались на днях, и он предвкушал вечер разговоров и смеха с другими. — И за едой? Я должен позвать слугу. Вы не мой секретарь. У меня должен быть секретарь? Еще одна вещь, о которой нужно беспокоиться.

Брат Аксил только улыбнулся.

— Я позабочусь об этом, принц Лука. Переоденься, и я скоро вернусь с твоими друзьями.

Лука напевал, пока искал новую одежду. Стефана сопровождало много слуг, но Лука считал нелепым, чтобы они прислуживали ему для такой простой вещи, как смена рубашки и камзола. Глядя в зеркало, он пригладил волосы и попытался не обращать внимания на то, как колотилось его сердце при мысли об улыбке Тани.

Он действительно хотел ее увидеть. Несмотря на гнев, он скучал по ней, и теперь он понял, что не должен прощать ее, как если бы это было поражением с его стороны. Он мог решить, что она совершила ошибку, но что он все еще заботится о ней. Он хотел сказать ей это, и от этой мысли его немного подташнивало.

Возможно, он просто хорошо поужинает, надеясь, что она поймет.

Он снова шел в свою приемную, когда раздался стук и дверь открылась. Но это был не брат Аксил, а посыльный, тяжело дышащий после подъема по лестнице.

— Сэр... ваше велич... принц Лука.

— Да? — Лука уставился на него. — Хочешь воды?

Посланник покачал головой, все еще тяжело дыша.

— К вам пришла женщина. Она сказала... — он прикусил губу. — Она говорит, что она леди Рева Авалон.

13

Рева

Рева стояла у ворот Крепости Несры и заставляла себя поверить, что это работает. Они ждали долго, или им просто казалось, что прошло много времени? Она так нервничала из-за того, что может случиться, что ее подташнивало. Она прижала руку к животу и была вознаграждена урчанием от голода.

— Это была плохая идея, — сказал Сэм. Он не казался довольным. — Прошло много времени. Нужно уходить. Почему бы им не принять тебя сразу же?

Рева прикусила губу.

— Король Стефан... — она увидела взгляды стражи у ворот и поспешно оборвала слова. — Стефан, который был королем — недолго — убил моего мужа. А мой муж убил его войска. Это долгая история.

— Что случилось? — Карлия выглядела испуганной.

— Мой муж, Францис, был менти, — объяснила Рева. — Стефан был известен тем, что охотился на менти. Он ненавидел их даже больше, чем Давэд. Он пришел за нами в замок, и Францис пожертвовал собой, чтобы освободить меня, устроив оползень, убивший многих солдат Стефана. Я бежала от них, и Сестры схватили меня, — тут она замолчала, понимая, что стражи слушают.

Из двора раздались крики, и желудок Ревы сжался. Сэм был прав: это была ошибка. Они готовили войска, чтобы арестовать ее. Потом ворота распахнулись, и там оказались не солдаты, а сам Лука.

Или, по крайней мере, человек, похожий на Луку. У него были глаза Луки, рот и волосы, но теперь он стал выше, шире в плечах и держался как воин. Он был одет в красивую одежду, и на голове у него была корона. Рядом с ним, с его загорелой кожей и его элегантностью, Реве стало стыдно. Она так долго прожила вне дворцов, что больше не замечала своей разорванной одежды и не беспокоилась о том, как уложены ее волосы.

Однако теперь, когда она смотрела на Луку, она остро осознавала каждый свой недостаток. Она была худой и бледной, ее живот был растянут после родов, и она была грязной. Каждый дюйм ее тела был покрыт дорожной грязью, ее платье было разорвано и плохо сидело, а ноги были босы. Что Лука подумает о ней?

Казалось, ему было все равно.

— Рева, — прошептал он, сделал два шага и подхватил ее на руки. — Это ты. Я не верил, что это можешь быть ты. Рева, что случилось? — на мгновение он отодвинул ее от себя, и теперь она увидела в нем гнев. — Что Францис сделал с тобой? Скажи мне, и я вызову его в суд, и он ответит за свои преступления».

— Лука, — Рева уставилась на него. — Францис... Францис мертв.

— Что? — Лука нахмурился.

— Как ты можешь не знать? Войска Стефана пришли за нами и...

Она умолкла. Стражи жадно наблюдали, а некоторые дворяне и торговцы украдкой поглядывали на собравшуюся небольшую группу. Рева не могла слышать их слов, но ей

представлялся их любопытный шепот, как рой мух, жужжащих в вечернем воздухе.

— Нам следует поговорить внутри, — серьезно сказал ей Лука. Наконец, он заметил Сэма и Карлию. — Простите. Мы не встречались?

— Это Сэм, а это Карлия, — сказала Рева. — Они... это долго объяснять здесь. Я расскажу наедине.

Лука колебался всего мгновение, его глаза встретились с глазами Сэма, прежде чем он кивнул ей.

— Конечно. Пойдемте со мной, все вы.

Он провел их во двор, предложив Реве руку. Она чувствовала себя нелепо, принимая его ладонь в ее нынешнем состоянии, но он, казалось, ничего не думал о том, чтобы испачкать свою красивую одежду. Во дворе он резко остановился, и Рева увидела там брата Аксила. Его сопровождали еще трое: высокий молодой человек со смуглой кожей и приятной внешностью, невысокий мужчина с пухлым озабоченным лицом и красивая девушка с длинными конечностями и смуглой кожей зантййки.

Брат Аксил нахмурился.

— Неужели? Леди Рева Авалон?

— Брат Аксил, — Рева улыбнулась ему. Она почувствовала, как к глазам подступают слезы, и моргнула. Все это было так знакомо, и в то же время все было по-другому, и это раздражало. — Я рада вас видеть, — успела она сказать, хотя с ужасом поняла, что слезы катятся по ее щекам.

Лука заметил ее горе и растерялся, теребил рукав своего камзола.

— Мы должны пойти в уединенное место. Брат Аксил, не могли бы вы предоставить этим двоим комнаты? И приготовьте одну для Ревы. Мы с ней должны поговорить.

Брат Аксил склонил голову.

— Значит, планы на ужин...

— О, — на мгновение Лука стал похож на мальчика, которого помнила Рева, был взволнованным и неуверенным в себе. Он посмотрел на остальных троих. — Я сожалею. Я собирался поужинать со всеми вами сегодня вечером, но Рева пришла сюда так внезапно и в таком состоянии... Брат Аксил, вы знали, что Францис Унна умер?

Брови брата Аксила приподнялись.

— Нет. Мы поговорим позже, принц Лука. Таня, Нико, Джосс, я думаю, вам следует пока вернуться в посольское крыло. Вы двое...

— Сэм и Карлия, — сказала Рева. — Лука, они будут в безопасности?

— Конечно, — сказал Лука, ничего не понимая. — Им будет предоставлена всякая роскошь. Рева, не смотри так испуганно. Все будет хорошо.

Рева хотела верить в это. Она смотрела, как брат Аксил уводит Сэма и Карлию, а затем позволила Луке провести ее через двор к крылу дворца, где находились покои короля.

Конечно, поняла она запоздало. Она забыла, что сейчас он будет в королевских покоях.

— Рева, что случилось? — снова спросил он, как только они поднялись к королевским покоям. — С Францисом.

Подбородок Ревы дрожал.

— Францис не был добрым человеком, — сказала она, наконец. Это не оправдало страданий, прожитых ею там, но Луке было бы бесполезно знать все остальное. — Я не смогла родить ему живого ребенка, и он очень рассердился на меня. Но когда Стефан напал на замок, Францис пожертвовал собой ради меня.

— Стефан напал на тебя? — Лука выглядел разъяренным. — Почему? Зачем ему это делать?

— Францис был менти, — объяснила Рева. Она почувствовала старую дрожь страха, когда признала, что была частью семьи, в которой был менти. Король Давэд мог бы признать ее причастной к преступлениям Франциса, если бы ее схватили и вернули в Реялон. — Я должна была знать. Весь замок был украшен железом. Его идея.

— Францис был менти, — сказал Лука. Он казался удивленным. — И все же он служил моему отцу. Конечно, и я. Если бы мой отец был еще жив...

Рева нахмурилась. Ее сердце теперь билось быстрее. Могла ли она надеяться, что слухи были правдой?

— Лука, что ты говоришь? Ты тоже менти?

Лука остановился, почти дойдя до двери. Он прикусил губу, старая привычка, а затем кивнул.

— Да. Рева, я маг огня. Так умер Матиас. Это был несчастный случай — я не хотел, чтобы это произошло. Вот в чем была болезнь. Мои силы пытались проявиться. Они пришли ко мне внезапно. Там был Матиас, и моя сила убила его, — в этих словах была боль. — Брат Аксил забрал меня из города прежде, чем кто-либо смог обвинить меня в смерти Матиаса. Именно так я и попал в Зантос.

Теперь Рева поняла. Она последовала за Лукой в его комнаты и обнаружила большое количество еды.

— Это должно было быть для моих друзей, — сказал Лука с кривой улыбкой. — Они не будут есть это сегодня вечером, но, может, мы с тобой могли бы поесть вместе? — когда он направился к столу, в его глазах мелькнуло любопытство. Очевидно, он нашел то, что искал, так как вернулся с тарелкой и преподнес ее ей с поклоном. — Инжир в меду, миледи.

Рева радостно рассмеялась. Она потянулась, чтобы взять кусочек и сунула его в рот, затем вздохнула от удовольствия от вкуса. После стольких месяцев почти без еды это было почти слишком сладко. Как она ела их каждый день? Тем не менее, это было восхитительно, и она хорошо помнила, как они с Лукой бросали вызов друг другу в гонках в саду, инжир в меду был наградой.

Или поцелуй. Ее взгляд упал на него, и у нее возникло ощущение, что он вспоминал то же самое.

— Я грязная, — сказала Рева, не сдержавшись.

— Ах. Один момент, — Лука ушел, чтобы вызвать слугу и отдать приказ. — Я знаю, что тебе есть что рассказать, — сказал он ей, — но я думаю, что купание и новая одежда помогут тебе почувствовать себя намного лучше. Я чувствовал себя лучше в Золотом порту, когда... ну, это долгая история. Пожалуйста, воспользуйся моими комнатами.

Реву отвели в покои купаться. Слуги принесли ей новое платье. Это был прекрасный красный цвет, который больше подходил бы ей, когда она была не такой бледной, но ткань была мягкой, платье хорошо на ней сидело. После месяцев, проведенных в Садах Аниоса и недель в бегах, платье казалось невероятной роскошью.

Когда она вышла в главную комнату, Лука тут же встал. Он сглотнул, глядя на нее.

— Ты прекрасно выглядишь, Рева.

Рева невольно рассмеялась.

— Я чувствую себя странно в этом после того, как так долго носила лохмотья.

— Расскажи мне все, — Лука подвел ее к столику, где были накрыты два места. Она

почувствовала, что он сам наполнил тарелки, и заметила, что он выбрал все ее старые любимые блюда.

— Сначала расскажи мне о себе, — сказала Рева. Она была не совсем готова описывать, что с ней произошло. — Ты сказал, что брат Аксил забрал тебя.

— О, — Лука покраснел и сглотнул. — Был лагерь возле горы Зин в Зантосе. Менти прятались там. Брат Аксил привел меня туда для обучения. Пока мы были там, прибыл Стефан. Полагаю, ему было приказано просто вернуть меня в Реялон, но он приказал своим людям убить меня. Я пытался драться с ним, но он тоже менти, — он сглотнул и положил салфетку на колени. — Он оборотень-дракон, Рева.

Рот Ревы отвис. Стефан был драконом? Это было невозможно.

— Я тоже был удивлен, — сказал Лука. Он звучал старше своих лет и посмеялся над абсурдной неадекватностью слов. Затем он поднял голову и увидел, что она смотрит. — Что такое?

Рева колебалась. Когда люди смеялись, часто казалось, что их заботы отпадали и уносили с собой годы. Пожилые люди казались моложе, когда смеялись. Но, когда Лука смеялся, все, что она могла видеть, это то, как все изменилось, и что они никогда больше не будут прежними.

— Ты король, — сказала ему Рева. — Странно видеть. Надеюсь, ты не возражаешь, если я это скажу.

— Странно, — согласился Лука. — И я еще не король. Стефан все еще в бегах, а лорд Тиниан... — он вздохнул и зажмурился. — Рева, я так рад твоему возвращению. Я чувствую себя таким потерянным. Я не знаю, как быть королем.

— Ты будешь прекрасным королем, — сказала Рева. Она потянулась, чтобы взять его за руку. — Лука, у тебя доброе сердце. Твоему отцу повезло, что ты стал наследником.

— Ты знаешь, он никогда не хотел, чтобы я был на троне, — с горечью сказал Лука.

— Матиас был прекрасным человеком, — сказала Рева. Она обожала Матиаса. Тем не менее, он всегда казался ей чем-то большим, чем человек. Даже его легкий юмор, то, как он завлекал людей, заставили ее чувствовать себя странно и растерянно после разговора с ним. — Но если бы Матиас не родился, твой отец все равно имел бы в тебе сильного наследника, Лука. Ты всегда был умным и добрым. Не гордым. Не наглым.

Лука одарил ее полуулыбкой.

— Лука, когда я спросила, менти ли ты, когда ты сказал, что Стефан — дракон... ты кое-чего не знаешь, — Рева поняла, что ее руки впились в салфетку, и отложила ее в сторону. — Я тоже менти. Лука, я тоже оборотень-дракон.

Лука моргнул, застыв от шока.

— Я не знала об этом до тех пор, пока не умер Францис, — сказала Рева. — Это многое объясняет. Это объясняет, почему мои дети... — она замолчала и прикрыла рот рукой. — Почему мои дети не выжили. Мои родители тоже были оборотнями-драконами. Вот почему их убили, хотя это очень длинная история. Сэм и Карлия, которые здесь со мной, тоже драконы. Они научили меня, как использовать силы.

— Три дракона, — пробормотал Лука. — Три дракона против одного Стефана.

— Да, — Рева удивилась. — Я не думала об этом. Но, Лука, я знаю, что ты, должно быть, ужасно занят, но тебе следует кое-что знать. Когда я бежала от солдат Стефана, меня схватили и привели в ужасное место. Он называется Сады Аниоса. Они используют менти как рабов и заставляют работать, пока мы не оказываемся почти при смерти, — она увидела

выражение лица Луки. — Что такое?

— Несколько дней назад мне рассказали о Садах Аниоса, — сказал Лука.

Рева выдохнула с облегчением. Тогда он поверит ей.

— Значит, ты поможешь, — сказала она. Словно огромный груз свалился с ее плеч. —

Когда ты их освободишь, я ищу трех женщин. Я сбежала вместе с ними. Их зовут...

— Рева, — голос Луки был высоким и неуверенным. — Они будут освобождены. Я обещаю тебе.

Казалось, мир перевернулся под ее ногами.

— Что ты имеешь в виду? Когда они освободятся?

— Скоро, — Лука попытался улыбнуться. — Я послал солдат, чтобы убедиться, что условия в лагерях значительно улучшились. Никаких цепей, нормальная еда и кровати, все, что они хотят. Но, Рева, чума уничтожит Эсталу, если у нас не будет достаточно лекарств, а мы не можем позволить себе купить их у зантйцев. Рабочие Садов Аниоса делают его.

Рева отложила вилку. Во рту был привкус пепла.

— Ты узнал, что они держат менти-рабов, и ничего не сделал? Ты сам менти? Ты продолжаешь держать их взаперти? Вдали от их семей? — она вскочила так быстро, что ее стул опрокинулся. — Как ты мог?

— Рева, пожалуйста, пойми...

— Я не понимаю. Если бы ты знал, что они делали с нами, ты бы знал, что тому, что ты делаешь, нет оправдания!

Она выбежала из комнаты и спустилась по лестнице снаружи, игнорируя его призывы вернуться. Прийти сюда было ошибкой. Лука был таким же плохим, как и все остальные. Он получил корону и стал жестоким.

14

Серена

Серена задержалась у ворот, ведущих в город, замечая любопытные взгляды стражей. Она вдруг стала неуверенной в себе. Она была одета в очень простую одежду, и один из стражей согласился пойти с ней в такой же одежде.

Каждый инстинкт подсказывал ей, что то, что она делает, неразумно. С детства выход в город в одиночку считался невыносимым. Она бы даже не спросила у отца разрешения на это. Ее мать ясно дала понять, где место Серены: в замке, предпочтительно за занятиями тем, что сделает ее более подходящей для замужества, например, вышиванием и танцами.

Серена, конечно, проигнорировала последнюю часть совета своей матери. Когда ее спрашивали, она говорила, что интересуется политическими вопросами, потому что хотела быть опорой в доме мужчины, который женится на ней. Она могла дать ему совет, быть верной помощью, укрепить его власть. Ее отец фыркал, слыша такое, а мать сомневалась, но никто ее не остановил.

По правде говоря, Серена была в ярости из-за того, что ее не замечали. Матиас смог изучить управление государством. Стефан мог учиться. Даже Лука, который был настолько болен, что никто не ожидал, что он проживет долго, получил наставников, чтобы научиться таким вещам. Серена собиралась сделать то же самое, даже если ей приходилось делать это самой.

Она гордилась собой за это, пока не появился брат Рафаэль. Она гордилась своими идеями вылечить чуму, а также гордилась тем, что противостояла Стефану. Однако когда прибыл брат Рафаэль, он заставил ее почувствовать себя избалованным ребенком. Она

хотела изучить эти вещи, потому что чувствовала себя ущемленной. Она гордилась своими достижениями и храбростью.

Серена, конечно, заботилась о людях Эсталы. Она бы не пошла против Стефана, если бы не считала это необходимым. Были потеряны жизни. Но когда Рафаэль попросил ее пойти в город, она боялась своих подданных, и он был прав, когда догадался, что она считает себя слишком важной, чтобы рисковать заразиться чумой.

И, что злило, с тех пор он не поднимал эту тему. Он просто позволил ей сидеть с чувством вины и стыда.

Серена расправила плечи и кивнула стражам. Они смотрели с сомнением, но с Лукой во главе никому не было приказано следовать за Сереной или держать ее в узде. Ей разрешали выйти в город, если она пожелает.

Выйдя на улицы внизу, она плотнее затянула платок на заплетенных в косу волосах и быстро пошла, сутулясь. Дважды ей пришлось напоминать стражу, чтобы он не шел на полшага позади нее, у ее плеча, а вместо этого шел с ней, будто он был ее братом или ее мужем.

Было странно находиться в городе без стражи или процессии. Серена чувствовала себя почти голой без красивого платья и диадемы. Нет, это было неправильно. Она чувствовала себя необремененной. Ей казалось, что на нее больше не давят стены. Всю свою жизнь она верила, что не может просто выйти в город, но она была здесь, и все было в порядке. Ее голова почти кружилась.

Она запомнила путь к больнице, которую хотела увидеть, и когда подошла к воротам, у нее была готова история. Она подняла свою корзину, нагруженную бинтами и несколькими флаконами с лекарствами, которые тайно пронесли через блокады Стефана.

— Я Сера, — сказала она, используя старое прозвище своей матери. — Я служу леди Ферин. Она послала меня раздать это и помочь вам сегодня в больнице.

— Леди Ферин очень любезна, — женщина у двери отступила, позволяя Серене войти. Она выглядела так, будто когда-то была пухлой женщиной. Серена представила ее с готовой улыбкой и утешительными словами. Теперь, она, казалось, очень быстро похудела, потому что платье свободно облегалo ее тело, а лицо было усталым. Она хмуро кивнула Серене. — Сюда. Мы можем начать с бинтов. Повезло им. Похоже, они могут выжить.

Серена неуверенно остановилась, прежде чем войти в первую комнату. Ее охранник напрягся у ее плеча, будто он не был уверен, стоит ли мешать ей войти внутрь. Его звали Йона, и он был даже моложе Като. Она выбрала его специально. Старший страж мог попытаться остановить ее, но Йона согласится с ее планами. У него были мягкие карие глаза и рот, который был слишком полным и мягким, чтобы соответствовать его лицу. Теперь его губы были приоткрыты в тревоге.

— Все в порядке, — сказала ему Серена. — Она сказала, что этим людям становится лучше.

Он неуверенно кивнул, не подозревая, что она успокаивает себя, как и его, и последовал за ней, когда она перешагнула порог.

Серена боялась приходить сюда и вздрогнула, когда впервые увидела, как вспарывают нарыв, но была удивлена тем, как быстро привыкла к этому зрелищу. Она следовала за женщиной, которая представилась как Матрона Айя, от кровати к кровати.

Из ран вытекал гной, и Серена поймала себя на том, что выжимает мокрые тряпки, чтобы положить их на лбы пациентов. Иногда они сжимали ее ладонь, и хотя в первый раз

она напряглась, вскоре поняла, что они хотели поблагодарить ее. Она улыбалась им и пыталась не заплакать от того, какими худыми и хрупкими они выглядели. Болезнь делала их такими слабыми, что дыхание иногда хрипело в легких. Однажды Серена помогла мужчине сесть, чтобы он мог кашлять. Пока она придерживала его, она с ужасом почувствовала, что он не крупнее Альберто, хотя он был взрослым мужчиной. К тому времени, когда она опустила его, он уже потерял сознание от кашля.

Когда Матрона Айя пошла в другую комнату, Серена без вопросов последовала за ней. Она уже устала, но видела ряды кроватей и знала, что еще многое предстоит сделать. Она была удивлена, обнаружив, что полностью погрузилась в работу. Она понятия не имела, сколько времени провела в больнице.

В этой комнате было шумнее. Кашель и хрипы пациентов эхом разносились по комнате, и многие из них кричали от боли. Матрона Айя подозвала Серену к одной из кроватей и взяла пузырек с лекарством. Она ловко смешала его с водой и попросила Серену держать пациентку вертикально, чтобы она могла влить смесь в рот женщины. Женщина кашлянула и слабо запротестовала, и Серена ощущала, что смесь была горькой, но женщина выпила лекарство.

— Это новое лекарство, открытое лучшими докторами Зантоса и Эсталы, — сказала ей Серена. — Оно прибыло на лодках всего несколько дней назад. Говорят, ты скоро поправишься.

Женщина, казалось, не слышала ее, и Серена поспешила к следующей кровати, где Матрона Айя уже смешивала лекарство для следующего пациента. Рядом с этой женщиной в постели свернулся напуганный грустный ребенок.

— Этот ребенок не болен, — непонимающе сказала Серена.

— Куда еще ей идти? — Матрона Айя посмотрела на Серену, и впервые Серена увидела ее негодование. Даже Сера, фальшивая дворцовая служанка, не могла понять, как живут жители города. — Мы не могли выгнать ее жить на улицу.

— Значит, она наблюдает, как ее мать болеет? — прошептала Серена. Она была в ужасе. Она импульсивно потянулась, чтобы обнять девочку, но девочка только отвернулась от нее и уткнулась лицом в грязное, пропитанное потом платье матери. Серена подняла мать, чтобы Матрона Айя дала ей лекарство, и на этот раз она не прошептала ни слова утешения. На ее щеках уже были слезы, и она знала, что не сможет сохранить ровный голос, если заговорит.

Она работала, переходя от кровати к кровати, пока не кончилось лекарство.

— Ваше Выс... моя госпожа, — обеспокоенно сказал ей Йона. — Прошла большая часть дня. Мы должны вернуться.

Серена вытерла лоб. Она качалась на ногах. Йона был прав. Утренний свет, косо падавший в окна, исчез, и она ужасно хотела есть. Как долго они были здесь?

Она снова покачнулась, и рука на ее локте поддержала ее.

— Садитесь, принцесса, — сказал ей голос.

Слишком уставшая, чтобы сразу заметить титул, Серена села. Только когда хозяин голоса вернулся с чашкой воды, она поняла, что это брат Рафаэль. Она остановилась, чашка с водой была на полпути ко рту, и, к своему разочарованию, она почувствовала, как покраснели ее щеки.

Он не сказал об этом. Он сидел на корточках у ее стула и выглядел довольным, но не самодовольным.

— Вы пришли, — сказал он ей. — Матрона Айя сказала мне, что вы весь день

ухаживали за этими людьми.

— Да, — к своему стыду, Серена почувствовала, как к горлу подступает всхлип. — Их так много, — сказала она. — Мы ухаживали за десятками, но их слишком много, чтобы заботиться обо всех. А как же город? Здесь дети, наблюдающие, как их родители... — она прижала руку ко рту, прежде чем успела произнести слово «умирают».

Брат Рафаэль кивнул.

— Как такое могло произойти? — спросила Серена. Она знала, что он священник, и ей не хотелось богохульствовать, но в ней возникал вопрос: как мог Просвещенный Бог допустить такое?

— Так устроен мир, — серьезно сказал брат Рафаэль. — Такая несправедливость, такая боль приходят ко всем. Дать простую причину значило бы соврать. Все, что я знаю, это то, что Просвещенный Бог хочет, чтобы мы использовали наши таланты, чтобы облегчить эти страдания. Это так. Как иначе?

Серена посмотрела на свои колени.

«Я думала не так», — подумала она, и ей стало очень стыдно. Если бы она вышла в город, то знала бы, что все так плохо. Она была бы более настойчивой в своих усилиях по борьбе с чумой. Вместо этого она рассматривала это как политическую загадку.

Брат Рафаэль взял ее за руку и помог встать. Это было неприлично, но Серена не была уверена, что сможет стоять самостоятельно, не шатаясь. Она как раз собиралась спросить, можно ли ей что-нибудь поесть, когда брат Рафаэль сказал собравшимся:

— Все вы здесь, вы должны знать, кто сегодня ухаживал за вами.

Многие взгляды упали на Серену, и ужас наполнил ее грудь. Она покачала головой, глядя на Рафаэля. Нет.

— Они должны знать, — сказал он ей. Он говорил ласково, но твердо. — Это принцесса Серена, которая сама пришла позаботиться о вас.

Внезапно раздался ропот, и Серена увидела, что Йона в панике разглядывает комнату. Он согласился на это только потому, что она пообещала ему, что никто не узнает, кто она.

— Она принесла вам лекарство, которое было отправлено королевской семье, — сказал им Рафаэль. Его карие глаза были теплыми. — Когда я спросил ее, видела ли она, как обстоят дела в городе, она сказала, что нет, поэтому она пришла увидеть всех вас.

Он посмотрел на Серену, и она поняла, что он хотел, чтобы она тоже заговорила с ними. Она тревожно кашлянула и подумала, что ее отец очень рассердится. Но ее отец уже умер, и Стефана больше не было. Лука собирался стать королем, и он хотел вылечить чуму не меньше нее.

Она знала, что не может говорить о политических проблемах, которые привели их сюда. Она хотела только дать этим людям надежду, потому что их отчаяние съедало их почти так же сильно, как болезнь.

— Последние недели были тяжелыми, — сказала им Серена. — Казалось, у чумы нет конца и нет лекарства. У вас было два короля, а теперь у вас есть третий — мой брат Лука. Он вернулся с армией, и на улицах начались бои. Вы гадаете, в безопасности ли вы. Возможно, вы задаетесь вопросом, не покинул ли вас Просвещенный Бог. Клянусь, ваши правители думают о вас каждый день. Лекарство, которое я принесла сегодня, было изготовлено лучшими врачами Зантоса и Эсталы. Два мира работают вместе, чтобы мы могли вылечить вас и принести покой в мир. Принц Лука, который скоро станет вашим королем, каждый день работает со своим советом, чтобы вы снова выздоровели и

процветали. Я рада, что встретила вас сегодня. Я рада, что увидела город, а не только дворец. Я — ваша принцесса. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы убедиться, что у каждого из вас есть лекарства, и что вы скоро сможете вернуться домой к своим семьям.

Некоторые люди плакали. Другие потянулись к Серене, чтобы взять ее за руки. Она прикоснулась к ним, пробормотала слова утешения, а затем позволила брату Рафаэлю и Йоне увести ее в замок.

— Это больница, в которой вы работаете? — наконец, спросила она брата Рафаэля.

— Нет, — признал он. — Но это одна из самых известных больниц, и когда я узнал, что вы пропали, я подумал, не там ли вы находитесь. Я пришел один. Ваш брат очень беспокоился о вас.

— Я в порядке, — раздраженно сказала Серена.

Брат Рафаэль улыбнулся.

— Вы думали, что я пойду в больницу? — спросила она мгновение спустя. Они прошли через ворота, и она с любопытством взглянула на него. — Я не думала, что вы хорошо обо мне думаете.

Его улыбка была такой теплой, что на мгновение она забыла, что во дворе есть кто-то еще.

— Наоборот, принцесса. Я очень хорошо о вас думаю, — пробормотал он. Затем выражение его лица стало отстраненным, и он вежливо поклонился ей. — Увидимся завтра на встрече с лордом Тинианом, — сказал он ей и ушел, не сказав больше ни слова, оставив Серену смотреть ему вслед.

15

Лука

Лука прохаживался в одном из садов, когда лорд Тиниан нашел его. Был уже закат, и Лука бродил по незнакомым тропинкам. Это был один из личных садов его отца — один из личных садов короля, напомнил он себе, а это значит, что скоро он станет его, — и он никогда не приходил сюда, когда был маленьким.

Он хотел пойти в свои любимые сады возле тронного зала, но боялся увидеть Реву, боялся вспомнить их детские игры среди цветов. Он боялся, что мог не увидеть ее.

Он пошел за ней прошлой ночью, но подумал, что она может устроить сцену, если он будет настаивать на разговоре с ней. Сегодня утром, когда он послал стражу, чтобы узнать, не хочет ли она поужинать с ним, он не получил ответа. Судя по всему, она не хотела открывать дверь своих покоев.

Она была права, разозлившись на него, и Лука знал это, но он также знал, что, если он не будет действовать быстро, чума поглотит всю Эсталу. Что она хотела, чтобы он сделал? Даже если он пошлет всех врачей в городе в Сады Аниоса, чтобы они использовали травы — на что потребуется время — людей не хватит, чтобы сделать достаточно лекарств, чтобы вылечить страну.

Он послал солдат, чтобы удостовериться, что с рабочими обращаются хорошо, обиженно подумал он. Он делал все, что от него можно было потребовать. В конце концов, Сады Аниоса не были его изобретением.

Он погрузился в свои мысли, когда лорд Тиниан с улыбкой подошел к нему.

— Принц Лука, я рад сообщить, что ваша сестра нашлась.

— Где она была? — Лука провел день в беспокойстве. Даже Каролина, похоже, не знала, куда пропала Серена, и не в ее правилах было пропускать заседания совета. Насколько

Лука себя помнил, Серена тщательно выполняла все свои обязанности.

Поскольку они все еще не знали, как Стефан сбежал из Крепости Несры, они беспокоились, что, возможно, Серену похитили. Часы шли, а записка о выкупе не поступала, страх Луки только рос. Вскоре он должен был стать королем, а его семья не чувствовала себя в безопасности в собственном замке.

— Похоже, она вышла в город, — сказал лорд Тиниан. Он говорил осторожно, словно оценивая реакцию Луки на свои слова, прежде чем высказать свое мнение по этому поводу. — Она принесла лекарства в одну из больниц и осталась ухаживать за больными.

Лука смотрел на него с открытым ртом. Серена никогда бы так не поступила. Каролина сбегала в город, не задумываясь о последствиях, но Серена всегда вела себя хорошо. Действительно, когда они были моложе, именно Серена читала Луке лекции о его осанке и этикете.

Теперь он должен был поверить, что она ушла в город, никому не сказав? И как Тиниан узнал об этом раньше Луки?

Он кашлянул.

— Ясно.

Брови лорда Тиниана слегка приподнялись.

— Вы обеспокоены, Ваше Высочество.

— Моя сестра — осторожная женщина, — сказал Лука. — Уверен, если она пошла в город, она разработала план, чтобы быть в безопасности. Она взяла стражу. Должно быть, я просто пропустил ее сообщение о том, куда она направляется. В конце концов, она работала с вами над планами по излечению от чумы.

Лорд Тиниан колебался.

— Можно я прогуляюсь с вами, принц Лука?

Лука кивнул и позволил лорду Тиниану поравняться с ним. Советник-зантиец тщательно обдумал свои слова, прежде чем заговорить:

— Мне сказали, что принцесса Серена произнесла речь, — наконец сказал он. — Это было сделано очень умно. Она работала в больнице целый день, притворяясь служанкой одной из придворных дам, а затем раскрыла свою личность пациентам и медсестрам.

Лука нахмурился. Это не походило на Серену. Он не помнил, чтобы она была из тех, кто делает драматические жесты.

— Судя по всему, она хорошо отзывалась о ваших усилиях по установлению мира и здоровья в стране, — сказал лорд Тиниан.

Лука натянуто улыбнулся. Он хотел, чтобы другие люди перестали верить всех, что он станет великим королем. Мысль об этом вызывала у него тошноту. Он не был уверен, что сможет делать то, что, как они твердили, он мог. Сможет ли он победить Стефана? Сможет ли он вылечить чуму?

Затем он понял, что лорд Тиниан пытался что-то сказать ему, не произнося этого вслух. Лука вздохнул. Он ненавидел себя за то, что спрашивал, но слишком устал и был слишком расстроен, чтобы играть в угадайку.

— Что вас беспокоит, лорд Тиниан?

Лорд Тиниан с сожалением вздохнул.

— Может, это ничего, — предположил он. — Но принцесса Серена красива и очаровательна. Мы знаем, что Стефан считал ее угрозой своему трону.

— Она представляла угрозу его трону, — заметил Лука. — Вы поддерживали ее так же,

как и меня.

Тиниан слегка пожал плечами, не переживая.

— Принцесса Серена была серьезной претенденткой на трон. Хотя она, конечно, женщина, но известно, что она хорошо разбирается в политических вопросах, и она умело торговалась с нами относительно лекарств. Когда мы узнали, что вы живы, конечно, это было другое дело, но она, бесспорно, была лучшим выбором для трона, чем ваш брат Стефан.

Лука внимательно посмотрел на лорда, но не мог решить, было ли это угрозой. Если Серена была, бесспорно, лучшим выбором, чем Стефан, значит ли это, что она была лучшим выбором, чем Лука? Неужели только то, что она была женщиной, удерживало Золотой Совет и дворян от поддержки?

Тиниан серьезно посмотрел на него.

— Хотя она хорошо отзывалась о вас в своей речи, принц Лука, я боюсь, что эта речь пошла ей на пользу сильнее, чем вам. В городе шепчутся, что принцесса приходила к ним в гости, что она не боялась ходить среди них, что ухаживала за ними своими руками. Они не упоминают вас.

— Это не входило в ее намерения, — возразил Лука.

— Конечно, — но в улыбке Тиниана была легкая насмешка, будто он спрашивал, уверен ли Лука в этом.

Внезапно Лука рассердился. Он делал все возможное, чтобы убедиться, что у жителей Эсталы есть лекарство от чумы, и именно его обвиняли в том, что он держал Сады Аниоса открытыми, чтобы можно было сделать лекарство, но Серена была единственной, кто получил похвалу за все это. Это было несправедливо.

Гнев придал ему смелости.

— Лорд Тиниан, — сказал он. — Я хотел поговорить с вами о генералах, которых вы выбрали.

Лорд Тиниан с любопытством посмотрел на него.

— Хотя мы согласны с назначением лорда Эссада, — сказал Лука, — я выбрал других, включая лорда Роккана, чтобы возглавить мою армию.

— Я позволил себе заменить их, — сказал Тиниан. Опять же, он, казалось, не стыдился своего вмешательства в дела Эсталы. — Известно, что лорд Роккан не является другом Зантоса.

— Для генерала это не имеет значения, — возразил Лука. — Я выбрал лорда Роккана, потому что солдаты его уважают, и он очень компетентен. Он не будет сражаться с зантийцами, лорд Тиниан. Мы союзники. Он будет биться с моим братом.

— Боюсь, Золотой Совет не может пойти на такой риск, — сказал Тиниан. Ему удалось изобразить сожаление, но Лука знал, что это всего лишь игра. — Мы должны защищать наши интересы, принц Лука. Мы не можем допустить назначения военных лидеров, враждебных нашему народу.

— Лорд Роккан не против Зантоса, — сказал Лука.

— Принц Лука, вы должны понимать, что это не более чем дело принципа, — лорд Тиниан теперь говорил покровительственно, будто Лука был маленьким ребенком, закатившим истерику.

Лука сжал кулаки. Он чувствовал себя маленьким ребенком, и это его раздражало. Как этот разговор пошел так неправильно?

— Я собираюсь стать королем, — сказал он, и ему не понравилось, как звучал его

голос. — Я сделал свой выбор насчет генералов.

Лорд Тиниан остановился.

— Принц Лука, — сказал он, и на этот раз слово «принц» было подчеркнуто. — Я надеюсь, вы помните, как вы оказались здесь, в Крепости Несры, в ожидании своей коронации. Жест доброй воли был сделан Золотым Советом. Это позволило вам взять Реялон, чего вы не смогли бы сделать сами. Я думаю, вы знаете это. Это была значительная инвестиция, Ваше Высочество. Золотой Совет не будет рисковать сейчас, когда настало время отплаты.

Он поклонился, но не низко, и ушел.

Лука смотрел ему вслед. Его грудь быстро вздымалась и опадала, и он не мог придумать, что сказать. Он поспешил обратно через сады в свои покои, затем сорвал с себя корону, чтобы бросить ее через комнату.

Он не был королем.

— Ваше Величество, — Йозеф заговорил из темноты и через мгновение вышел из тени. — Вы возмущены. Вас разозлил лорд Тиниан?

Лука только посмотрел на него и сел. Он пошел налить себе воды, а потом остановился и вместо этого потянулся к вину.

Он сделал глоток, но вкуса не было. Когда он вернулся в Золотой порт после месяцев, проведенных в тренировочном лагере менти, он жаждал роскоши. Теперь все начало портиться. Рева сбежала с банкета прошлой ночью, золотой обруч не дал ему настоящей силы, и все, чего он хотел прямо сейчас, — это хорошая простая еда из фиников и воды.

— Вы знаете, почему лорд Тиниан боится вас, не так ли? — спросил его Йозеф.

Лука поставил кубок.

— Лорд Тиниан не боится меня. Но и не уважает.

— О, он боится вас. Любой человек без сил боится менти, а любой правитель без сил боится короля менти, — лицо Йозефа было непроницаемо, а глаза его казались ямами в темноте. — Так и должно быть.

— Я ничто, — сказал Лука. — Я маг огня, простой, как медная монета, — он с горечью повторил слова своего отца и Стефана. — Стефан — дракон. Что мой огонь рядом с огнем дракона?

— Принц Лука, вы не знаете, на что вы способны, — Йозеф улыбнулся. — Идемте, будем тренироваться.

— В чем смысл? — спросил Лука, хотя и отпрянул, когда Йозеф начал рисовать на полу печати. — Я не могу победить Стефана.

— Ошибаетесь, — сказал ему Йозеф. В его темных глазах был жесткий блеск. — Ваш брат во многом слаб, а вы силен. Подойдите, встаньте в круг и разожгите пламя. На этот раз сделайте столб такой же высоты, как вы. Сделайте его настолько горячим, насколько сможете.

Лука неохотно встал в круг рун, нарисованных Йозефом. Он держал руки перед собой, но был несчастен, и пламя, которое он разжигал, не поднималось высоко. На самом деле, огонь угас через мгновение.

Он опустил руки и уставился на Йозефа.

— Мне не суждено быть королем. Я менти, но слабый. Я королевский ребенок, но опять же, я был слабым. Моя сестра должна занять мое место.

Йозеф сжал одну руку в кулак и погрозил Луке.

— Ваша сестра не является законной наследницей. Стефан доказал, что не способен руководить Эсталой, а вы — старший сын после него.

Лука не стал спорить.

— Значит, вы решили потерпеть неудачу? — спросил Йозеф, повысив голос. — Я ошибся в вас, принц Лука?

— Зачем ты пришел ко мне? — спросил Лука.

— Потому что я видел, как вы бились в городе! — маленькие черные глаза загорелись, будто в них был огонь. — Я знал, что слухи были правдой. Ваша мать тоже обладала силой огня, принц Лука. Ваша болезнь, смерть Матиаса — все это было закономерностью. Матиасу не суждено было стать наследником. Это были вы. Стефан был слаб. Он хотел, чтобы его окружали только те, кто сказал бы ему, что ему суждено стать перерожденным богом, — губа Йозефа скривилась, а затем он прищурился, глядя на Луку. — Но вы... вы ушли, научились использовать свои силы, вернулись с армией и пробились к Крепости Несры. Вы взяли на себя командование. Я знал, что у вас есть шанс спасти нас от Стефана. Сможет ли Серена когда-нибудь сразиться с ним в бою? Какие у нее силы?

Лука беспомощно пожал плечами.

— Они пытаются поставить ее на ваше место, — ядовито сказал Йозеф. — Пускай. Вы — Король Огня, принц Лука. Лорд Тиниан хочет контролировать вас. Он стремится помешать вам узнать, насколько вы на самом деле сильны. Вы должны научиться контролировать свои силы. Вы должны победить своего брата. Вы должны стать королем и править. Делать что-либо еще — значит выбирать неудачу.

Лука уставился на него.

— Они бы увидели вас мертвым на улице, если бы могли, — сказал Йозеф, и Лука боялся спросить, кого он имел в виду. — Сделайте себя сильным, чтобы они не смогли. Попробуйте столб пламени еще раз.

На этот раз пламя вспыхнуло почти до потолка, раскаленное добела и кружащееся от ярости Луки. Он уставился на него с мрачным удовлетворением и едва слышал бормотание Йозефа:

— Хорошо, — сказал маг. — Отлично.

16

Рева

Наступила ночь, и Рева несчастно сидела на краю одного из фонтанов. Она просидела в своих комнатах весь день, как капризный ребенок, не разговаривая ни с Лукой, ни с Сэмом и Карлией. Она знала, что двое других беспокоились о ней, но не могла посмотреть им в глаза и сказать им, что ошибалась насчет Луки.

Сэм обрадуется. Она была раздражена и рада этому в равной мере. Она видела, как Сэм смотрел на красивую одежду и золотой обруч, когда Лука встречал их у ворот. Возможно, он, как и Рева, ждал нежного мальчика, каким когда-то был Лука.

Она знала, что на все это скажет Карлия: что Рева должна урезонить Луку. Карлия сказала бы, что долг Ревы — вернуть Луку к мальчику, которым он когда-то был, чтобы он закрыл Сады Аниоса и помог менти. Но Рева не хотела спорить с Лукой. Она чувствовала себя обманутой из-за его решения оставить лагерь открытыми. Выражение его лица, когда он сказал ей, показало ей, что он знал, насколько неправильным был его выбор.

Она водила пальцами по воде, когда слышала шаги. Кто это был? Возможно, один из друзей Луки? Или лорды Зантоса, или...

— Брат Аксил, — сказала она. Она сумела слегка улыбнуться и встала. Она сделала реверанс.

Он ничего не сказал, просто смотрел, пока, наконец, не жестом пригласил ее снова сесть, устроился рядом с ней. Он смотрел на сады, и она поняла, что он тоже обеспокоен.

— Лука сказал вам, что я менти, — догадался Рева.

— Нет, — Брат Аксил слегка улыбнулся, хотя и не взглянул на нее. — Но я задавался вопросом. Ходили слухи, что ваши родители обладали способностями, — он бросил на нее быстрый любопытный взгляд, но Рева промолчала, и он снова улыбнулся. — Вы выросли, леди Авалон. Вы гораздо осторожнее, чем когда-то.

Рева горько рассмеялась, представив, как убегает из комнаты Луки. Это не было осторожным поведением. Ей было стыдно признаться, что она вела себя как вспыльчивый ребенок.

— Я слышал о ваших выкидышах, — прямо сказал брат Аксил. — Тогда я подумал, что еще более вероятно, что у вас могут быть способности. Знаете, Стефан был не единственным, кто понял правду о Францисе Унне. То, как он украсил свой замок, было хорошо известно. Вы можете этого не знать, но железо может помешать беременности женщины-менти. Я бы сообщил вам, если бы думал, что смогу сделать это осторожно, и если бы я думал, что это поможет вам.

Рева сморгнула слезы. Она, конечно, знала об этом, но он пытался быть добрым, давая ей понять, что в случившемся нет ее вины, как всегда считал Францис. Затем она кивнула.

— Я слышал, прошлой ночью вы неожиданно покинули комнаты принца Луки, — наконец, сказал брат Аксил. — Могу я спросить, почему?

Рева посмотрела на него и внезапно пришла в ярость.

— Вы не можете догадаться?

— Могу предположить, — сказал брат Аксил. — Я подумал, что лучше спросить.

— Сады Аниоса, — выпалила Рева. — Хотите знать, почему я такая худая, почему я была одета в лохмотья, когда появилась здесь? Вот где я была. Меня схватили после того, как замок пал перед Стефаном, и Сестры привели меня в Сады. Они бы заставили меня работать, пока я не умерла бы. Я сбежала, и когда я услышала, что Лука здесь, я пришла, чтобы рассказать ему о Садах, чтобы он мог закрыть их. Я думала, что он может мне не поверить, но я никогда не думала, что он будет держать их открытыми. Особенно, будучи менти.

Она думала, что решение оставить Сады открытыми было принято на заседании совета. Она представила, как все советники напыщенно кивают, соглашаясь. К ее удивлению, брат Аксил выглядел таким же встревоженным, как и она.

— Я тоже никогда не думал, что он так поступит, — сказал Брат Аксил. — На заседании совета, когда он узнал о Садах, он пришел в ужас. Лорд Тиниан спорил с ним, но Лука сказал, что ничего нельзя сделать, кроме как закрыть Сады. Он был непреклонен.

Рева нахмурилась.

— Но он сказал, что они должны оставаться открытыми.

— Да. Возможно, это моя вина. Лорд Тиниан попросил поговорить с Лукой наедине, поэтому я ушел. Когда я в следующий раз услышал об этом, Лука согласился оставить Сады открытыми, — Брат Аксил покачал головой.

— Это было решение Луки, — сказала Рева. Она услышала гнев в собственном голосе. — Это не ваша вина. Очевидно, вы не согласны с тем, что он сделал.

— Точно, — сказал Аксил. — Я не знал, что король Давэд сделал такое. Он тщательно

это прятал. Он должен был, конечно. Он сказал, что все менти побеждены. Каждая деревня, где есть ребенок-менти, будет думать, что он единственный. То, что он казнил их, было достаточно жестоко, но то, что он использовал их как рабов... — он покачал головой. — Жестоко, — повторил он. — Я никогда не понимал ненависти Давэда к менти. Это была не вера. Для него это было что-то личное.

Рева нетерпеливо покачала головой. Ей было наплевать на короля Давэда.

— Что случилось с Лукой? Зачем ему это делать?

Брат Аксил вздохнул.

— Говорят, что невозможно узнать человека, пока ему не будет дана власть, но я не сомневался в Луке, когда мы плыли сюда из Зантоса. Я знал, что он был осторожен, но я думал, что это было хорошо. Он не жаждал трона, как Стефан. Но Лука не уверен в себе, а у лорда Тиниана больше власти, чем мне хотелось бы.

— Зачем лорду Тиниану Сады Аниоса?

— Деньги, — мрачно сказал брат Аксил. — Это всегда деньги, когда речь идет о Золотом Совете. Они потратили деньги, чтобы привести Луку на трон, и теперь хотят окупить свои вложения. Сады Аниоса приносят неплохую прибыль — и это ясно, поскольку они не платят рабам и не кормят их хорошо. Лука, конечно, кое-что изменил, но... — он покачал головой.

— Солдаты, которых он послал, не устоят перед Сестрами, — уверенно сказала Рева.

— Не будьте так в этом уверены, — на этот раз брат Аксил улыбался. — В этом мире больше благородных людей, чем вы думаете, леди Авалон. Те, кто пошел, получили приказ от своего короля прекратить злоупотребления. Они вполне могли это сделать. Конечно, рабство остается рабством, как бы его ни приукрашивали.

— Да, — прошептала Рева. Весь ужас ее пребывания в Садах вылился в одно это слово. Она вспомнила глаза сестры Валерии и боль от плети. Она вспомнила, как младшие девочки отшатывались от взглядов стражей. Столько ночей она ложилась спать с ноющим от голода желудком, лежала на полу и засыпала уставшей до костей.

Брат Аксил ничего не сказал на это, за что она была благодарна. Она не думала, что сможет удержаться от слез. Она выжила в Садах Аниоса и сбежала. Почему она плакала сейчас, когда все было кончено?

— Лука не пришел сегодня на собрание совета, — через некоторое время сказал брат Аксил.

— Что? — Рева посмотрела на него, удивленно моргая.

— Думаю, он обеспокоен вашей реакцией, — продолжил брат Аксил.

Рева опустила плечи. Ей было все равно, заставила ли она Луку чувствовать себя виноватым. Он должен чувствовать себя виноватым, яростно подумала она.

— Леди Авалон, буду с вами честен, — Брат Аксил коснулся ее руки. — Я был рад, когда вы вернулись. Я думал, что вы хорошо повлияете на Луку. Вы радовались жизни, несмотря на все, что с вами случилось. Вы дали ему надежду на будущее. Вы, из всех людей, никогда не вели себя так, будто ему суждено умереть. Ваша дружба пошла ему на пользу, и я верю, что он никогда не переставал любить вас.

Рева тяжело сглотнула. Она тоже держала Луку в своем сердце все эти годы, но теперь она понимала, что Лука, которого она любила, мог больше не существовать.

— Лука сталкивается с большим, чем даже опытный король мог ожидать, с изыществом, — прямо сказал брат Аксил. — Стефан — оборотень-дракон, Рева. Он силен, и

у него есть поддержка Ордена Понимания. Они окрепли в сельской местности. Я боюсь, что если мы его не найдем и быстро не победим, он приобретет столько последователей, что у нас будет не столкновение двух армий, а настоящая гражданская война.

Она знала, что это правда. Она видела процессии людей, хлеставших себя. Они были в отчаянии.

— Стефан — причина того, что чума распространилась так далеко. Он строил храмы, а не присылал врачей.

— Мы с вами это знаем. Но для жителей сельской местности Лука — младший брат, прибывший с армией зантийцев. Он знает, что столкнулся с сильным врагом, и он не знает, где Стефан и каков его план. Одно это было бы трудно для любого короля. Но он также был приведен к власти Зантосом. У них корабли в гавани. Если бы дело дошло до битвы между ними и нашими армиями, было бы нелегко сказать, кто мог бы победить. Лука хорошо ладит с лордом Тинианом.

— И вы думаете, что мое влияние как-то поможет ему? — Рева не могла скрыть недоверие в своем голосе.

— Да, — Брат Аксил улыбнулся ее недоверию. — Не смотрите так удивленно, леди Авалон. Вы всегда высказывали свое мнение. Вы столкнулись с несправедливостью, не задумываясь.

Рева подумала о том, как она стала такой молчаливой и испуганной, как жена Франциса.

— Вы не знаете, что произошло с тех пор, как я покинула Крепость Несры. Вы меня теперь не знаете.

— Наоборот, — сказал брат Аксил. — Я знаю, что вы пришли сюда ни с чем, и когда вам нечего было выиграть, сражаясь с Лукой, и можно было потерять все, вы без колебаний сказали ему все, что думаете о его действиях. Вы, голодная и одинокая, оставили прекрасный ужин и высказали свое мнение. Рева, он разрывается между тем, что он считает правильным, и тем, что, по его мнению, он должен делать. Он, так или иначе, сломается, и мы должны убедиться, что он останется верен себе. В противном случае он будет не лучшим королем, чем Стефан.

— Нет, — Рева почувствовала, как к ней подкрадывается усталость. Долго ли будут продолжаться эти ночные встречи у фонтанов? — Он был моим другом раньше. Я не буду управлять им, как лошадью. Я не поведу его. Если он должен быть хорошим человеком, он будет хорошим человеком сам по себе.

— Вы действительно в это верите? — спросил Аксил. — Вы знаете, что никто из нас не живет один в этом мире. Вы думаете, что все ваше мужество и ваша доброта принадлежат только вам? Разве никто никогда не вдохновлял вас быть сильнее?

Рева молчала. Карина пришла ей в голову. Эмми. Как давно она не думала об Эмми?

— Говорить, что Лука должен быть сильным без нашей помощи, значит обесценивать все остальное, что происходит, — сказал брат Аксил. — Если бы он не был королем, если бы не столкнулся с этими проблемами, возможно, он был бы тем мальчиком, которого ты помнишь, Рева. Но мир обстоит иначе.

Рева помедлила, потом кивнула.

— Тогда ты сможешь? — спросил брат Аксил. — Ты будешь продолжать говорить с ним, продолжать говорить ему, что ты думаешь? Я не прошу тебя лгать, Рева. Я прошу говорить ему правду и напоминать ему о его сердце.

Рева снова кивнула. Когда она вышла замуж за Франциса, ей тоже нужно было напоминать это.

Брат Аксил, к ее удивлению, вздохнул.

— Конечно, есть еще вопрос об этом «Брате».

— Какой брат?

— Он называет себя Братом Йозефом, но он не настоящий Просвещенный Брат, — твердо сказал Брат Аксил. — Он может даже не быть менти. Он убедил Луку, что только он может научить его навыкам, необходимым для победы над Стефаном, — он покачал головой. — Но я думаю, что мы рассмотрели достаточно проблем для одного дня. Любая тренировка, которую Лука проводит со своими способностями, безусловно, хороша, — он встал и поклонился Реве. — Леди Авалон, благодарю вас и рад, что вы в безопасности.

Рева улыбнулась ему.

— Спасибо, брат Аксил.

Брат Аксил пошел прочь через сады, но остановился в нескольких шагах.

— Могу я спросить, — сказал он, повернувшись к ней, — каковы ваши силы, леди Авалон?

Рева прикусила губу.

— Я похожа на Стефана, — сказала она. — Я — оборотень-дракон.

Брат Аксил очень долго смотрел на нее.

— Ты совсем не похожа на Стефана, — сказал он, наконец. — Но это очень интересно. Еще один дракон. Я думаю...

— Что? — Рева нахмурилась.

— Когда мы впервые увидели Стефана, я подумал, что гора Зин может взорваться. Когда этого не произошло, я сказал себе, что думал как глупый старик. Это были только легенды. Но теперь мне интересно, леди Авалон — если драконов больше, чем только Стефан, возможно, есть другое объяснение.

Рева нахмурилась, но брат Аксил лишь загадочно улыбнулся и ушел от нее с еще одним поклоном, исчезнув в ночи.

17

Карина

Карина съежилась в темноте снаружи таверны. Она шла три дня под все более хмурым небом, и вот, на третью ночь, наступили сумерки с мелким морозящим дождем.

Она приказала себе не заходить в таверну. Теперь она была вся промокшая, и ткань ее платья прилипла к телу. Ей не нужно было представлять, что мужчины внутри сделают от этого. Мало того, она знала, что Сестры должны искать ее — если не они, то лейтенант Геррас.

При этом она почувствовала укол сожаления. Лейтенант Геррас был к ней добр. Он сделал все, что было в его силах, чтобы женщинам было удобно, и отвел Карину к Рохесе, хотя в этом, конечно же, не было необходимости. Что бы он ни думал о менти, он обращался с ней как с человеком, и за это Карина была ему благодарна.

Она понимала, что использование его лица для побега будет для него особым предательством. Вспомнит ли он, как и она, тот момент, когда она разглядывала его? Поверит ли он ей, если она скажет, что с ее стороны это не было планом?

Это не имеет значения, сказала она себе, потому что больше никогда его не увидит.

Она устроилась в углу между таверной и конюшнями. Там было небольшое

пространство, где два здания не совсем стыковались, но крыша висела низко и давала ей некоторую защиту от дождя. По крайней мере, ночь была теплая, и, возможно, кто-нибудь бросит объедки в свинарник, чтобы она могла их съесть. Когда-то она считала, что не может есть помои, но это было до того, как ее привели в Сады Аниоса.

Рядом с грохотом распахнулись ставни. Карина вздрогнула, но это было всего лишь окно. Она могла видеть золотой свет внутри, выделивший капли дождя. Она свернулась клубочком ближе к тени.

Послышался грохот кастрюль и сковородок, кто-то что-то швырнул в темноту. Содержимое ночного горшка? Или что-то съедобное? Карина не смогла проверить сразу, окно все еще было открыто.

Мгновение спустя, оправдывая ее подозрения, что это небезопасно, мужской голос сказал:

— Мне это не нравится.

— Тебе ничего не нравится, — ответил другой голос.

У них обоих был акцент деревенских жителей этой части побережья, и Карина решила, что ни один из них не был дворянином. Вероятно, это были слуги на перерыве или завсегда таверны, ускользнувшие от шума.

— Я держу глаза открытыми, — сказал первый. — И все. Знаешь, ты мог бы выстоять.

— Это просто встреча. Если ты говоришь, что держишь глаза открытыми, то тебе следует пойти посмотреть. Просто иди в Хаверхилл. Он будет там через несколько дней.

Это было интересно. Карина хмуро посмотрела на окно. Некоторые слова были наполовину потеряны за дождем, но она не осмелилась подойти ближе.

— Никто не знает, кто он, — сказал первый голос. — Это достаточно опасно. Вероятно, какой-то дворянин играет в короля. Как он себя называет? Просто лорд, да? Но ничего.

— Не лорд, — поправил второй. — Бог.

— Что за бог? — первый голос фыркнул. — Я же говорил тебе, он просто пользуется чумой.

— Говорят, он больше, — упрямо сказал второй. — И я это проверю. Говорят, он путешествует с кучей священников. Говорят, он всегда носит маску. Говорят, у него есть силы.

— Менти? Это смело. Кто-то рано или поздно выпотрошит его за это.

— Не менти. Другая сила. Магия.

— Магия означает Менти, — бескомпромиссно сказал первый голос.

— Но он от Аниоса. Говорят, он Аниос. Вот что я имел в виду, когда говорил, что он нечто большее. Это то, что я слышал. Я хочу, чтобы ты увидел это сам, потому что я знал, что ты не поверишь мне, если я скажу тебе.

Теперь голос первого человека звучал с отвращением:

— Он не бог, Тимо. Боги ненастоящие, не так. Он просто менти, пытающийся получить последователей вместо того, чтобы быть убитым. Но все вернется, помани мои слова, — его слова утихли ближе к концу, будто он возвращался в таверну.

— Что, если он сможет вылечить чуму? — разобрала Карина, а дальше ничего.

Она нахмурилась, обхватив себя руками. Кто был этот Бог, который хотел вылечить чуму? Она не хотела слышать об Аниосе, но ей было любопытно. Какой менти добровольно объединился со жрецами Аниоса? Было ли это, как предположил подозрительный мужчина, лишь безумным блефом, менти, который задавался вопросом, как далеко он мог зайти,

притворяясь, что его силы были даны богом, а не обычной магией?

Поначалу она не могла представить, чтобы менти сделал что-то столь опрометчивое. Затем она предположила, что после целой жизни, проведенной в тени, зная, что Сестры могут прийти и найти ее в любое время, она тоже могла попытаться разыграть их. В этом мире для менти не было безопасности, не с таким быстрым ростом Ордена Понимания.

Королю Стефану нужно было за многое ответить.

Карина прислонилась к стене и попыталась устроиться как можно удобнее. Никто не должен был обойти эту часть таверны. Это была не приятная летняя ночь, подходящая для поспешных свиданий у стены гостиницы. В такую ночь, как сегодня, кто будет вести какие-либо дела, если в этом нет необходимости? Сейчас она была в безопасности. Она могла спать.

Она закрыла глаза и лежала неподвижно, слегка дрожа. Она устала от постоянного голода. Все, чего она когда-либо хотела, — это жить нормальной жизнью, выйти замуж за деревенского юношу и, может быть, иметь собственных детей. У нее хорошо получалось вышивать, и она думала, что могла бы ездить на ярмарки и продавать там вышивку. Так она и ее муж могли неплохо зарабатывать.

Затем пришли ее силы, и все изменилось. Теперь она просто хотела выжить, и она видела достаточно в Садах Аниоса, чтобы знать, что у нее могут отнять даже это желание. Были вещи, которые люди могли сделать с тобой, и это полностью сломило бы твой дух.

Она почувствовала, как наворачиваются слезы, и попыталась подавить их. Она делала все возможное, чтобы исправить это. Теперь она пожалела, что не сказала Лотти, куда направляется. Мысль о том, что Лотти могла поверить, что Карина просто бросила ее и сбежала одна, заставила Карину плакать.

Она открыла глаза с тихим стоном — и ей понадобилось все, чтобы не закричать. Лицо из кошмара смотрело на нее. Оно было почти человеческим и в то же время ужасно нечеловеческим: со щелевидными зрачками, плоским носом и длинным языком, высывающимся, чтобы попробовать воздух перед Кариной. Что-то в ее голове кричало, что это лицо принадлежит чудовищу, что, вероятно, у него есть когти и острые зубы, и что они разорвут ее в клочья.

Это не могло быть правдой. Она зажмурилась и снова открыла глаза.

Как она и ожидала, фигура исчезла. Карина вдохнула и попыталась не застонать от облегчения. Должно быть, она увидела кошмар. Возможно, ей снились странные вещи из-за того, что двое мужчин говорили об этом Боге, о его странных способностях.

Возможно.

Она сказала себе, что это не может быть правдой. Тем не менее, она продолжала просыпаться, чтобы оглядеться, пока в таверне не стало тихо.

— Не смейся, — сказала она себе. Ее голос тонул в шипении дождя. Она не боялась, что ее подслушают. — Даже если это было реально, чего на самом деле не было, ты явно была не тем, что он искал.

Этого было достаточно, чтобы уснуть, хотя ночь была холодной и голодной. Завтра, сказала она себе, она может увидеть Реялон к тому времени, когда остановится на ночь. Она должна была приближаться.

А в Реялоне, даст Бог, она найдет Реву.

Бог стоял над своим столом с картами и маркерами и смотрел на мир. Зантос и Эстала, либо противостоящие друг другу, либо ненадежные союзники на протяжении веков. Глупые короли стремились разрешить конфликт тем или иным способом. Это тело ненавидело Зантос. Когда Бог думал об этом месте, он все еще ощущал его запах в воздухе.

От любопытства он позволил душе, которая принадлежала этому телу, подняться на мгновение.

«Зантос», — сказал он ему, и, как капризный ребенок, он представил ему образы яркой одежды и странной еды, драгоценностей, блестящих в ушах мужчин и женщин, смеха и музыки. Над всем этим поднялась ненависть, которая горела в глубине чрева Бога. Зантос был сделан из гнили и упадка, сказала ему человеческая душа. Его люди были ничем. У них не было уважения.

Бог загнал душу обратно в клетку, не удосужившись ответить. Она мало протестовала. *Это был возрожденный Аниос, это был дракон, он очистит мир, как он посмел сделать с ним такое.*

Ты ничто, — сказал Бог. — *Ты комар, как и все остальные. Ты хотел то, что было моим.*

При этом поднялась его собственная ярость. Смертные больше не понимали таких вещей. Они пытались взять то, что по праву принадлежало богу: поклонение. Душа, владевшая этим телом, верила, что жители Эсталы должны поклоняться ему и петь ему гимны. Как душа смела? Она верила, что человек каким-то образом мог стать возрожденным богом, будто человеческая душа когда-нибудь сможет охватить силу, скрытую в боге.

Даже в более молодом боге. Даже в младшем брате.

Лорд зарычал в ярости от старых насмешек. *Маленький брат, ты никогда не будешь таким сильным, как я. Ты не настоящий бог, не то, что я. Они никогда не будут поклоняться тебе так, как поклоняются мне.*

О, будут. В то время как его старший брат не принимал смертный облик — и Бог мог понять почему, ибо это был особый вид ада — Бог не пренебрегал такими вещами. Он сплотит людей, их поклонение даст ему власть, и когда все это будет сделано, он сядет на место высшего бога. Он будет сидеть один, потому что не совершит той же ошибки, что и его брат. Он не оставит в живых ни одного соперника.

И когда у него не будет соперника за место, весь мир будет принадлежать ему. Навсегда.

Бог приложил кулак к карте, и его губы растянулись в жуткой улыбке. Зантос, Эстала, все это не имело значения. Они были грязью, кишачей ничтожными существами. Им нравилось думать, что у них есть собственные планы на то, как устроен мир. Когда он закончит, у них не будет таких забот. Их единственной заботой будет поклонение ему.

Вопрос заключался в том, должен ли он начать с Эсталы, где он теперь оказался, уничтожив флот Зантоса и армию Эсталы одним быстрым ударом, или он должен взять более спелые плоды Золотого Порты, теперь слабо защищенного, и подготовиться более длительной войне с позиции силы?

Он задумчиво изучал карту, когда брат Миккел вошел в палатку. Бог посмотрел на него и ждал, и через мгновение брат Миккел опустился на колени и прижался лбом к земле. Даже он, ревнитель, был против такого скромного жеста, но после ссоры две ночи назад делал это из страха.

Страх было достаточно. Пусть другие видят Миккела и перенимают его манеры. Со

временем, когда они увидят истинную славу Бога, они поймут, что правильно относились к Нему с уважением. На данный момент их преданность послужит привлечению других к делу, тех, кто искренне поклоняется. Бог от этого станет сильнее.

— Что такое? — наконец, сказал Бог.

— Владыка, я принес новости из Зантоса, — Миккел снова встал. Бог ощущал в нем страх и отчаянную браваду.

Это было очень интересно. Что сделал Миккел?

— Как вы знаете, владыка, вы обрели силу дракона, но гора Зин еще не изверглась, — Брат Миккел сунул руки в рукава. Он ждал, что Бог заговорит, но когда тишина затянулась, он продолжил, нервно сглотнув. — Я боялся того, что это может означать.

«Выкладывай, дурак», — Бог заставил себя успокоиться. Миккел был еще полезен. Пока у него не появится еще один заместитель, он должен поддерживать этого.

— Тебе не нужно бояться говорить мне правду, брат Миккел.

Брат Миккел расслабился, показывая, что он еще больший глупец, чем представлял себе Бог, и склонил голову в неглубоком поклоне.

— Конечно, владыка. Я хочу сказать, что когда я впервые увидел, как вы меняете облик, я подумал, что вы — последний из королей-драконов, пришедших в Эсталу в трудную минуту, чтобы мы могли создать Королевство Аниоса.

Бог ждал. В повествовании Миккела было слишком много ошибок, чтобы Бог потрудились их исправить. Преобразился Стефан, а не Бог. Они стремились править не Эсталой, а всем миром. Миккела все еще сдерживали его ничтожные человеческие представления об армиях и завоеваниях, будто победить можно было только силой.

Тем не менее, он хотел создать Царство Аниоса, и поэтому Бог позволил ему продолжить работу.

— Когда гора Зин не изверглась, я посчитал, что это просто займет какое-то время. Что, возможно, она взорвется, когда вы будете сидеть на троне, — Миккел поспешил вперед, пытаясь сделать свои слова более приятными болезненными улыбками. — Вы были коронованы, а извержения еще не было. Именно тогда я осознал истину.

Миккел сделал паузу, и он выглядел так, будто его тошнило. Бог набрался терпения и снова начал двигать металлические маркеры по карте.

— Я планирую свое королевство, брат Миккел. У меня нет бесконечного времени для пророчеств. Скажи мне, зачем ты пришел.

Миккел снова сглотнул.

— Мой король, владыка, я верю, что есть и другие драконы. Я считаю, что вы были первым из новой эры королей-драконов.

Лорд остановился, один маркер завис над поверхностью карты.

— Что? — спросил он опасно.

— Гора Зин снова начала грохотать, — Миккел опустил голову. — Сегодня утром я получил известие. Были сообщения о других драконах, найденных в Эстале. Я боюсь, что это означает, что последний дракон обрел свои силы, или что это произойдет скоро, если еще не произошло, — он сглотнул. — Есть еще четыре короля-дракона.

— Четыре. Ты уверен, что четыре.

— Конечно, владыка. Старые легенды говорили четко.

— Ты ожидал, что Зин извергнется, когда я изменю облик! — прорычал на него Бог. На мгновение он забыл, что только его тело обладает этими способностями. — Ты ожидал, что

она извергнется, когда меня коронуют! Теперь ты говоришь мне, что уверен, что драконов больше. Ты не можешь быть уверен. Я знаю это. Так скажи мне. Какие еще есть возможности?

— Возможно, это не более чем миф, — попытался Миккел. Его лицо было серовато-белым, как свернувшееся молоко. — Только совпадение.

Лорд подошел ближе, швырнув маркер на ковер.

— Ты не веришь этому, — сказал он Миккелу.

Миккела трясло.

— Нет, владыка. Не верю.

— Значит, — сказал Бог сквозь зубы, — четыре дракона? Ты уверен? Точно?

— Единственная другая возможность...

— Подумай хорошенько, прежде чем говорить, Миккел.

Миккел остановился и посмотрел в пол. Его дыхание было прерывистым. Он думал, а Бог стал расхаживать.

Наконец, Миккел сказал:

— У каждого из королев-драконов были дети. Это было записано. Эти дети были спрятаны по всему миру, поскольку война поглотила все. Вполне вероятно, что не все из них были оборотнями, а другие, возможно, не хотели дальнейшей войны, поэтому они не пытались заманить армии на свою сторону. Но четыре рода сохранились. Теперь мы можем предположить по одному из каждой рода. Если бы некоторые из родов были уничтожены, извергся бы Зин? Я не знаю.

Интересно. По крайней мере, теперь стало понятнее.

— Значит, один был королевской семьей Эсталы, — сказал Бог.

— Именно так, — Миккел склонил голову.

— И мы уверены, что никто из других королевских детей не обладает этой силой?

— Мы не можем быть уверены, милорд. В конце концов, принц Лука был менти, а мы этого не знали.

— Верно. Тогда мы должны искать других. Должны ли мы обратиться к Золотому Совету за одним из них? — Бог нахмурился. — Нет. Ты сказал, что здесь были сообщения о драконах. Отчеты от кого? Я ничего не слышал от людей.

Миккел, казалось, немного расслабился.

— Конечно. Ни один нормальный человек не заметил бы знаков. Те, кто нашел драконов... Владыка, они будут сильными союзниками, если вы сможете убедить их присоединиться к нам.

Бог сузил глаза. К чему клонил Миккел?

— Мне впустить их, владыка?

— Сначала скажи мне, что это такое.

— Владыка... — Миккел колебался. — Вы слышали историю об улези?

Бог нахмурился.

— Нет.

— Когда драконы и люди спаривались, они получали драконов-оборотней, да? Некоторые из потомков были полностью драконами, или так казалось, а некоторые были полностью людьми, хотя, конечно, их линии несли в себе силу для создания драконов-оборотней позже. Улези — четвертая ветвь потомства людей и драконов.

Бог снова нахмурился.

— Многие умерли при рождении или сразу перед, — продолжил Миккел. — Они живут в ужасной боли, владыка. Они находятся на полпути между человеком и драконом, и ни одна смертная форма не может этого вынести. Их человеческие родители бросили их умирать, но некоторые выжили. Испытывая такую боль, они решили, что драконы должны быть уничтожены, а вместе с ними и оборотни-драконы, чтобы больше не могло быть создано улези.

— И ты привел их сюда? — спросил Бог. Его тон мог бы звучать приятно, если бы не лед за ним. — Ты привел их, чтобы убить меня?

— Потому они пришли, — просто сказал Миккел. — Я привел их не для этого. Я начал искать их, когда понял, что гора не извергается. Видите ли, хотя сейчас вы можете быть не единственным живущим оборотнем-драконом, я хочу, чтобы ты был единственным королем драконов. Наверняка, любой другой живой дракон представляет для вас угрозу, да? И кто лучше охотится на ваших врагов?

Наступила пауза, а затем Бог начал улыбаться.

— Ты хорошо справился, Миккел. Впусти их, и я буду торговаться с ними.

Когда улези вошли, на их запястьях были наручники. Стражи подошли, чтобы убрать оружие, которое улези нес, а затем замерли между ним и существами. Стражи явно были в ужасе от увиденного, но они были готовы сражаться за своего правителя, поэтому Бог улыбнулся каждому из них, чтобы выразить свою благодарность. Он почувствовал их облегчение и их поклонение и вздохнул от удовольствия, поскольку это укрепило его.

Затем он встал и направился к улези, чтобы осмотреть их. Они были, как сказал Миккел, на полпути между человеком и драконом. Их кожа имела странный блеск, а местами виднелись участки настоящей чешуи. Зрачки у них были щелевидные, как у ящериц, языки были длинные, носы плоские, хотя он заметил на их лицах выпуклость, будто природа пыталась создать морду. С перепонками между пальцами и между руками и телом — у них не было рукавов, а вместо них была какая-то накидка — неудивительно, что родители бросили их. Они были чудовищны.

— Вы пришли убить меня, — заметил Бог. Они зашипели на него, и он улыбнулся. — Я могу дать вам больше, монстры.

— Улези, — прошептал один из них своим странным шипящим тоном.

— Вы чудовища, — поправил его Бог. — Вот почему я вас так называю. Вы знаете это. Вы хотите избавиться мир от любой возможности того, что таких, как вы, может быть больше, не так ли? Вы ненавидите то, что вы есть, и, тем не менее, это дает вам силы делать то, что должно быть сделано.

Улези переглянулись.

— Я такой же, — сказал им Бог. — Я ненавижу хаос, который приносит магия. Я презираю менти. Но я стою перед вами, с той самой силой, ради которой вы пришли меня убить. Да?

Улези снова зашипел.

— На моем троне сидит маг огня, — сказал им Бог. — Он собирает себе на помощь других менти. Он хочет, чтобы они правили землей. Я не могу этого допустить, поэтому я должен вернуть свое место. Я выжгу магию из смертных, ясно? А это значит и драконов. Те, которых вы чуяли. Те, на кого вы охотитесь. У нас будет соглашение: я, менти, очищу землю от всех других менти и магии, кроме вас. Вы, драконорожденные, очистите землю от всех остальных, кроме меня. Когда это закончится, я выберу наследника не моей крови. На этой

земле не может быть другого дракона. Мы договорились?

Улези уставились на него, щелкая языками. Они посмотрели друг на друга и пришли к соглашению, затем зашипели в ответ. Бог инстинктивно понял: да.

Когда это будет сделано, они попытаются убить его; он знал это. Но они умрут первыми.

Он собирался сказать им, чтобы они немедленно убили других драконов. Какая польза от них? Тогда человеческая душа внутри него запротестовала. Бог видел память о сне: медный дракон и волна похоти. Это было интересно. Кто был этот другой дракон? Что могло означать иметь дракона в качестве пары? Конечно, если кто-то был достоин Бога...

Да. Улези могли служить его целям, даже не подозревая об этом.

— Идите в Крепость Несры, — сказал им Бог. — Принц Лука собирает менти со всех уголков земли. Драконы, возможно, ушли туда. Найдите их и принесите мне. Я убью их и выпью их кровь, и вы узнаете, что на этой земле больше нет угрозы.

19

Ато

Его кожа была слишком горячей. Во рту пересохло. Ато споткнулся и упал на пыльную землю. Он бы заплакал, если бы в нем осталось достаточно влаги, чтобы сделать это, но, хотя он чувствовал покалывание в глазах, он был слишком пересохшим, чтобы проливать слезы.

Он поднялся из последних сил. Он должен был продолжать движение. Он должен был уйти задолго до того, как его семья придет искать его. Куда бы они ни смотрели, как бы далеко они ни ушли, они не должны найти его.

У него было не так много времени, прежде чем болезнь заберет его. Он возвращался домой с рынка, когда впервые почувствовал, как в нем поднимается жар. Он не чувствовал себя хорошо в течение нескольких недель, но это было другое. Это было хуже.

Все знали о болезни, поразившей два народа. Золотой Совет позаботился о том, чтобы ввести комендантский час и держать людей на месте, но все знали, что достаточно одного человека, чтобы принести чуму, и эта чума, должно быть, достигла рынка недалеко от города Ато.

Он оставил тележку на обочине дороги, прошел на лесную поляну, куда он и его близнец иногда заходили, чтобы спастись от жары по дороге домой. Айна нашла бы там тележку, если бы пошла искать его, но не нашла бы его.

Он окинул взглядом открывшуюся перед ним сцену. Это поле когда-то было оливковой рощей, но за ним давно перестали ухаживать. От деревьев остались только короткие стволы, мертвые и сухие, выгоревшие на солнце. Не было даже теней, в которых он мог бы лечь. Он не помнил этого места, но на каждом повороте дороги он уходил в места, которые знал меньше всего, или прочь от человеческого поселения.

Позвольте мне умереть быстро, молился он. Пусть солнце сожжет меня, а звери съедят мое тело, и пусть никто меня не найдет и не заразится.

Он жалел, что не смог объяснить это своей семье или Лели, девушке из деревни, чей отец торговался с ним из-за приданого и дома для них. Его грудь болела от горя. Ему было всего семнадцать. Этой осенью он должен был жениться на Лели, а к следующему году завести ребенка. Он боялся оставить Айну позади — они никогда не были так далеко друг от друга — но это было намного хуже, чем он думал.

Он никогда не думал, что не сможет попроситься, но знал, что не мог рисковать. Они

были слишком бедны, чтобы позволить себе лекарства, и Айна настаивала на том, чтобы позаботиться о нем. Это подвергло бы и ее, и их родителей страшной опасности, не говоря уже о Лели, если бы она навестила их, а Ато не позволил бы себе быть причиной этого.

Они могут провести всю свою жизнь, размышляя о том, что с ним случилось, но, по крайней мере, они будут живы.

Ему нужно было найти, где спрятаться. Болезнь становилась все хуже. Пылала в его животе. Линии огня, казалось, пробегали по каждой кости его тела, и он мог представить, что они такие же горячие, как металл в кузнице Теора. Теор сказал, что Ато умел обращаться с огнем. Он говорил о том, чтобы взять Ато в ученики. Этого никогда не случится.

Удивительно, как быстро жизнь могла рухнуть. Глаза Ато защипало, пока он шел вперед. Ему представилось, что он мог видеть свое дыхание, мерцающее паром в воздухе перед ним. Его кожа ощущалась неправильно.

Его мысли начали блуждать, пока он шел. Его бабушка и дедушка умерли много лет назад: сначала бабушка, а потом дедушка, всего через несколько месяцев. Когда они были женаты, они не были любовным союзом, но с годами они стали одним целым, пока не смогли больше жить друг без друга. Во всяком случае, так сказала его мать. Хотя многим женщинам не нравилось жить в доме свекрови, мать Ато всегда очень хорошо ладила с его бабушкой и дедушкой. Она сказала, что они были добрыми людьми и держались старых привычек.

Ато не знал, что это значит. Так говорили взрослые. Но он знал, что любил своих бабушку и дедушку. Его дедушка всегда держался как король — отец Ато научился тому же, — но он всегда был добр ко всем. Он никогда не зазнавался и каждый день души не чаял в своей жене и своей семье.

Бабушка Ато любила рассказывать истории. Старые истории: о пантерах, живущих в кустах, о крокодилах в реках или о духах, которые живут среди песчаных дюн на юге. Она рассказала ему о ведьмах и о том, какие травы снимают лихорадку, а какие отгоняют злых духов. Она рассказывала ему истории из тех дней, когда менти еще не стали называть менти, когда они могли изучить больше сил, чем те, с какими рождались. Ато и Айна любили ее рассказы. Они следовали за ней повсюду и умоляли ее о большем.

Была одна история, которую она рассказала им всего раз. Они были маленькими и с лихорадкой. Ато вспомнил, какой сильной была лихорадка и что его мать была напугана, но его бабушка покачала головой, приготовила им чай и велела матери выйти на улицу и не волноваться так сильно. *Они в порядке, Сиа. Это не может навредить им.*

Когда они остались одни, она наклонилась, чтобы рассказать им историю, которую они никогда не слышали раньше и никогда больше не услышали.

— Вы произошли от королей, — серьезно сказала она им обоим. Ато издал смешок, но не улыбнулся. — Это не шутка. Ато, тебя называли в честь твоего далекого прадеда. Он был этим королем.

— В честь кого я названа? — вспыхнула Айна.

— Твое имя твоя мама выбрала, потому что оно было красивым, — сказала их бабушка. — Не менее достойное имя. Ты можешь сделать собственное наследие в один прекрасный день. Возможно, ты станешь королевой. Что ты об этом думаешь?

Айна захихикала.

— В твоих жилах течет королевская кровь, — сказала их бабушка Ато. — Это идет от твоего отца и отца твоего отца, вплоть до другого Ато. Его обманули как короля, но он был

храбр и силен и сражался за свой народ. Вы оба, когда станете старше, слушайте только мудрые советы. Возможно, когда-нибудь тебе придется править и защищать свой народ.

Это было нелепо, потому что их родители были всего лишь фермерами в маленькой деревне, и, конечно, в их семье никогда не было королевской крови. Но Ато всегда помнил эту историю и вспомнил ее сейчас. Если бы он был королем, он был бы сильным. Он не позволял себе плакать из-за чумы. Он умрет достойно.

Он споткнулся и упал на колени, а за спиной услышал низкое рычание. Его кровь похолодела, но когда он огляделся, то не увидел, как он опасался, какой-нибудь гигантской кошки, преследующей его. Он нахмурился, глядя на мерцающий в воздухе жар. За оливковой рощей стоял ряд камней. Возможно, он найдет там тень. Если нет, возможно, он смог бы забраться достаточно высоко, чтобы никто не наткнулся на его тело и не заразился бы. Он не думал, что ему хватит сил карабкаться дальше, но он попытается.

Потом он увидел столб дыма. Ато покачнулся на коленях, не сводя с него глаз. Дым был вздымающимся и черным, и он не мог представить, от чего было столько дыма. Как долго он шел? Что было рядом?

Только поднявшись, он понял, что это было. Это был не амбар и не деревня поблизости, а гора Зин вдалеке.

Он смутно помнил рассказы о горе Зин. Может, его бабушка рассказывала ему об этом. Но подробностей он уже не мог вспомнить.

Он подумал об Айне, которая искала его и видела дым. А затем, в мгновение ока, он увидел, как она это делает. Она была на дороге возле их дома, недалеко от поляны, где он оставил телегу. Иногда они могли видеть, где был другой. Они никогда не говорили об этом, потому что их мать говорила им, что это опасно. Люди могли подумать, что они были менти.

Ато встал и пошел. Он надеялся, что она его не увидит. Он должен был добраться до места, которое она не могла найти. Заброшенная оливковая роща и скала — она могла бы найти это, если бы расспросила достаточное количество людей. Он не мог оставаться здесь.

Теперь, когда он увидел дым, он понял, что почти мог ощущать урчание Зина, как низкое сотрясение земли под ним. Зин была похожа на него, сонно подумал Ато. У него был огонь под кожей. Он выдыхал тепло в воздух, и языки пламени внутри него стекали по его бокам, как пот, который стекал по его коже — или так было до того, как он начал так сильно гореть.

Он споткнулся, упал и поднялся. *Я потомок королей.* Боль становилась все сильнее, и он боялся умереть. *В моих жилах течет королевская кровь.* Он знал, что его бабушка, должно быть, лгала, но ей не казалось, что она лжет, когда говорила об этом. *Меня называли в честь короля.*

Он не мог сделать больше ни шагу. Он остановился возле выступа скалы и запрокинул голову, чтобы посмотреть на небо. Он не был готов умереть, но он чувствовал, что это происходило. Это нарастало внутри него, пока ему не захотелось кричать. Внутри было что-то такое, что казалось, что это вовсе не он, но это был он, и оно вечно ждало, когда он это заметит.

В сияющий момент ясности он увидел, что происходит, откинул голову и раскинул руки.

Дракон поднялся над оливковой рощей. Его чешуя отливала серебром на солнце, а когда он заревел небу, пламя было темно-лазурным.

Я потомок королей.

Позади него раздался треск и грохот, и Ато повернул голову, чтобы посмотреть, как гора Зин вспыхивает огнем и пеплом.

20

Лука

Лука нервно сглотнул и в пятый раз попытался не бросить взгляд на дверь. Рева уже должна была прийти. После того, как в то утро он послал просьбу прийти на собрание совета, чтобы рассказать о своем опыте, он был удивлен, получив в ответ известие о том, что она будет присутствовать. Хотя он иногда видел ее с балкона, они не разговаривали со времени их первой судьбоносной встречи.

Невольно в его голове возник образ ее разговора и смеха с Сэмом. Она сказала Луке, что Сэм научил ее использовать свои силы дракона, и Лука ощутил прилив ревности. Ему не тягаться с драконом, так что он должен быть рад, что их здесь трое.

Он не был рад. Ему не нравилось, как другой юноша смотрел на Реву, или как она смотрела на него. Прошло много лет с тех пор, как Лука и Рева были обручены, и Лука знал, что не мог ревновать. Но он завидовал Сэму. Мало того, что у Сэма сила была мощнее и более редкой, чем у Луки, у Сэма не было ни одной из королевских обязанностей. Лука обиженно подумал, что бы Сэм сделал с Садами Аниоса.

Он был наряжен в голубой камзол, который красиво дополнял его цвет кожи. Он перебрал четыре камзола, прежде чем выбрал этот, а брат Аксил стоял в углу комнаты и никак не комментировал процесс. Лука был благодарен за это. Он чувствовал, что брат Аксил знал, почему Лука так нервничал, но не дразнил.

Лука знал, что если Таня увидит его таким, она будет его дразнить. Она привыкла к тому, что Лука был Людо, благородным, но едва ли имеющим большое значение, и не уважала ни его, ни его корону, как делали многие другие. Он почувствовал укол. Он не позвал к себе Таню, Нико и Джосса после того, как отослал их той ночью. Он даже не объяснил, что произошло. В глубине души он боялся, что они отреагируют так же, как Рева, когда узнают о Садах Аниоса.

Он не мог сказать им, что он сделал.

Он выпрямился, когда услышал шаги в коридоре снаружи. Дверь открылась, и Лука с нетерпением посмотрел на нее. Его сестра Серена вошла первой и серьезно кивнула ему. Она стала спокойнее с тех пор, как несколько дней назад вернулась из города, и сразу же пошла поговорить с Лукой:

— Брат, — сказала она, делая низкий реверанс перед тронем. — Я подумала, могу ли я пригласить брата Рафаэля на сегодняшнее собрание совета. Он работал со мной и лордом Тинианом...

— Я знаю, кто такой брат Рафаэль, — раздраженно сказал Лука. Он знал это. Он был на этих собраниях. Неужели они думали, что он не может вспомнить основные факты?

Однако Серена ничего не сказала. Она замолчала от удивления и закрыла рот, ожидая, что Лука заговорит.

Лука вздохнул.

— Он может присутствовать. Конечно.

Серена кивнула и подошла к двери, и когда она отошла, Лука увидел, что в комнату вошла Рева. Она была одета очень просто, в коричневое платье с медной брошью, но ткань была дорогой, а цвета делали ее кожу теплой и здоровой. Лука мог видеть в ней девушку,

которую называли «поцелованной солнцем», когда они были вместе молодыми, только теперь она стала женщиной, которая выросла. Она кивнула ему и слабо улыбнулась, и у него возникло ощущение, что все может быть в порядке. Чтобы она могла простить его.

Она выбрала место в углу комнаты, а не за столом, но он махнул ей вперед.

— Проходи, садись.

— Ваше Величество...

— Принц Лука, — по привычке поправил он ее. Ему не понравилось, как прозвучало, когда она сказала «Ваше Величество». Это звучало очень далеко. — Я попросил тебя прийти сегодня, потому что у тебя есть информация, которая будет полезна совету. Ты должна сесть с нами.

Рева колебалась всего мгновение, прежде чем сесть рядом с ним. Она пыталась вести себя достойно, но Лука видел ее нервозность по тому, как она смотрела на стол и мало говорила. Рева была в постоянном движении, быстро говорила и еще быстрее смеялась. Редко можно было видеть ее неподвижной. Лука поймал ее взгляд и улыбнулся, и его сердце сжалось, когда она улыбнулась в ответ. На мгновение показалось, что последних дней и не было.

Вскоре он понял, что лорд Тиниан наблюдал за ними. Взгляд мужчины метался между Ревой и Лукой, и в этом был расчет. Лука не знал, что решил лорд. Лорд Тиниан лишь тонко улыбнулся и отвернулся.

Серена сидела рядом с удивительно красивым мужчиной в мантии Брата Просвещенных. Лука смотрел, как брат Аксил наклонил голову, чтобы что-то прошептать мужчине. Они кивнули друг другу, явно соглашаясь с тем, что они обсуждали, и брат Аксил сел.

Все взгляды обратились на Луку, и он кашлянул. Он хотел, чтобы Рева увидела его величавым и справедливым. Он указал на Серену.

— Милорды, как многие из вас знают, принцесса Серена работала с лордом Тинианом и братом Рафаэлем, чтобы разработать ответ на чуму. Усилия Серены по обеспечению лекарствами больных позволили нам начать конец распространения чумы, — звучит по-королевски, подумал он. — Серена, на днях ты ездила в город, чтобы навестить больных чумой. Что ты видела?

Серена покраснела. По какой-то причине она казалась смущенной, и брат Рафаэль на мгновение положил свою руку на ее. Они улыбнулись друг другу, и она, казалось, черпала силу от его улыбки. Но когда она заговорила, голос ее был серьезен:

— Ваше Высочество, чума поразила многих в городе. Они борются за свою жизнь в переполненных больницах. Матроны и медсестры работают не покладая рук, но им не хватает ни припасов, ни рабочих. Я подумала, что, возможно, некоторых молодых людей города можно было бы обучить выполнять основные функции в больницах. Это даст им работу, в которой они отчаянно нуждаются, чтобы обеспечивать семьи. Из-за чумы, когда так много молодых людей и так мало работы, у молодежи возникают проблемы. Это решит сразу две проблемы.

Лука кивнул. Это показалось ему хорошим решением.

— Принцесса Серена, — сказал Лорд Тиниан, и его голос был подобен шелку. — Мы все благодарим вас за ваши самоотверженные усилия по оказанию помощи жертвам чумы.

Серена кивнула ему. Она была слишком хорошо обучена этикету, чтобы выглядеть настороженно, но Лука видел это по тому, как она смотрела на лорда из Зантоса.

— Как вы предлагаете платить за такую работу? — спросил ее лорд Тиниан. — Конечно, вы должны видеть, что казна принца Луки уже почти пуста.

Казна Эсталы. Губы Луки шевелились, но бесшумно. Люди продолжали говорить о его армии, его казне и его троне, и это всегда казалось неправильным.

Серена бросила на Луку умоляющий взгляд.

— Сейчас есть много забот, да, но я думаю, что защита города от хаоса — это хорошее использование средств. С таким количеством родителей, больных или мертвых...

— Принцесса Серена, вы хоть представляете масштаб того, что вы предлагаете? — лорд Тиниан посмотрел на нее, как на капризного ребенка. — Ваше сердце в правильном месте, но корона просто не может позволить себе платить за хлеб насущный для всех.

Серена сглотнула. Ее пальцы сжались на краю стола, и Лука заметил красный румянец на ее ключице, указывающий на то, что она разозлилась.

— Возможно, принцесса Серена могла бы составить предложение, — спокойно сказал брат Аксил. — Брат Рафаэль знает количество больниц в городе. Он знает, как они укомплектованы, какие расходные материалы им нужны и сколько пациентов они обслуживают. Со знаниями принцессы в политике эти двое могли бы дать представление о том, сколько будет стоить такое предприятие — и что это может принести короне с точки зрения денег, не потраченных на городские тюрьмы и материальный ущерб в случае беспорядков.

Лука знал, что должен был это предложить, но его разум был совершенно пуст. По крайней мере, он мог принять это предложение.

— Спасибо, брат Аксил. Сестра, пожалуйста, пришли предложение, как только оно появится. Я немедленно рассмотрю его, — он посмотрел на Реву и обнаружил, что она смотрит на него, но не знал, о чем она думает. — Теперь мы должны послушать леди Авалон. Как многие из вас знают, она была замужем за генералом Унной, чей замок разрушил мой брат Стефан. С тех пор Рева многое повидала в Эстале, и у нее есть ценная информация, которой она может поделиться со всеми нами.

Рева кивнула Луке, и ее красивые карие глаза скользнули по лицам советников Луки. В детстве Лука никогда бы не подумал, что Рева может быть такой спокойной и неподвижной, с безмятежным выражением лица. В тот момент его встревожило то, что она стала сдержанной женщиной. По сравнению с ней, он чувствовал себя неполноценным и неуверенным в себе.

— Милорды, — почтительно сказала она. — Ваше высочество, — она кивнула Серене. — Братья, — два поклона брату Аксилу и брату Рафаэлю. Какой прекрасной королевой она могла бы стать. Ей потребовалось время, чтобы каждый в комнате почувствовал, что он привлек ее внимание, и она разговаривает непосредственно с ним. — Поскольку мы слышали, как принцесса Серена говорила о чуме, я начну с этого. Как вы знаете, наш бывший король предпочитал бороться с чумой... — тут ее голос оборвался.

— Можешь говорить свободно, — сказал ей Лука.

Она сглотнула и кивнула, хотя и не смотрела на него.

— Орден Понимания считал, что чума была наказанием Аниоса, — сказала она. — По крайней мере, люди в это верили, и Орден ничего не делал, чтобы исправить это убеждение. Даже в сельской местности люди слышали, что их король строит храмы Аниосу и что таким образом он намеревается лечить чуму, — безмятежность ее черт превратилась в твердость, которую он в последний раз видел во время их совместного ужина. Она была страстно

сердита, понял он. — В дороге были группы людей, которые просто шли, как паломники, только не в какое-то конкретное место. У них были кнуты, и они били себя. Дороги были усеяны телами.

Ей потребовалось время, чтобы собраться, прежде чем продолжить.

— Они не знали ничего лучшего. Народ нуждался в утешении. Они нуждались в лекарствах и утешении, но вместо этого им сказали, что чума возникла по их вине. Я не спорю, что медицина и врачи нужны. Усилия принцессы, и брата Рафаэля, и лорда Тиниана, — Лука видел, что она уделяла им пристальное внимание, — очень важны. Но нужно также сказать людям, что эта чума — не более чем болезнь. Им нужно сказать, что их король и их лорды не считают их ответственными за то, что происходит, и что люди работают, чтобы помочь им. У них должна быть надежда.

Лука почувствовал, как гордость расцветает в его груди. Она заманивала совет к своей точке зрения и делала это прекрасно. Однако через мгновение он почувствовал недовольство. Серена тоже произносила такие речи, и все думали, что она вдохновляет. Почему он не мог так легко привлекать внимание людей?

— Есть еще одно дело, — сказала Рева. Теперь она была очень напряжена, и Лука заметил, что она не смотрит на него.

«Нет. Не говори этого», — он ощущал холод. Он хотел, чтобы она заговорила и бросила вызов лорду Тиниану, но в то же время боялся, что лорд Тиниан рассердится. У него было ощущение, что все выходит из-под контроля.

Но дверь распахнулась прежде, чем Рева успела что-то сказать, и слуга зашептал Луке на ухо. Лука поспешно встал, чтобы подойти к окну, которое слуга сразу открыл.

Он едва мог видеть, о чем они говорили, но на кораблях явно царил шум и крик. Слуга принес подзорную трубу, которую Лука поднес к глазу и попытался увидеть. Мир головокружительно плавал туда-сюда, пока он не смог найти нужную точку на горизонте.

Он опустил подзорную трубу и повернулся к совету.

— Милорды, мы получили известие, что гора Зин изверглась.

Лорд Тиниан поспешно встал и подошел посмотреть в подзорную трубу.

Рева, застигнутая врасплох, серьезно сказала:

— Есть ли опасность для Зантоса? Что означает извержение?

Брат Аксил сказал:

— Это означает, что родился последний король-дракон.

21

Рева

Рева поспешила вниз по ступенькам на солнечный свет. В шуме, охватившем конец заседания совета, она ускользнула, чтобы найти Сэма и Карлию. «Родился последний король-дракон», — сказал брат Аксил. Уже были Стефан, Рева, Сэм и Карлия. Если бы был еще один дракон... Она не знала, что это значит, и уж точно не хотела быть там, если Лука расскажет всем своим советникам о ее способностях менти.

Она была на середине двора, когда услышала его голос, зовущий ее по имени, и ее желудок скрутило, когда она поняла, что пока не хочет с ним разговаривать. Она сделала, как просил брат Аксил, но это оказалось еще труднее, чем она себе представляла. Было тяжело наблюдать, как он напрягся, пока она готовилась говорить о Садах Аниоса. На бегу она оглянулась и сумела врезаться в высокую женщину с темной кожей, отчего они оба растянулись в грязи.

— Прости, — выдохнула Рева. Она поспешно поднялась и предложила другой женщине руку. Эту женщину она видела, когда она шла в покои Луки день или два назад, и она напрягла память, вспоминая ее имя. — Таня?

Другая женщина напряженно кивнула. Она не была особенно рада видеть Реву.

— Прости, что я столкнулась с тобой, — честно сказала Рева. Она на мгновение уронила голову на руки. — По правде говоря, я... — она замолчала, не зная, стоит ли ей говорить что-нибудь о Луке этой женщине. Через мгновение она снова услышала свое имя и оглянулась через плечо.

Таня, казалось, поняла этот взгляд, если не его причины.

— Сюда, — сказала она и помогла Реве проскользнуть в ближайшую конюшню. — Осторожно. Подними юбки и смотри под ноги.

Рева рассмеялась. Последние несколько месяцев она провела в бегах во все более рваной одежде, в том числе в одежде, испачканной содержимым свинарников. Она упомянула об этом и получила улыбку в ответ.

— Полагаю, я должна была догадаться, учитывая, какой ты пришла, — улыбка Тани заставила Реву немного расслабиться. После первоначального шока от столкновения Таня теперь казалась намного дружелюбнее. — Что с тобой случилось? Или почему это произошло?

Вопрос был откровенным и совсем не вежливым, но это почему-то помогло Реве расслабиться.

— Меня поймали Сестры, — объяснила она. — Отец Луки устраивал лагеря рабов для менти. Они заставляли нас носить железные кандалы и выращивать урожай на продажу. Они пытались забить нас до смерти, — она вспомнила глаза сестры Валерии и вздрогнула. — И причиняли нам боль. Они хотели, чтобы мы вредили себе.

— Нет, — Таня посмотрела на нее широко открытыми глазами. — Правда? Людо — Лука — сказал, что его отец вел войну против менти, но я никогда не думала, что он делал что-то подобное. Лука называл себя Людовико, когда впервые попал в лагерь менти, — объяснила она, когда Рева нахмурилась, услышав имя. — Я до сих пор думаю о нем как о Людо, сыне дворянина. Странно видеть его здесь, — ее подбородок опустился, и Реве показалось, что она увидела тень печали на лице женщины.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала Рева. — Когда я впервые прибыла в Крепость Несры, когда я была ребенком, они устроили большое представление, обручая меня с Лукой. Мы были очень молоды, поэтому не понимали последствий обручения, но он был нежным мальчиком. Он был очень болен. Видеть его сейчас как кого-то, кто пришел с армией и пробился к трону... странно, — *и видеть, что он сделал со своей силой, ужасно.* Но последней части она не сказала. — Он изменился, — сбивчиво добавила она.

— М-м-м, — Таня бросила на нее пронзительный взгляд. — Итак, куда ты собиралась?

— Я хотела найти Сэма и Карлию, — объяснила Рева. — Двое, которые путешествовали со мной.

— Они с нами в посольском крыле, — сказала ей Таня. — Я имею в виду, с другими менти.

— Лука упомянул, что вы все Менти.

— Надеюсь, у него есть план на этот счет, — откровенно сказала Таня. — Мы спрятались, но теперь, должно быть, по всему дворцу шепчутся, и я бы не хотела, чтобы кто-то пытался убить нас всех. Лука должен просто выйти и сказать, что он тоже менти. Идем.

Пройти можно из конюшен. Это лишь коридор для прислуги, но это всегда лучший способ передвигаться, если знаешь, как.

Рева с благодарностью последовала за ней. Она не знала таких вещей. Она и Лука были не из тех, кто проказничал. Она пыталась придумать, что сказать Тане, но ничего не могла придумать.

— Ты что-нибудь знаешь о Йозефе? — спросила Таня у Ревы, пока они шли по темному узкому коридору.

— Нет. Он лорд? — тут Рева кое-что вспомнила. — О, маг.

— Он себя так называет? — сказала Таня с отвращением.

— Что это значит? Разве маг не менти?

— В каком-то смысле, — Таня пожала плечами. — Значит, ты мало знаешь о менти?

Рева покачала головой.

— Мои родители умерли до того, как я узнала, что они менти. Ничего подобного они мне не говорили. И большинство менти, которые были рабами, были единственными в своей деревне. Мы бы ничего не знали о...

— Я полагаю, это дело не совсем в менти, — перебила Таня. — Просто магия. И отец Луки пытался все это искоренить. Менти рождаются со своими способностями. Маги говорят, что могут использовать способности, которыми не были рождены. Они используют ритуалы и символы и некоторые... не знаю, как их назвать. Предметы, которые заставляют заклинания работать. Как драгоценные камни и когти. Иногда кровь, — она поежилась от последней части.

— Это работает? — спросила Рева.

— Никто точно не знает. Я так не думаю, но я мало знаю, — Таня пожала плечами и вывела Реву из коридора на яркое солнце. — Не знаешь, из-за чего все кричат? Вся стража шумела. Вот почему я вышла во двор, чтобы посмотреть, что происходит.

— Произошло извержение горы Зин, — объяснила Рева. — Вот почему я пошла за Сэмом и Карлией. Видишь ли, люди говорят, что...

Она снова замолчала, не зная, что сказать.

— Драконы, — сказала Таня с новой усмешкой. Затем ее глаза расширились. — Это их сила? Они не сказали, — она присвистнула. — Драконы. Мы могли бы использовать драконов. Знаешь, брат Луки один из них.

— Я тоже, — ухмыльнулась Рева.

Она ожидала, что Таня улыбнется, но, к ее удивлению, Таня, казалось, погрузилась. Она выдавила улыбку.

— О, — просто сказала она.

— Рева!

Карлия поспешила через двор, Сэм последовал за ней. Она была одета в красивое платье, которое сидело на ней хорошо. Это был глубокий, насыщенный зеленый цвет, оттенявший волосы Карлии. Она выглядела прекрасно, подумала Рева, хотя эффект был несколько испорчен из-за того, что Карлия явно не привыкла к придворным платьям. Юбки она задрала почти до колен, чтобы пыль не попала на подол.

— Знаешь, тебе не нужно быть такой осторожной, — сказала ей Рева. На ее губах играла озорная улыбка. — Платье всегда можно почистить.

— Я так долго жила в пещере, что забыла об этих вещах. Я очень надеюсь, что ты права, Рева, — сказала Карлия. — Я, конечно, не умею, а мама бы разозлилась, если бы...

Она замолчала, и все внутри Ревы сжалось. Она бросилась к подруге и крепко обняла ее. Когда она держала Карлию, она встретилась взглядом с Сэмом через плечо Карлии и увидела тень в его глазах.

— Я рад видеть, что ты в порядке, — сказал он. — Мы беспокоились о тебе. Что происходит? Они сказали нам, что доставили тебе наши сообщения, но мы так и не получили ответа.

— Это долгая история, — неловко сказала Рева. Она не думала о том, что она скажет о последних нескольких днях, когда увидит Сэма и Карлию, поэтому она сказала только. — Кажется, дела королевства сложнее, чем я думала. Все это долгая дискуссия и спор.

— О чем тут спорить? — вмешалась Таня. — Стефан — плохой правитель, и чума тоже плохая. Его надо найти и убить, а больным дать лекарство.

— Во всем этом мы с тобой согласны, — сказала Рева. — На самом деле, любой разумный человек согласится. Но совет не состоит из разумных людей.

— И Лука пытается сделать их всех счастливыми? — предположила Таня. Когда Рева кивнула, девушка-зантыка фыркнула. — Ему нужно высказать свое мнение и заставить их слушать. Это не Золотой Совет. Он король.

Он не был королем, и в его совет входили несколько членов Золотого совета, но Сэм увел Реву, прежде чем она успела указать на эти факты.

— Не слишком вмешивайся, — сказал он ей прямо.

— Почему нет? — Рева скрестила руки. Хотя Сэм сказал ей, что не хотел подражать отцу, он определенно начал вести себя как Арон.

— Я здесь никому не доверяю, — сказал ей Сэм и огляделся. — У Джеральдо правильная идея. Он знает, что менти должны объединиться и подготовиться к грядущей войне. Но все остальные, как твой король Лука...

— Принц Лука. Он еще не коронован.

— Рева, это не имеет значения, — Сэм покачал головой. — Он сидит на троне и принимает решения за всех. Не важно, как его называют, и ты ему тоже не доверяешь. Я вижу.

— О, ты видишь? — Рева почувствовала, как поднимается ее гнев. — Значит, ты все знаешь обо мне и Луке?

— Я знаю, что ты пришла к нам сегодня, — сказал Сэм. — Я знаю, что ты пробралась через потайной ход с Таней, будто воровка. Я знаю, что если бы все шло хорошо, ты бы послала весть мне и Карлии, даже если бы не получила наши сообщения. Что-то не так. Что такое?

Рева знала, что скажет Сэм, если она расскажет ему о Луке. Он скажет ей покинуть Крепость Несры, а она не хотела этого слышать. Она знала, что это не решение, но она также знала, что у нее возникнет сильное искушение сделать это. Ей не нравились собрания совета, когда лорд Тиниан говорил вещи, которые звучали мило, но на самом деле были лукавыми и обвиняющими. Ей не нравился Лука, когда он так боялся обиды людей, что поступал неправильно.

Поэтому она сказала:

— Гора Зин изверглась. Брат Аксил говорит, что это означает, что родился последний король-дракон.

Сэм нахмурился. Он наклонился, чтобы прошептать, и даже при этом говорил так тихо, что Рева едва могла его расслышать.

— Но нас уже было четверо.

— У вас с Карлией чешуя одного цвета, — заметила Рева. — В мифах у всех четырех драконов была разная чешуя и разное пламя. Что, если это были четыре родословные? — она пожала плечами. — Или что, если это ничего не значит, и это всего лишь миф?

— Это не миф, — сразу сказал Сэм. — Но это и не хорошие новости. Рева, короли-драконы разорвали мир на части своими сражениями. Если вернулись все четыре рода, что может случиться на этот раз?

— Все может случиться, — сказала Рева. Ей хотелось топнуть ногой. — Ничто не высечено на камне. Короли-драконы были введены в заблуждение ведьмой. Если мы объединимся, если мы не будем сражаться друг с другом, а будем бороться только за сохранение мира, на этот раз все будет по-другому, — она сделала паузу. — Наши семьи отложили в сторону разногласия. Мы оставляем прошлое позади. Разве не так?

Настороженные глаза Сэма выражали сомнения, и Рева вздохнула. Она пришла сюда с ясной целью: заставить Луку закрыть Сады Аниоса. Чтобы Карина, Лотти и Рохеса были в безопасности. И все же, вот она, спорила о мифологии.

— Прости, — сказала она. — Мифы больше не кажутся сильными, как только осознаешь, что ты являешься их частью. Я не король-дракон, Сэм, и ты тоже. Мы — просто мы. Пожалуйста, я не хочу об этом говорить. Я хотела твоей помощи.

— С чем? — Сэм нахмурился.

— Да, с чем? — пока Рева говорила, к ним подошел мужчина с пристальным взглядом и сидящими волосами. Когда она обернулась, чтобы посмотреть на него, он одарил ее насмешливой улыбкой. — Вы должны быть осторожнее, следить за окружением, миледи.

— Джеральдо, — к удивлению Ревы, Таня произнесла имя мужчины как предупреждение. — Она пришла сюда в лохмотьях буквально на днях. Она голодала. Не дразни ее из-за платья, которое она носит.

Джеральдо перевел свой стальной взгляд на Таню.

— Это с ней Лука проводит все время, да? Вместо этого ему следует строить армию менти.

Таня открыла рот, чтобы возразить, когда голос Луки сказал:

— Я знаю, что, по твоему мнению, мне следует сделать, Джеральдо.

Рева повернулась вместе с остальными менти и увидела Луку, стоящего рядом с человеком в черной мантии. Мужчина смотрел на них с загадочной улыбкой, которая говорила, что он лучше их, и Рева сразу поняла, что это Йозеф. Несмотря на то, что она чувствовала себя виноватой за то, что так быстро осудила его, он сразу же ей не понравился.

Лука и Джеральдо долго смотрели друг на друга, и Рева почувствовала необходимость разрядить напряжение. Она прошла между ними, чтобы отвлечь Луку от Джеральдо.

— Могу я поговорить с тобой? — спросила она.

Сначала он взглянул на мага, но любезно протянул ей руку, чтобы они могли отойти на пару футов.

— Я хочу найти подругу, — сказала Рева. — Я знаю, вряд ли она здесь, в городе, но я потеряла ее и остальных после того, как мы сбежали из Садов Аниоса. Я боюсь за нее. Я хочу знать, что она в безопасности.

Лука сглотнул, когда она упомянула Сады Аниоса, но, похоже, почувствовал облегчение от того, что она не настаивала на их закрытии.

— Я могу предоставить стражу, — предложил он.

— В этом нет необходимости, — Рева улыбнулась. — Я пойду с Сэмом и Карлией. Мы будем искать только во второй половине дня. Я не хочу, чтобы ты волновался.

Он колебался.

— Пожалуйста, — прошептала Рева. — Лука, ты не представляешь, как они пострадали. Если они здесь, в городе, они в опасности. Они в опасности, куда бы ни пошли, в то время как у Ордена Понимания так много власти.

Ты мог бы объявить людям, что менти больше не считаются врагами Эсталы.

Но она не была достаточно смелой, чтобы спорить с ним. Пока что. Ей было невыносимо слушать еще один корыстный монолог о том, почему он не может поступить правильно. Когда он неохотно кивнул, она почти сразу же отступила, чтобы не говорить с ним дальше.

— Тогда мы пойдем сейчас, — сказала она, поманила Сэма и Карлию и вышла из двора, не глядя ни на кого.

Она чувствовала взгляд мага на своей спине, когда уходила.

22

Лука

Лука в отчаянии смотрел, как Рева уходит от него. Лорд Тиниан и брат Аксил спорили о причине извержения, и когда Лука, наконец, отказался от попыток остановить их, Рева ушла.

Он хотел поговорить с ней о Садах Аниоса, но боялся того, что она скажет. Если бы она говорила о Садах здесь, в присутствии Джеральдо и других менти, Лука знал, что они подумают о нем за то, что он держал других менти как....

Рабов. Он сглотнул, когда подумал об этом. Ему не хотелось думать об этом так, но брат Аксил был прав. Лука не позволял менти покидать Сады и не устраивал им выплаты. Они были рабами.

Он бросил взгляд на гавань, где вдали от пристани стояли корабли зантийцев. Лука не учился воевать на воде, но было легко понять, как эти корабли могли стать блокадой.

Он задавался вопросом, что сделает Серена, а затем почувствовал волну гнева, как на себя, так и на нее. Серена вела себя так, будто она королева, придумывала политику и произносила речи в городе. Она не должна была этого делать, а Лука должен был придумать свои стратегии борьбы с лордом Тинианом.

Он просто не знал, как.

— Итак, *принц Лука*, — Джеральдо недружелюбно посмотрел на Луку. — Ты отсутствовал много дней. Ты больше не тренируешься, чтобы победить своего брата?

— Он тренируется со мной, — спокойно сказал Йозеф. — Под моей опекой его силы мощнее, чем когда-либо.

Джеральдо расхохотался.

— Вряд ли это достижение. Его силы никогда не были мощными. Он никогда раньше не хотел тренироваться. Он был ленив, а ленивые мальчики не побеждают драконов.

— Джеральдо, — Таня вздохнула.

— Что? — сказал Джеральдо. — Вы знаете, с чем мы сталкиваемся. Вы хотите вступить в эту битву с королем, который может использовать свои силы, или с ленивым мальчиком, который сжигает палатки, потому что не может контролировать свой огонь? Теперь, когда Лука на троне, нам нужно создать настоящую армию менти.

— Нам не нужна армия, — сказал Йозеф. Он всем улыбался. — Нам нужен только принц Лука. Он победит своего брата в одиночку, в единоборстве. Я видел это. Остальные из

вас... не нужны, — он пожал плечами.

Лука сглотнул. Он никогда не думал о встрече со Стефаном без помощи своих друзей-менты.

— Я думаю, что Джеральдо прав, — сказал он Йозефу. — Нам нужно больше менти, чем только я, если мы собираемся сразиться с драконом. Джосс может использовать ветер, чтобы Стефану было трудно летать, или он может перенаправить огонь дракона. Таня работает с водой. Ее силы очень хорошо подходят для борьбы с драконом.

Остальные улыбнулись ему, и на мгновение Лука почувствовал себя хорошим лидером. Его отец всегда говорил, что хороший лидер окружает себя талантливыми людьми.

Но Йозеф ухмыльнулся.

— Вы должны быть королем. Вы можете привести в бой кого угодно, если вам это нравится. Но они не нужны. Вы победите Стефана в одиночку. Мы должны тренироваться, принц Лука, — он повернулся и ушел, не сказав больше ни слова, по-видимому, ожидая, что Лука последует за ним.

Лука посмотрел на других менти.

— Я уговорю его позволить нам сразиться вместе.

— Ты король или нет? — Джеральдо скрестил руки на груди. — Ты говоришь ему, а не убеждаешь его. Он — никто, Лука.

Остальные закивали, и Лука вспыхнул. Они и не подозревали, как тяжело править. Не они занимались заседаниями совета и горячими дискуссиями. Ситуация была более сложной, чем просто приказ делать все по-своему. Был вопрос о казне и армии. Если Лука выберет неверный путь, он может разорить Эсталу, и Стефан снова займет трон.

Он бросил на них тяжелый взгляд и поспешил за Йозефом. В своих покоях он нашел Йозефа, который уже стоял на коленях на полу и рисовал мелом разных цветов новые руны.

— Почему ты используешь разные цвета? — спросил его Лука.

Йозеф посмотрел на него с улыбкой.

— Вы наблюдательны, принц Лука. Это сослужит вам хорошую службу как королю. Я меняю руны, потому что заметил некоторые слабости в вашем таланте. Эти руны укрепят вас там.

Беспокойство пронзило Луку.

— Ты сказал, что я достаточно силен, чтобы победить Стефана в бою один на один.

— Будете, — сказал ему Йозеф. — С этими рунами и со всем вниманием вы будете достаточно сильны. Однако вы не должны колебаться. Вы не должны позволять разговорам других лишать вас силы. Подумайте: где вы впервые услышали идею о том, что маг огня не может победить дракона?

Лука моргнул. Для него эта идея была настолько простой, что он никогда не подвергал ее сомнению. У дракона была чешуя и острые зубы. Он мог летать. Он дышал огнем жарче, чем в кузне. До прибытия Йозефа он не думал, что мог победить Стефана в одиночку.

Тем не менее, он помнил насмешки Стефана.

— Стефан сказал мне, что маги огня были обычным явлением и стоили меньше медной монеты, а дракон был золотом.

— Ах, ваш враг стремится ослабить вашу решимость, — Йозеф встал, покачивая головой. — Чтобы менти верил в такую ложь о себе и друг о друге. Мир потерял так много знаний.

— Что ты имеешь в виду? — Лука присел на стул. Он снял обруч и рассеянно потер

волосы.

— Менти верят, что их силы даны им при рождении, но это не так. Они просто случайно нашли путь к определенному типу магии. По правде говоря, любой может овладеть любым видом магии при достаточном обучении.

— Это правда? — Лука нахмурился.

— Конечно, это правда, — Йозеф бросил на него пронизывающий взгляд. — Ваш отец был очень недальновидным, пытаюсь искоренить магию в этой стране, принц Лука. Простите меня, но он покалечил Эсталу. Королевство могло бы стать намного больше, если бы менти были его союзниками. Тем не менее, ваш отец вырастил вас, и за это мы все должны быть ему благодарны. Вы спасете нас.

Лука едва ли мог обращать внимание на часть об отце. Он хмурился.

— Ты видел, как люди осваивают новые виды магии?

— Я видел вещи, о которых вы и мечтать не могли, — сказал Йозеф. Его улыбка была уверенной. — Знаете, мне самому довелось учиться таким навыкам. Я мог бы научиться лечить или изменять форму. Вместо этого у меня было видение, что я должен прибыть в Реялон, чтобы учить великого короля. Поэтому я покинул убежище, где тренировался, и пришел, чтобы найти вас.

— У тебя было видение обо мне? — Лука не знал, что и думать об этом. Что, если ему не удастся стать великим королем, ради чего сюда пришел Йозеф? Но что, если он может быть великим королем?

— Да. Я все это видел, — Йозеф указал на руны на полу. — Пойдемте, принц Лука. Вы должны практиковаться. Вы одержите победу только в том случае, если мы найдем правильное расположение рун. Встаньте в круг.

Лука осторожно переступил через руны на полу. Он всегда думал, что должен чувствовать себя по-другому внутри круга, но этого никогда не было. Он интересовался, как работают руны, но боялся спросить. Он знал, что Йозеф скажет, что это менее важно, чем тренировки.

Его силы действительно стали мощнее с тех пор, как он начал тренироваться с Йозефом. Он мог видеть, что многое было правдой. Он развел руки в стороны и создал е каждой по шару пламени. Со смехом Лука подбросил их и начал жонглировать.

Однажды, когда он был юн и поправлялся после болезни, брат Аксил научил его жонглировать. Это отвлекло Луку от болезни, и он пытался научить Реву жонглировать позже, когда она впервые прибыла в крепость. Она была ужасна в этом, но полностью сосредоточилась на этом. Они провели много счастливых дней на тенистых дорожках сада, гоняясь за убегающими наборами мячей для жонглирования.

Лука заметил лицо Йозефа. Мужчина выглядел не совсем довольным. Он не думал, что это весело, понял Лука. Он только хотел, чтобы Лука был серьезен. Луке было неловко тратить время этого человека. Он хотел быть великим королем, каким его считал Йозеф, и он хотел быть достаточно сильным менти, чтобы победить Стефана.

Он объединил два огненных шара и заставил их вращаться перед собой. Иногда, когда он очень быстро крутил шар, сверху и снизу от оси, вдоль которой вращался мяч, вырывались маленькие струйки пламени. Луке это понравилось, хотя он понятия не имел, как превратить это в полезное оружие.

— Сегодня, — сказал ему Йозеф, — попробуйте сделать нить.

Лука сосредоточился на огне. Он продолжал вращать его так, как видел женщин с

веретенами и шерстью, и сжал пальцами верхушку шара и потянул пламя вверх. Его тонкая длина становилась жесткой, пока он вытягивал ее все дальше и дальше. Наконец, огненный шар иссяк, и у него образовалась длинная колонна.

Но это была не нить, это был стержень. Лука нахмурился. Пытаясь поддерживать огонь, он очень крепко держал его. Он боялся, что если он этого не сделает, огонь погаснет. Он медленно вдыхал и выдыхал, пытаясь снять внутреннее напряжение. Что могло случиться, если он не справится с этим?

Ему придется попробовать еще раз, вот и все.

Он потянул за разные части стержня, и он начал гнуться. Он бешено шипел, пытаясь найти топливо в воздухе, и Лука начал уставать. Незадолго до того, как пламя полностью погасло, Луке удалось заставить конец стержня взлететь, как хлыстом.

Он тяжело дышал, глядя на Йозефа в поисках ответа.

— Это было хорошо?

— Вы быстро учитесь, — Йозеф казался довольным. Он принес Луке кубок вина. — Пейте. Пополните силы, затем вы можете попробовать еще раз.

Лука неохотно сделал глоток вина. Он хотел простой воды, особенно после работы с огнем. Ему было так жарко, что он мог представить себя снова в Долине Теней, копающим уборные под жарким полуденным солнцем. Пока он пил вино, в голове помутнело, и он не чувствовал, что мог так же хорошо контролировать огонь. Однако он выпил вино, потому что знал, что в противном случае Йозеф подумает, что он ведет себя как простолюдин.

— Расскажите мне о заседании совета, — сказал Йозеф, пока Лука пил. Маг добавлял на пол новые символы. — Как брат Аксил?

— Что ты имеешь в виду? — Лука нахмурился. Он чувствовал, как вино влияет его равновесие. Он поставил чашку, не допив, и надеялся, что Йозеф этого не заметит.

Йозеф колебался. Наконец он с сожалением сказал:

— Я заметил, что иногда брат Аксил обращается с вами так, как будто вы ребенок, а он — ваш учитель.

— Он был моим гувернером, — Лука улыбнулся. — Он научил меня всему. Он привел меня в Долину Теней, когда я только начал обретать свои способности менти. Он до сих пор многому меня учит, — вино, которое он выпил, дало ему приятное чувство ко всему миру, включая брата Аксила. — Я рад, что он в совете, даже если он не ладит с лордом Тинианом.

— О? — Йозеф на мгновение поднял взгляд.

— Лорд Тиниан служит интересам зантийцев, — объяснил Лука. — И он очень озабочен деньгами. Когда Серена посоветовала помочь пострадавшим от чумы, лорд Тиниан сказал, что это будет стоить слишком дорого. Брат Аксил вмешался. Я рад, что он это сделал, но я думаю, что он всегда будет выступать против лорда Тиниана.

— Это не похоже на мудрый совет, — заметил Йозеф. — А почему он должен вмешиваться? Он знает, что вы сидите на троне. Он должен был позволить вам справиться с этим.

— Он сделал хорошее предложение, — возразил Лука. Он уже не был уверен, что и думать. Брат Аксил сделал что-то не так?

— Он должен был позволить вам разобраться с этим, — снова сказал Йозеф. Он звучал очень уверенно.

В дверь постучали.

— Принц Лука, — это был один из стражей. — Лорд Ферин желает видеть вас по

поводу армии. Мне впустить его?

Йозеф указал на руны.

— Вы не очень долго тренировались, принц Лука. Вам нужно продолжать тренироваться, иначе к тому времени, когда вы столкнетесь со своим братом, ваши силы будут недостаточными.

Лука колебался. Он знал, что должен поговорить с лордом Феринном. Это сделал бы король. Армия должна быть подготовлена. С другой стороны, если бы он отточил свои силы до такой степени, что мог бы сражаться со Стефаном в одиночку, армии вообще не нужно было бы сражаться.

— Я поговорю с лордом Феринном позже, — сказал он. — Я пошлю за ним.

Он шагнул в круг рун и вызвал еще один огненный шар. На этот раз, сказал он себе, он не сдастся, пока пламя не превратится в нить, которую он сможет смотать и завязать. Он не сдастся, пока не заставит свои силы делать то, что он хочет.

23

Серена

Серена шла по переулку, ее юбки развевались вокруг нее. Волосы ее были заплетены и заколоты, чтобы они оставались аккуратными, пока она работала в больнице, и она сопротивлялась желанию пригладить их. Она выбрала простое платье, хотя после этого провела слишком много времени перед зеркалом.

Она знала причину, по которой она это делала, и это заставляло ее чувствовать себя дурой. Она невзлюбила брата Рафаэля с тех пор, как он спросил, считает ли она себя более важной, чем ее подданные, и она все еще ощущала прилив гнева всякий раз, когда думала о его вопросе. Мало того, он раскрыл ее личность, когда она работала в больнице. Она могла быть в опасности из-за этого, и она знала, что другие советники Луки будут шептаться с ним о том, что она сделала это.

В то же время то, как брат Рафаэль говорил о своем долге, давало Серене цель. Когда чума пришла в Эсталу, она стремилась найти решение. Когда она была младше, она любила говорить с отцом о политических проблемах и находить решения. Он терпел такое поведение, потому что она была юна, а он в то время был снисходительным отцом. Ей нравилась загадка, находить способы решать несколько проблем одновременно — как ее предложение обучить молодежь Реялона навыкам лечения.

Позже ее отец решил, что она больше не должна говорить о таких вещах, но любовь к этому уже глубоко укоренилась в ней. Серена продолжала читать о политических вопросах и привыкла знать, с какими проблемами сталкивается ее отец. Она никогда не теряла надежды, что однажды он увидит в ней хороший ресурс или наследницу.

В своей борьбе за то, чтобы заставить его видеть в ней нечто большее, чем политический козырь, кого-то, кого нужно выдать замуж, Серена начала гордиться своим умом и своими знаниями. Решения заключались в том, чтобы показать отцу, что она достойна, а не в решении самих проблем.

Брат Рафаэль все изменил. В то время как другие священники пытались выдвинуть себя на руководящие должности в региональных орденах или на должности при дворе, единственное внимание брата Рафаэля было сосредоточено на людях, которым он помогал. Вот почему он развивал свои навыки и свои знания. Вот почему он отстаивал решение, которое поддерживал: не потому, что оно было умным или заставляло людей обращать на него внимание, а потому, что оно помогало другим.

Сегодня она заметила, что он чаще смотрит на нее. Не раз она замечала, что он смотрит, и невольно краснела.

— Вы выглядите расстроенной, — сказал он, удивив ее.

Серена хотела пнуть себя. Словно хихикающая служанка, она на мгновение подумала, что он мог прокомментировать ее внешний вид. Но он, конечно, никогда бы так не поступил. В конце концов, он был Братом Просвещенных. Ей понадобилось мгновение, чтобы собраться с мыслями и вспомнить, из-за чего она хмурилась.

— Мне не понравилось, как прошло заседание Совета, — честно сказала она.

Наступила долгая пауза, они завернули за угол и отступили в сторону, чтобы пропустить разношерстную группу детей, бегущих и визжащих. Серена надеялась, что дети просто играли между домами, но боялась, что они остались сиротами. Возможно, их родители ушли. Она смотрела им вслед, отмечая их слишком худые тела и рваную одежду.

— Мне это тоже не понравилось, — наконец, признался Рафаэль.

Серена удивленно посмотрела на него.

— Я бы с уважением отнесся к тому, если бы лорд Тиниан предложил другое решение для прекращения распространения чумы, — сказал Рафаэль. — Тогда я бы поверил, что его основной интерес заключался в восстановлении здоровья и безопасности людей. Вместо этого он только предложил проблему. Наше решение — ваше решение, Ваше Высочество — было мудрым. Если деньги в казне не используются для людей, то на что они годны?

Серена слегка улыбнулась ему.

— Что вас забавляет? — Брат Рафаэль нахмурился, сбитый с толку.

Она вдохнула и подумала, как объяснить свои мысли. Они остановились и теперь стояли вдоль главной дороги. Она должна быть уставлена телегами с фруктами и овощами, почти оглушающими от шума торговцев, расхваливающих свой товар, но телег было мало, а некоторые даже стояли брошенными и пустыми.

— Я была расстроена этой встречей, — объяснила Серена. — Но то, как говорил Тиниан, было ожидаемо.

Брат Рафаэль нахмурился еще сильнее.

— Так обычно дела обстоят на собраниях совета?

— Да, — честно сказала Серена. — За исключением собраний Стефана, и то только потому, что он вообще не терпел инакомыслия. Обязанность совета — высказывать разные мнения, чтобы король мог видеть разные стороны вопроса. Мой отец сказал мне это однажды.

— Вы присутствовали на заседаниях его совета? — с любопытством спросил ее Рафаэль.

— Нет, — Серена слегка вздернула подбородок. Несмотря на прошедшие годы и знание того, что убеждения ее отца не имели к ней никакого отношения, его выбор все еще был болезненным. — Мой отец имел обыкновение говорить со мной о делах королевства, но когда я стала достаточно взрослой, чтобы выйти замуж, он перестал. Он хотел, чтобы я купила ему союз, а не высказывала свое мнение, — ее голос был горьким.

— Ваш отец лишил себя хорошего советника, — сказал брат Рафаэль. Он встретился взглядом с Сереной, и его губы слегка изогнулись. — Вы добрая и умная. Вы не успокойтесь, пока не найдете хорошее решение проблем. Король должен окружать себя такими людьми. Королю повезет, если у него будет жена... — он прервался и прочистил горло. — Не важно. Откуда вы тогда знаете о заседаниях совета?

Серена улыбнулась. Его слова согрели ее больше, чем она хотела признать.

— При дворе всё так. Все постоянно борются за место. Люди хотят, чтобы их считали кандидатами на важные посты — генералами, советниками и так далее. На совете они борются за то, чтобы приблизиться к королю и повлиять на него. Они думают, что если ему понравятся их советы, он даст им такие преимущества, как хорошие браки для их детей или поместья, которые принесут им деньги. Конечно, можно выдвигать хорошие идеи, но не менее эффективно выставлять чужие идеи не такими хорошими.

— Вот как дела в королевстве делаются? — Брат Рафаэль выглядел испуганным.

— Д-да, — Серена и не думала сомневаться в этом. — Разве не то же самое и у священников или в сельсоветах? Я думала, что люди всегда борются за положение.

Брат не улыбнулся.

— На кону жизни, — яростно сказал он. — И вы говорите мне, что ожидали, что лорд Тиниан будет спорить с вашими идеями только потому, что он хочет благосклонности вашего брата?

Серена прикусила губу. Опять же, брат Рафаэль показал ей, что многое из того, что она принимала, было не так безобидно, как она думала.

— У Тиниана есть и другие мотивы, — сказала она. Это звучало так, будто она защищала его, поэтому она добавила. — Я не согласна с этими мотивами, заметьте, но это не просто благосклонность Луки. Не только. Он хочет, чтобы Лука сделал то, что лучше для Зантоса. Они потратили много денег, дав Луке армию, чтобы отобрать трон у Стефана. Чего Тиниан хочет, так это платы.

Брат Рафаэль ничего не сказал, но глаза его горели. Он явно этого не одобрял. Серена кивнула, чтобы они снова зашагали. Она подумывала прикоснуться к его руке, как поступила бы с кем-либо еще, но это казалось слишком интимным жестом для него.

— Что мне нужно сделать, так это найти способ заставить Тиниана уйти, — прямо сказала она. — Он хочет, чтобы Зантос получил вознаграждение, но чем дольше он остается здесь и в совете Луки, тем больше проблем создает. Если бы я смогла убедить его, что долг будет погашен и Эстала будет хорошим союзником Зантоса, он сможет уйти, и Лука снова сможет править.

— Разве ваш брат не может править? — спросил брат Рафаэль. — Он договорился, что должен уступить свое место Тиниану? — он звучал горько. — Он не должен был. Его долг перед своим народом и ни перед кем другим.

— Он этого не сделал. Во всяком случае, насколько я знаю. Но он легко поддается влиянию лорда Тиниана, пока корабли зантийцев находятся в гавани, — объяснила Серена. — Он принимает решение, а затем отменяет его. Он беспокоится, что если он не сделает так, как хочет Тиниан, Тиниан заменит его. Что больше всего расстраивает, так это то, что я даже не думаю, что он хочет быть королем, — она покачала головой. — У него хорошее чувство правильного и неправильного. Он всегда был добрым мальчиком. Но сейчас он слишком легко поддается влиянию. Он пока что не лидер.

Брат Рафаэль молча посмотрел на нее, и Серена почувствовала укол вины — и страха.

— Я не хочу сказать, что не поддерживаю его, — поспешно добавила она. — Я поддерживаю. Он мой король, и я верна трону.

— Почему вы так боитесь? — наконец, спросил Рафаэль.

Серена сглотнула. Она сцепила ладони, и они внезапно стали липкими.

— Я вижу, что нужно сделать, — сказала она, наконец. — Мы могли бы обучить так

много молодежи ухаживать за больными. Пока о больных будут заботиться, молодые люди освоят новую профессию. Я хочу все исправить, Рафаэль. Но быть в совете — значит приближаться к власти, а власть — опасность при дворе. Если кто-нибудь убедит Луку, что я работаю против него, меня могут казнить. Меня могут выдать замуж и отослать от двора, и у меня больше никогда не будет возможности сделать что-либо подобное, — голос ее повысился невольно, и она, к своему ужасу, поняла, что слезы стояли у нее в глазах. — Я боюсь, что если я буду делать слишком много или слишком часто выдвигать свои идеи, все это у меня отнимут.

Брат Рафаэль наклонил голову, улыбнулся ей.

— Не беспокойтесь об этом, — сказал он ей. Простота слов была бы смешной, если бы не тот факт, что он был уверен в себе. — То, что делают другие лорды в совете, не в вашей власти. А пока вы должны делать то, что считаете правильным. Если есть решение, вы должны его предложить. Вы должны работать, чтобы сделать это реальностью. Поступить иначе было бы предательством вашего народа.

Серена глядела на него. Как он делал так, чтобы все казалось таким простым, когда он говорил?

— Вы правы, — сказала она, наконец. — Не говорить, когда я знаю решение — это трусость. Я не буду трусить. Я буду делать то, что правильно. Спасибо.

Он снова улыбнулся так, что ее лицо вспыхнуло, а желудок сжался.

— Вы бы и без моего совета не молчали бы, — сказал он с заговорщицкой улыбкой. — Трусость не в вашем характере, ваше высочество.

Она улыбалась в ответ, пытаясь придумать, что сказать, когда они услышали крик и резко повернули головы. Звук шел из переулка.

— Оставайтесь здесь, — сказал ей брат Рафаэль.

Серена яростно замотала головой. Она не собиралась позволять тому, что происходит, продолжаться. Раздраженно ворча, что она ускользнула из дворца без Йоны, она подобрала юбки и побежала в направлении крика, Брат Рафаэль вел ее.

Когда они завернули за угол, Серена открыла рот. Это было похоже на что-то из кошмара, и в центре кошмара....

Рева боролась каждой унцией силы своего тела. Она била руками и ногами и звала на помощь. На ее коже были кровавые следы, а на платье — дыры, а ее спутница — Карлия, если Серена правильно помнила, — лежала на земле без чувств, из раны на виске сочилась кровь. Металлическая плетка с крючками была обернута вокруг запястья Ревы, и Серена могла видеть, как эти крючки впиваются в кожу Ревы.

Серена не могла оторвать глаз от монстра, с которым сражалась Рева. Это был не обычный бандит, не работоровец, не насильник и даже не пьяница, который не знал, где находится, и набрасывался на всех вокруг. Это был монстр, что-то среднее между человеком и змеей.

Серена зажала рот рукой, пытаясь не закричать. Рядом с ней Рафаэль закричал и бросился на помощь Реве. Он не был вооружен, и Серена не могла представить, что Брат был обучен драться. Но он бросился на монстра, несмотря ни на что, с боевым кличем на его губах и кулаком, готовым нанести удар.

она и подвергалась опасности в деревнях, она не скучала по Крепости Несры, где за ней все время наблюдали. Между давкой людей и вездесущей стражей и слугами никто при дворе никогда не оставался одиноким.

Рева, выросшая среди слуг и стражи, не заметила такого присутствия, когда впервые оказалась в Замке Несры. Теперь ей было душно, и она беспокоилась, что стражи, которых послал с ней Лука, доложат о том, что она говорила. Она хотела иметь возможность открыто поговорить с Карлией и Сэмом, поэтому отклонила предложение Луки насчет стражей и направилась к главным воротам, прежде чем он успел передумать и позвать ее.

— Куда мы идем? — спросил Сэм, пока они шли по улицам.

— Не знаю, — парировала Рева. — В больницы, может быть. Или таверны. Дешевые, но не в плохой части города. Они — умные женщины. Я уверена, что они выбрали бы безопасное место.

— Если бы они были в Реялоне, то отправили бы сообщение в Крепость Несры, — прямо сказал Сэм. — Их здесь нет, Рева.

Рева покачала головой.

— Новости о моем возвращении ко двору, возможно, не распространились. Но они знали о моей связи с Лукой и могли прийти сюда, чтобы найти меня, — но эта мысль звучала слабо даже для ее ушей. Что, если они думали, что она отправилась в тренировочный лагерь менти в Зантосе? Они пройдут весь этот путь и вместо лагеря обнаружат, что гора Зин изверглась и долина опустела.

Нет, конечно, они не зашли бы так далеко. Если гора Зин изверглась, ни один караван не доставил бы их в Долину Теней. Рева прикусила губу.

— Ты просто хотела уйти из крепости, — сказал Сэм Реве. — Тебе больше не нравится быть там.

Рева скрестила руки. Она не хотела соглашаться с ним, потому что знала, что он скажет ей уйти. В то же время он был прав.

— Я должна остаться, — сказала она, перейдя к концу обсуждения. — Я должна сделать все, что в моих силах, чтобы помочь Луке стать хорошим королем.

Лицо Сэма сразу помрачнело.

— О? Что ты можешь сделать? Что, если он прикажет тебе выйти за него замуж?

— Я не это имела в виду, — раздраженно сказала Рева. — И он бы никогда этого не сделал.

— Но он мог, — заметил Сэм.

— Мы должны искать друзей Ревы, — строго сказала Карлия. На этот раз Рева увидела девушку, которую встретила впервые, сдержанную и ясноглазую. — Возможно, их здесь нет, но, возможно, они есть. Если да, то они в такой же опасности, как и все подобные им, — она тщательно избегала произносить слово «менти».

Сэм скрестил руки.

— Нет, мы должны подумать о том, что мы здесь делаем, прежде чем мы найдем кого-то еще и вернем их в то место. Там небезопасно.

— Нигде небезопасно, — ответила Рева.

— Кроме пещеры, — сказал ей Сэм.

Рева почувствовала, как внутри нее поднимается ярость. Сэм поклялся не повторять ошибок отца, но теперь он делал то же самое.

— Я не вернусь, — заявила она. — Вы можете идти, если хотите, но вы должны знать,

что если вы это сделаете, вы лишаете мир своей помощи. Лука сразится с драконом, Сэм. Стефан — оборотень-дракон. Нам нужны все, кого мы сможем собрать, чтобы сразиться с ним. Ты знаешь, каким он был. Ты слышал истории. Он убьет каждого менти, которого найдет. Он хотел, чтобы меня убили просто за то, что я вышла замуж за менти, хотя я и не знала об этом. Он пил кровь людей, — сначала она не верила этим историям, но чем больше она слышала о Стефане, тем больше она верила в них сейчас. — Он злой, и мы не можем позволить ему победить.

— У Луки есть все менти в замке, чтобы помочь ему, — возразил Сэм.

— Ты упрямисься, потому что он тебе не нравится. Ты же знаешь, что все эти менти не так полезны, как три дракона, — Рева понизила голос до яростного шепота. — Ты знаешь это. И ты знаешь, что всем нужны друзья, чтобы слышать правду, чтобы им помогали поступать правильно. Лука ничем не отличается. У него есть много лордов, пытающихся продвигать свои интересы, и лорд Тиниан с целой армией в городе, который не является жителем Эсталы. У Луки сейчас трудная работа. Если я могу помочь, если кто-то из нас может помочь, то мы должны это сделать.

Сэм долго смотрел на нее.

— Он уже разочаровал тебя, — догадался он. — Я вижу, это ясно написано на твоём лице. Какое плохое решение он принял, чтобы так разозлить тебя?

— Можешь сказать, что поступил бы иначе на его месте? — Рева знала, что это слабая защита, но ей надоел негатив Сэма. — Прятаться в пещере — не решение всех проблем. Иногда людям нужно оставаться там, где они есть, и играть так, как получается.

— Хорошо, — свирепо сказал Сэм. — Я обещаю больницу здесь. Вы ищите в других близости. Если твои друзья здесь, расскажи им, что произошло, и узнай, считают ли они, что Лука стоит того, чтобы оставаться с ним.

Он ушел, а Рева и Карлия неуверенно смотрели ему вслед.

— Он просто зол, — тихо сказала Карлия. — Он не согласен с тем, что сделал наш отец, но мы были в большей безопасности, Рева.

— Вы были в большей безопасности, потому что ваша семья убила моих родителей, — сказала Рева. Ее гнев испарился, когда Сэм ушел, но она не могла заставить себя простить Арона и его жену. — Вы были в большей безопасности, но не жили по-настоящему и не помогали тем, кто в этом нуждался.

Карлия не спорила, но и не сжалась, пока Рева смотрела на нее.

— Мы были в большей безопасности, — повторила она. — Рева, на что бы ты пошла, чтобы защитить свою семью?

Это был жестокий вопрос, когда она знала о детях Ревы, но Рева это понимала. В то время как Арон с годами ожесточился, говоря себе, что других вариантов нет, его жена сломалась по-другому. Они сделали единственное, что смогли придумать, столкнувшись с монстрами.

И, встретив этих монстров, Рева теперь поняла их страх. В улези была ненависть, превосходившая все, что она видела раньше, даже в сестре Валерии. Улези не пытались применять жестокость ради жестокости. Нет, у них была жгучая ненависть к драконам. Даже когда драконы исчезнут, Рева знала, что улези все равно будут движимы гневом.

Она покачала головой.

— Нам не стоит так думать о прошлом. Я знаю только, что не спрячусь. Поступить так значило бы оставить мир в руках тех, кто плохо с ним обращается.

Она направилась к набережной, не проверяя, последует ли за ней Карлия, но через несколько мгновений девушка догнала ее и молча пошла рядом.

— Я знаю, ты можешь не поверить, — тихо сказала Карлия, — но я восхищаюсь тем, что ты делаешь. Я думаю, даже Сэм знает. Это одна из причин, почему он так зол, — больше она ничего не сказала, только улыбалась на ходу. Если она и увидела быстрый взгляд Ревы, то не реагировала на него.

Они обыскали множество заведений, останавливаясь, чтобы спросить прохожих, где могли бы остановиться три молодые женщины и быть в безопасности ночью. Некоторые из женщин, которых они спрашивали, только фыркали, без слов говоря, что они думают об этом плане, но некоторые из них упоминали некий постоянный двор или пансион, а иногда настойчивым шепотом упоминали и другие места: *и никогда не ходите в...*

Но куда бы они ни смотрели, Карины и остальных нигде не было. Даже Рева, которая знала, что вряд ли найдет их так легко, становилась все более отчаянной с каждой минутой, пока они, наконец, не остановились.

— Нам нужно вернуться, — сказала ей Карлия. — Тебе удалось распространить информацию о том, что ты их ищешь. Они поймут, что нужно прийти в крепость, если узнают об этом.

Рева утомленно кивнула и свернула в переулок, надеясь как можно быстрее вернуться на холм. Она ужасно устала, и все, чего ей хотелось, это хорошо поесть и выспаться. Она так долго голодала по ночам, что мысль о нормальном ужине казалась невероятной роскошью, и она все еще была сосредоточена на мысли об инжире в меду, когда Карлия закричала.

Рева повернула голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как улези выходят из теней. Они откинули капюшоны, скрывавшие их уродливые лица от мира, и их глаза блеснули в сумерках. По их шипению и ужасным улыбкам на лицах она поняла, что улези преследовали их весь день. Они ждали возможности застать Реву и Карлию врасплох, и теперь они это сделали.

Карлия набросилась на одного из них и начала менять облик, но они набросили на нее железную сеть, и она оказалась заперта в своей человеческой форме, изо всех сил пытаясь вырваться на свободу. Один из улези ударил ее по голове тяжелой дубиной, и Карлия упала на землю. Ее глаза закатились, и, хотя она дышала, она явно потеряла сознание.

Рева закричала так громко, как только могла. Возможно, если кто-то придет ей на помощь, улези убегут и оставят Реву и Карлию на свободе. Но, к ее ужасу, никто на улице за пределами переулка, казалось, не был готов прийти ей на помощь. Никто в этом опустошенном чумой месте не стал бы подвергать себя дальнейшей опасности.

Ей придется спасти и себя, и Карлию.

Когда улези столпились, сверкая злобно острыми когтями и скаля зубы, Рева сцепила руки и со всей силы ударила ими по одному из монстров. Она ударила его в живот, и он закричал и зашипел. Другой схватил ее за руки, а третий щелкнул зубами. Когда они развели ее руки, на ее запястье было знакомое жжение железной плети с крючками.

В конце переулка раздался крик, кричала женщина, и прежде чем Рева успела повернуть голову, чтобы увидеть, что происходит, ей на помощь бросился знакомый человек. В шоке она увидела, что это был тот самый Брат, которого она встретила на заседании совета. Он не был вооружен, но бил руками и ногами и кричал Реве, чтобы она бежала.

Она не могла просто бежать, не с Карлией, лежащей без чувств, поэтому она дернула рукой, чтобы вырвать кнут из рук улези, и упала на колени рядом с Карлией. Она боролась с

сеткой, и мгновение спустя принцесса Серена оказалась рядом с ней, пытаясь помочь ей.

— Иди! — кричала на нее Рева. Принцесса не могла пострадать. Это было слишком опасное место для нее.

Серена не прекратила того, что делала. Ее рот был сжат в решительную линию. Она отдернула сеть и помогла Реве поднять обмякшую Карлию. Все трое поковыляли прочь, хлыст все еще свисал с запястья Ревы.

Они услышали предупреждающий крик Рафаэля как раз перед тем, как улези ударил Серену. Рева закричала и оттолкнула монстра с дороги.

— Беги! — закричала она. Она боролась с монстром, боясь его когтей, но заметила, что он, похоже, не хотел ее убивать. Если бы он этого хотел, она и Карлия были бы уже мертвы.

Это придало ей мужества. Рева набросилась на его глаза и нос, пытаясь попасть в любое место, чтобы навредить ему. Она боролась, как одержимая, и когда он ударил ее по лицу, она с трудом поднялась, чтобы снова попытаться дать отпор.

Его когти впились ей в руку, он ударил ее по горлу, животу, голове. У нее закружилась голова, она упала на землю и услышала крик Серены. Смутно Рева увидела, как брат Рафаэль изо всех сил пытался справиться с улези. Он сильно истекал кровью из ран на груди, но не сгибался от них. Он все еще сражался.

Улези тащили Карлию в тень переулка, а еще один схватил Реву за лодыжки, чтобы сделать то же самое. Еще трое сразили брата Рафаэля, и он рухнул на землю, его одежда была пропитана кровью. Рева слабо потянулась, чтобы схватить одного из трех улези и оттащить его от священника, но через мгновение она почувствовала, как что-то ударило ее по голове, и мир погрузился во тьму.

25

Лука

Лука тренировался с Йозефом до тех пор, пока почти не осталось сил стоять. Маг ушел, а Лука сел в похожее на трон кресло, которое один из королей прошлого использовал для приема посетителей в своем личном убежище. Тишина была приятна. Весь день он имел дело с людьми, которые просили его об одолжении и спорили с ним. Он тосковал по открытому воздуху лагеря менти в Зантосе. Там он был Людо, и он мог затеряться среди других. Он скучал по тому, как лежал на земле, глядя на звезды.

В дверь постучали.

— Ваше Высочество, лорд Тиниан пришел увидеть вас.

Лука тихо застонал, но знал, что не может отослать Тиниана, как отослал Ферина. Он должен хотя бы узнать, чего хочет лорд из Зантоса.

— Один момент, — отозвался он.

Тиниан вошел, когда Лука надевал золотой венец на голову. К удивлению Луки, он был не один; с ним была Таня. Она была одета так же, как и в Золотом порту, в красное платье, которое выгодно оттеняло цвет ее лица. Хотя ей было неловко в такой одежде, эффект был прекрасным. Лука внезапно осознал, что весь в поту и устал от тренировок.

— Принц Лука, — Тиниан улыбнулся, словно не замечая пота. — Это был довольно насыщенный день, и я подумал, что, может, вы хотели бы провести тихий вечер с другом.

— О, — Лука посмотрел на Таню. — Я, э... я могу попросить принести еды.

— Нет необходимости, — Тиниан щелкнул пальцами, и дверь открылась, впуская слуг, несущих угощение на серебряных блюдах. Они быстро двигались, чтобы поставить еду на стол. — Молодому человеку нужны не только дела, но и общение.

Рядом с ним Таня ерзала и суетилась. Она не могла перестать хмуриться, и у Луки возникло ощущение, что Тиниан приказал ей прийти сюда. Она была аристократкой в Зантосе, вспомнил он. Должно быть, Тиниан что-то сказал, чтобы она согласилась на это. Он посмотрел на нее, и она тут же устала на стол. Возможно, она беспокоилась о том, что он все еще злился на ее предательство в Зантосе.

Это не так, понял он с удивлением. У него не осталось сил злиться на нее за то, что она сделала. Она обвинила его в нападении на лагерь менти, и, если быть честным, Лука сказал бы, что винит себя. Если бы она не выдала его, он все равно мог бы вернуться в Эсталу, но у него не было бы поддержки Золотого Совета. Он бы не встретил Йозефа, который поможет ему победить Стефана, и Эстала была бы разрушена.

Возможно, все сложилось к лучшему.

Лука улыбнулся ей, чтобы успокоить.

— Что вы хотели съесть? — спросил он у них.

— О, нет. Я оставлю вас двоих, — запротестовал Тиниан.

Таня выглядела еще более неловко при этом, и Лука покачал головой в сторону советника.

— Пожалуйста, я настаиваю. Я уверен, что нам всем есть что обсудить. Вы можете рассказать мне все о Зантосе. Я должен знать как можно больше, если мы собираемся стать союзниками, — он был смущен тем, как мало он знал.

Они заняли места, и у Луки потекли слюнки, когда слуги расставили блюда и удалились. Он хотел сразу же впитаться в еду, но вместо этого поднял кубок с вином.

— За друзей.

— За друзей, — повторила Таня, и Лука увидел тень ее улыбки. Она, наконец, встретила с ним взглядом, и он почувствовал тепло во всем теле.

— За друзей, — мягко сказал лорд Тиниан. — Итак, принц Лука, что вы хотите знать?

Лука, который только взял в рот большой кусок жареного кабана, торопливо прожевал и проглотил.

— Я знаю важные вещи, как сказал бы мой отец. Как работает Золотой Совет. Все это. Но я мало знаю о самой земле. Что вы выращиваете? Какие сделки приносят наибольшую пользу Зантосу? Почему, например, ваши врачи намного лучше наших?

К его удивлению, на последний вопрос ответила Таня:

— В Зантосе есть травы, которых нет больше нигде в мире, — объяснила она. — Примерно во времена короля Митрина многие целители бежали от насилия войн и поселились в Золотом Порту, потому что там они могли найти покровителей. С покровителями они могли сосредоточиться на исследованиях ради знаний, а не на приготовлении лекарств для продажи.

Лука был знаком с понятием покровительства, но, по его опыту, аристократы спонсировали художников или музыкантов. Обычно часть цены покровительства заключалась в том, что художник должен был написать портрет или сочинить песню о своем покровителе. Таким образом, было написано множество вводящих в заблуждение портретов. В конце концов, ни один художник не хотел рисковать жизнью, оскорбляя своего покровителя.

— Золотой Совет также поддерживает гильдию целителей, — вмешался лорд Тиниан. — Мы понимаем, что такие исследования полезны для Зантоса, позволяют нам быстро реагировать на вспышки, подобные этой.

— Хотел бы я, чтобы мы могли сказать то же самое, — Лука подумал о дворе своего отца, где любого, кто уединится в лаборатории, могли обвинить в том, что он менти.

— Эстала богата, — возразила Таня. — До чумы — до Стефана — все было не так уж плохо.

— Войны короля Давэда против менти нанесли ущерб стране, — заявил лорд Тиниан. — Если он так сильно ненавидел менти, ответ был у него под рукой: Сады Аниоса. Войны были не нужны. К сожалению, чистое эго.

Лука не хотел думать о Садах.

— Как дела в посольском крыле? — поспешно спросил он у Тани.

— Хорошо... — ее взгляд метался между Лукой и лордом Тинианом, словно ей было интересно, что Тиниан собирался сказать. — Джеральдо такой, как всегда. Он все говорит о том, что нужно собрать настоящую армию менти теперь, когда менти на троне Эсталы.

Луке пришла в голову внезапная мысль.

— Вы когда-нибудь слышали о людях, которые учатся использовать способности менти, с которыми они не родились?

— Ты о магах? — Таня выглядела так, словно изо всех сил старалась быть непринужденной. — Нет. Вы рождаетесь со своими способностями или нет. Если бы люди могли научиться использовать силы менти, менти было бы намного больше. Они не бились бы с нами. Это были бы как мы.

Лука задумался. Мог ли Йозеф ошибаться в том, что он видел?

— Людям нравится говорить, что они могут сделать менти сильнее или научить людей силам менти, — продолжила Таня. — Но они не могут, на самом деле. Это как люди, которые читают по ладони. Ничего из этого не реально. Они не более чем обманщики.

У Луки внезапно возникло ощущение, что Таня знает о Йозефе, и он ощутил прилив гнева. Она не понимала, о чем говорит. Он знал, что его силы становились мощнее под руководством Йозефа. Он сделал глоток вина и обдумывал, что сказать.

— Вы что-нибудь слышали о своем брате, принце Лука? — спросил лорд Тиниан. Казалось, ему не хотелось, чтобы вечер стал еще жарче.

Лука покачал головой.

— Нет сообщений о какой-либо армии. Но Орден Понимания мог скрывать его. Он дал им много денег на строительство храмов, и, может, они приютили его в одном из них, — он нахмурился. — Знаете, я бы сказал совету, если бы узнал, где Стефан.

— Гонцы постоянно приходят и уходят, — сказал Тиниан. — Возможно, вы узнали об этом после собрания и обдумываете план действий.

— Что я могу знать о выборе курса действий? — Лука горько улыбнулся. — Я не генерал. Мне нужно, чтобы мои советники сказали мне, что делать.

Лорд Тиниан грациозно кивнул.

— Мы рады дать вам совет, принц Лука. Вы мудры, раз ищете нашего совета. Со временем у вас появится опыт действовать самостоятельно.

— Тебе не нужно, чтобы они говорили тебе, что делать, — возразила Таня. Она нахмурилась, глядя на лорда Тиниана.

— Принц Лука только взошел на престол. Он еще не научился предвидеть различные последствия своей политики, — лорд Тиниан пожал плечами. — В этом нет ничего постыдного. Каждый новый король сталкивается с одной и той же проблемой. Как я уже сказал, мы будем рады советовать вам.

— Советовать, да, но Лука сказал, что ему нужны люди, чтобы сказать ему, что делать, — она повернулась к Луке. — Ты король. Ты выбираешь, что делать.

Лука слегка улыбнулся ей. Таня пыталась подбодрить его, но не понимала, насколько сложны эти вопросы.

— Ты можешь выбирать, — продолжила она. Казалось, она почувствовала его колебания. — Ты много знаешь об Эстале, и ты много знаешь о Стефане. Как ты думаешь, что он собирается делать?

Лука разочарованно покачал головой.

— Если бы я знал. Все, что я знаю, это то, что он попытается вернуть трон. Стефан всегда хотел быть королем, — он нахмурился. — Я думаю, что он убил моего отца. Стефан убьет любого, кто встанет между ним и тронном. Я видел это в Зантосе, когда он напал на лагерь менти. Я видел его свирепость и амбиции.

Тяжело было думать о собственном брате. В глубине души Лука все еще питал надежду, что Стефана можно заставить образумиться. Он надеялся, что Стефан вернется и без боя передаст корону Луке. Но теперь он мог видеть наивность в этом желании.

Это было нелепое желание, и оно показывало, насколько Лука не годится для правления.

— Стефан хочет получить столько власти, сколько сможет, — сказал Лука. — Эсталы ему будет мало. Он захочет и Зантос, — он увидел, как лорд Тиниан замер. — Вот почему наш союз хорош. Если мы вместе выступим против него, он не сможет закрепиться в одной стране, а затем ударить по другой.

Лорд Тиниан был очень серьезен.

— Это правда, принц Лука? Он может попытаться захватить Зантос?

— Если он сможет занять один трон, он попытается захватить и другой, — ответил Лука. Чем больше он думал об этом, тем больше понимал, что это правда. — С ним брат Миккел, и Миккел считает, что Стефан не может сделать ничего плохого. Их одержимость Аниосом переросла в ревностное поклонение. Если они думают, что выполняют работу бога, зачем останавливаться на одной стране?

— Куда он ударит первым? — спросил с нажимом лорд Тиниан.

Лука моргнул.

— Я не знаю.

— Поэтому мы не видели его войско? — спросил Тиниан. — Он готовится атаковать Зантос, а не Эсталу?

— Не знаю, — снова сказал Лука, в отчаянии поднимая руки. — Я просто думал вслух. Что, если я ошибаюсь? Помните, он был очень болен. Возможно, он просто оправляется.

Лорд Тиниан опустил на свое место, обдумывая это, Таня и Лука обменялись взглядами. Тиниан серьезно относился ко всему, когда Зантосу угрожала опасность, но он не был так расстроен, когда думал, что Стефан готовится напасть на Реялон.

Лука улыбнулся Тане и протянул руку, чтобы налить ей еще вина.

— Рад тебя видеть, — честно сказал он. — Прошло слишком много времени с тех пор, как мы в последний раз разговаривали, и я сожалею об этом. Впереди так много собраний, что у меня мало времени для себя. Джеральдо может посетить некоторые из них, если пожелает.

Таня рассмеялась, и ее голос восхитительно разнесся по комнате. Она уже начала расслабляться, когда снаружи поднялся шум. Вскоре на лестнице раздались крики, и все

трое встревоженно переглянулись. Что это было? Нападение?

Но страж, ворвавшийся в дверь, был один.

— Принц Лука, идите скорее, — он тяжело дышал. — Принцесса Серена ранена. Она у ворот с Братом Просвещенных. Она говорит, что на нее напали монстры.

Лорд Тиниан фыркнул.

— Монстры? — насмешливо спросил он.

Выражение лица стража даже не дрогнуло.

— Если бы вы видели раны, вы бы не сомневались, — серьезно сказал он. — Когти, должно быть, были острыми, как ножи. Они зовут целителей. Брат с ней вряд ли переживет ночь. Принц Лука, вы идете?

Лука сглотнул. Серена была ранена, пока была в городе, и он подозревал, что это дело рук Стефана.

— Немедленно, — сказал он, вышел из комнаты вслед за стражем и побежал во двор.

26

Серена

Врачи работали с Сереной так медленно, что ей хотелось кричать. Они были очень осторожны, очищая неглубокие раны. Когти монстра едва зацепили ее, и, по ее мнению, рана была не такой серьезной, как казалось, несмотря на то, что она сильно кровоточила.

Однако раны брата Рафаэля были серьезными, и Серена поймала себя на том, что смотрит на дверь, считая секунды, когда она сможет сбежать. Когда, наконец, врачи закончили, она вместо того, чтобы тратить время на переодевание, завернулась в шаль и поспешила в другую операционную.

К ее удивлению, там не было толпы врачей. Вместо этого Лука сидел рядом с братом Рафаэлем с круглолицым молодым человеком, которого Серена встретила на прогулке с Каролиной. Они говорили тихо, и Нико выглядел почти посеревшим.

— Разве они еще не осмотрели его? — спросила Серена, подходя ближе.

Оба мужчины встали.

— Ты в порядке? — спросил ее Лука.

— Я в полном порядке, — нетерпеливо сказала Серена. — Брат Рафаэль...

— Я сделал все, что мог, — Нико казался несчастным. — Я смог закрыть все раны и очистить его тело от инфекции. В этих когтях было что-то противное. Но он потерял много крови. Я не уверен... — когда он увидел выражение лица Серены, его голос оборвался.

— Нико — это менти, — объяснил Лука. — Его годами обучали тому, как залечивать боевые раны. Он проделал работу лучше, чем мог бы сделать любой врач.

Серена стояла неподвижно, глядя на Нико. Он использовал магию, чтобы исцелить брата Рафаэля? Ей было интересно, что подумает об этом Брат, а затем ей пришла в голову странная мысль, что он одобрит использование любого таланта в целительстве. Он, вероятно, попросит Нико с этого момента пойти с ними в город, чтобы посмотреть, сможет ли он лечить людей в больницах.

Если он выживет.

Серена села рядом с кроватью, где лежал Брат. Его лицо было слишком бледным, а грудь слабо двигалась. Они сняли с него одежду, и она видела синяки на его коже в тех местах, где монстры избили его.

— Ты, должно быть, думаешь, что я сумасшедшая, — сказала она Луке. — Но я клянусь тебе, они были чудовищами. Будто они были полужмеями. Может, это были менти.

— Ни один менти не бывает наполовину чем-то, — возразил Нико. Он снова опустился на стул, и она увидела, чего ему стоило исцеление. — Как бы они ни выглядели, они такие и есть.

— Это невозможно, — Серена не хотела обижаться, особенно когда Нико явно чуть не погиб, чтобы сохранить брату Рафаэлю жизнь, но этот человек нес чепуху. — Чем они могут быть? Человек не может спариваться с... — она сглотнула, отвергнутая этой идеей.

— Возможно, это улези, — сказал Нико после долгой паузы. Он взглянул на Луку. — Когда драконы спаривались с людьми, были оборотни, такие как Стефан. Но были и улези. Они монстры, как говорит твоя сестра. Это то, о чем люди на побережье рассказывают детям, чтобы заставить их вести себя прилично. Говорят, никто из них не успокоится, пока все драконы не умрут, и они убьют любого, кто встанет у них на пути.

— Тогда зачем нападать на Реву? — спросила Серена. — Она просто дворянка, — Лука сглотнул и отвернулся, а глаза Серены сузились. — Что? Что ты мне не говоришь?

— Рева — оборотень-дракон, — объяснил Лука. — Она узнала об этом после того, как ее мужа убили. Ее держали в Садах Аниоса, — добавил он шепотом. — Она злится на меня за то, что я не закрываю их.

Серена уставилась на него. Мгновение у нее не было слов. Она тоже разозлилась, когда услышала, что он держит лагерь рабов открытыми, но насколько хуже было бы, если бы она сама оказалась в одном из них?

Но она могла видеть его боль. Он был здесь, чтобы убедиться, что брат Рафаэль здоров, и, должно быть, переживал, ожидая их возвращения из города. Медленно она протянула руку поверх тела брата Рафаэля, и Лука сжал ее. В силе его хватки сквозило отчаяние.

— Мы найдем ее, — пообещала ему Серена. — Они утащили Реву и Карлию. Если бы они просто хотели убить их, это было бы достаточно легко сделать.

Нико теперь хмурился.

— Ни в одной из легенд ничего не говорится о том, чтобы улези по какой-то причине поддерживали жизнь драконов. Говорят, улези хотят убить всех драконов.

Серена уставилась на него.

— Легенды не знают всего, — категорически сказала она. — Я уверена, что есть истории, в которых отсутствуют важные факты. Кто может сказать, какие? Важно то, что у нас нет оснований полагать, что Рева и Карлия мертвы.

Нико снова открыл рот, чтобы возразить, увидел лицо Серены и правильно сделал вывод, что она была готова врезать ночным горшком, чтобы не дать ему говорить дальше. Он снова закрыл рот и кивнул.

— Ах, — сказал он неловко. — Да.

Сойдет.

— Нико, мы с сестрой можем немного побыть наедине? — сказал Лука. — Спасибо за все, что ты сделал для брата Рафаэля. Ты должен сейчас отдохнуть.

— Конечно, — Нико встал, и ему пришлось опереться на стул, когда он покачнулся. Он слегка поклонился Серене, будто боялся, что опрокинется, если наклонится ниже. — Мне очень жаль, что я не смог залечить и ваши раны, ваше высочество.

— Не извиняйся, — Серена улыбнулась. — Мои раны заживут так. Я рада, что ты сначала позаботился о брате Рафаэле.

Нико ушел, а она посмотрела на лицо брата Рафаэля и почувствовала, как слезы наворачиваются на ее глаза. Он не мог победить в бою. Почему он вмешался? Она, конечно,

знала ответ: не в его характере стоять в стороне, пока страдают невинные люди. Тем не менее, она чувствовала бушующее чувство несправедливости. Ей нравилась Рева; всегда нравилась. Тем не менее, небольшая часть ее хотела, чтобы Рафаэль был в безопасности.

— Как ты? — Лука подошел, чтобы сесть рядом с Сереной. Он снова протянул руку. — Я волновался за тебя, когда ты уходила в город, но я никогда не думал, что что-то подобное может случиться, — он сглотнул.

— Никто не мог этого предвидеть, — возразила Серена. — Лука, мне это не нравится. Извержение горы Зин, возвращение драконов, эти чудовища... Когда мы были маленькими, мы с Матиасом играли в убийц драконов и притворялись, что сражаемся со всевозможными мифическими существами. Иногда мы тоже играли в королей-драконов. Я думала, что хочу быть частью этих мифов, но мне ничего из этого не нравится. Жители деревень призывают к возрождению Аниоса. Что, если это произойдет?

— Не произойдет, — Лука улыбнулся, взяв ее за руку. — Драконы всегда были рядом, Серена. Мы просто не знали, что они еще там. Сэм и Карлия уже много лет обладают своими способностями. Рева узнала о своих силах несколько месяцев назад, как и Стефан, а гора Зин тогда еще не извергалась. Все это не ново. Ничто в мире не изменится настолько сильно, чтобы боги могли переродиться.

Серена спрятала лицо в ладони, все еще пытаясь сдержать слезы.

— Я чувствую себя сумасшедшей. Я не пойму... Если Стефан такой, и ты такой, что тогда будет? Я видела монстров сегодня, Лука, это было что-то из кошмара. Они похитили Реву и Карлию.

— Солдаты ищут их, — голос Луки был сдавленным от страха, но он говорил ясно, и Серена впервые увидела короля, которым он когда-нибудь мог стать: человека, который яростно заботился о своем народе и был готов сделать все, что в его силах, чтобы помочь им. Он увидел, как она смотрит, и одарил ее застенчивой улыбкой. — Что такое?

— Ты хороший человек, Лука, — сказала Серена. — Я сожалею, что поверила лжи, которую они рассказали о тебе.

— Серена, — к ее удивлению, он выглядел несчастным. — Я убил Матиаса. Я не хотел, но я это сделал. Это была моя сила.

Серена напряглась. Когда Лука вернулся как менти и сказал ей, что у Стефана тоже есть силы, она предположила, что обвинения, выдвинутые против Луки, действительно были ошибкой Стефана. В конце концов, Лука не стремился к власти, когда вернулся. Было ясно, что он занимает трон не из-за амбиций.

Тем не менее, настолько потерять контроль, чтобы убить собственного брата...

Затем она посмотрела на лицо Луки и увидела там ужас. Все было ясно видно по выражению его лица. Он не влиял на то, что произошло.

— Это был первый момент, когда ко мне пришли мои силы, — сказал он. Его голос был сдавлен.

— Тебе не нужно мне говорить, — сказала Серена. — Я верю тебе. Ты бы не стал убивать Матиаса сознательно. Если ты скажешь мне, что убил его, я поверю тебе, но никогда не поверю, что ты хладнокровно убил его.

Он снова сжал ее руку, и теперь он снова казался ребенком.

— Хотел бы я, чтобы он все еще был здесь, — прошептал Лука. — Я не предназначен для этого, Серена. Ты больше подходишь для этого.

Серена долго не могла говорить, настолько она была ожесточена. Да, хотела она

сказать. *Я должна быть на троне. Я была бы хорошей наследницей.* Но слова застряли у нее во рту и не слетели с ее губ. С тех пор, как она встретила брата Рафаэля, она начала задаваться вопросом, действительно ли она хотела трон, или ей нужно было одобрение ее отца — его понимание того, что Серена обладает таким же умом и способностями, как и любой из его сыновей.

Она предпочла бы посвятить себя какому-нибудь делу, например, излечению чумы, чем целыми днями торчать в зале совета, беспокоясь о придворных, генералах и просителях. На самом деле она не завидовала Луке в его работе.

— То, что мы даем тебе хорошие советы, не означает, что мы будем лучшими правителями, чем ты, — сказала она, наконец. — Легче давать советы, чем принимать решения.

Он благодарно кивнул.

— Я чувствую, что каждое решение — нечто среднее между двумя плохими вариантами, — честно сказал он ей. — Разорите страну, заплатив жалованье всем в Реялоне, или оставьте деньги в казне и рискуйте беспорядками. Я думал, что твое предложение было разумным, оно казалось правильным, а теперь я не знаю...

— Ты примешь правильное решение, — тихо сказала Серена, а затем рассмеялась. — Но я не думаю, что в ближайшее время мы сможем составить предложение.

Лука ответил смехом, который прозвучал почти как всхлип. Он обвил ее рукой, чтобы притянуть ее ближе.

— Мне и без того хватает бумаг, которые нужно прочесть.

Они долго сидели, наблюдая, как вздымается и опускается грудь Рафаэля.

— Что ты хочешь? — спросил ее Лука через некоторое время.

— Хм? — Серена почти спала. Усталость последних нескольких часов догнала ее.

— Ты хочешь выйти замуж? — спросил ее Лука. — Ты хочешь покинуть Реялон или остаться?

Серена какое-то время не могла придумать, что сказать на это.

— Я никогда не думала, что буду иметь право голоса, — призналась она. — Я принцесса, Лука. Я всегда ожидала, что выйду замуж ради союза.

— Это было, когда отец был королем, — сказал Лука. — Я не хочу торговаться с тобой, Альберто и Каролиной. Я не хочу так относиться к людям.

— Лука, — Серена снова рассмеялась. При мысли о браке с мужчиной, которого она не знала и не любила, сердце ее сжалось, но она знала свой долг. — Ты должен. Вот для чего нужны королевские дети. Ты не можешь изменить правила, потому что хочешь быть хорошим.

Выражение лица Луки стало каменным.

— Сначала ты говоришь, что я должен делать выбор, а потом тебе не нравится, когда я это делаю, — сердито сказал он. — Ты такая же плохая, как и все остальные, тянешь меня в разные стороны. Я буду тем королем, который сам принимает решения, Серена, а не тем, кому говорят, что я могу и чего не могу.

— Но ты только что сказал, что думал, что все остальные...

— Все остальные так думают! — голос Луки был гадким. — Я знаю. Лорд Тиниан хочет, чтобы Эстала была не чем иным, как частью Зантоса. Брат Аксил все еще думает, что я ребенок. Ты ходишь в город и произносишь красивые речи.

— Я не собиралась произносить речь.

— О, это случилось случайно?

— Брат Рафаэль нашел меня там и рассказал людям, кто я. Я не собиралась с ними говорить.

— Конечно, — отрезал он. — Просто так получилось. Так получилось, что ты заключила союз с Тинианом, чтобы он мог угрожать мне этим, когда я еще был в Золотом порту. Так уж вышло, что ты произнесла речь, о которой все в городе говорят. Я уверен, что еще многое произойдет с твоим участием.

Он встал так быстро, что его стул опрокинулся, а затем ушел из комнаты, а Серена смотрела ему вслед, кусая губу.

27

Рева

Рева проснулась в панике, пытаясь размахивать связанными руками. Когда она замерла и позволила себе дышать, она узнала боль от железных кандалов на лодыжках. Она была в темноте и по удушающему зною знала, что ее голова покрыта. В ее рот была набита ткань, которая заглушала ее крики. Хотя она знала, что ее никто не слышит, она не могла удержаться от крика. Она застряла здесь, не в силах пошевелиться, и у нее пересохло в горле.

Когда сильный удар попал по ее руке, она откатилась и свернулась в клубок. Удары продолжали поступать вместе с шипением улези. Деревянный пол под ней трясся и грохотал. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что это была какая-то тележка.

— Карлия! — слово было приглушенным, но она все равно позвала. Карлия так сильно истекала кровью во время боя. Была ли она еще жива?

Раздался еще один приглушенный крик, а потом снова удары. Но Реву это не волновало. Она подвинулась по полу телеги, подтягиваясь на локтях, пока они с Карлией не столкнулись. Их связанные руки отчаянно сплелись.

Сэм здесь? — Рева не осмелилась сказать это даже через кляп. Если улези не нашли его, она не собиралась говорить им, что они упустили одного из драконов.

Она и Карлия не разговаривали, так что улези, похоже, не волновало, цепляются ли они друг за друга. В тележке воцарилась тишина, которая, казалось, длилась несколько часов, и Рева чувствовала, как ее локти начинают тереться о шероховатую деревянную поверхность. Они с Карлией приподнялись и прижались друг к другу, пока, наконец, телега не остановилась.

По приятному прикосновению прохладного ночного воздуха она поняла, что дверь открыта. Вскоре ее вытащили когтистые руки. Капюшон был сорван с ее лица, и улези указал на место на поляне и зашипел, показывая ей и Карлии, чтобы они сделала свои дела.

По крайней мере, так сделала Рева. Часть ее, выросшая в замке, хотела найти какое-нибудь уединенное место, но она так долго сидела в телеге, что ей было все равно. Ей особенно было все равно, если она была груба с улези. Они были монстрами. Они не заслужили, чтобы она вела себя как леди. Она сделала свои дела так аккуратно, как только могла, со связанными руками, а затем поднялась и стала ждать.

Улези развели костер, и сели вокруг него, грея руки. Это была такая нормальная сцена, что было почти смешно. Рева позволила им отвести ее к скале и села напротив Карлии. Их глаза встретились, когда кляпы были убраны из их ртов. Быстрая оценка ситуации подсказала Реве, что улези слишком много, чтобы сражаться. Кроме того, она была без сил и в синяках от похищения. Рева могла сказать, что Карлия думала так же, по тому, как ее плечи поникли в поражении.

Потом Рева подумала о брате Рафаэле, и у нее сдавило желудок. Он наверняка был уже мертв, и она жалела, что он вмешался в ее защиту. Он не мог сражаться с улези. Улези были достаточно сильны и быстры, чтобы сражаться с обученными воинами. Мысль о храбром Брате, погибшем в попытке спасти ее, вызывала у нее рвотные позывы.

Но она этого не сделала. Она взяла себя в руки и съела неаппетитную еду, данную им улези. Ей нужно было сохранять силы, если она собиралась вытащить себя и Карлию из этой ситуации. На краю поляны один из улези поил измученную лошадь. Она смотрела, как животное шарахается от монстра, словно ощущая его злобу.

Наконец, Рева спросила:

— Куда вы нас везете?

Улези зашипел.

Ей было все равно. Куда бы они ни направлялись, она была уверена, что их не ждало ничего хорошего. Она глядела на них.

— Почему мы еще живы?

— Рева, — испуганно прошептала Карлия.

— Нет, я хочу знать, — несмотря на то, что она боялась, ответ был в том, что грядет нечто худшее, чем смерть. Что, если улези хотели превратить Реву и Карлию в улези? Что, если их заставят выследить Сэма?

Один из улези снова зашипел, но он встретился взглядом с Ревой и вызвал в ее сознании образ: мужчина в незнакомой маленькой комнате. Это была палатка, поняла Рева. Он сидел в палатке за столом, на котором лежала карта Зантоса и Эсталы. Он расставлял отметки на карте, планируя какую-то войну. На нем были маска и плащ, но он не носил перчаток, и она могла видеть, что одна из его рук была в ужасных шрамах.

— Вы ведете нас к этому человеку? — спросил Рева у улези.

Он снова зашипел на нее. Это звучало почти угрюмо. Он хотел убить ее — он удостоверился, что она знала об этом. Он хотел вонзить зубы ей в горло и разорвать на куски. Когда она вздрогнула от изображения, существо улыбнулось, обнажив острые зубы. Слюна потекла по его подбородку. Это был зверь, созданный, чтобы охотиться на нее. Он хотел видеть ее мертвой.

Рева знала, что кем бы ни был этот человек, он тоже хотел ее смерти. В противном случае улези никогда бы не согласились привести ее к нему. Однако он явно не был улези, и это не имело для нее никакого смысла. Следовали ли улези за хозяином-человеком?

«Владыка выпьет твою кровь, — мысленно сказал улези. Это поразило ее, потому что она не знала, что он мог говорить словами, не только образами. — Он думает, что заберет твою силу, и тогда мы найдем остальных, и он тоже выпьет их кровь. Когда останется только он, мы убьем его».

Он выпьет ее кровь. Она знала еще кое-кого, кто любил это делать. Кого улези хотели бы убить. Того, кто сражался с огненным магом и мог иметь шрамы на теле. Она сглотнула, почувствовав ледяной страх внизу живота.

— Рева? — прошептала Карлия. — Куда нас везут?

— К Стефану, — прошептала Рева. — У него новое имя, и он больше не носит короны, но это он, Карлия, и он заключил с ними сделку, чтобы они не убили его.

Она встретила глазами с Карлией и увидела страх другой девушки, но Рева внезапно перестала бояться. Она столкнется со Стефаном, да, но это произойдет раньше, чем она думала. Она всегда знала, что, в конце концов, встретится с ним лицом к лицу.

Теперь у нее был шанс убить его.

28

Бог

— Владыка, — Миккел нырнул в палатку с поклоном. — Весть от улези. Они отправили гонца вперед. Они... — он замолчал, впервые увидев карту. — Вы планируете нападение? Его глаза расширились, когда он увидел, где были сгруппированы маркеры.

— Это единственный выход, — сказал Бог. Он глядел на свою карту, на группу маркеров. — Моих последователей много, и они ярые, но не обученные солдаты. Если у Луки хватит ума выстроить надежную защиту...

Брат Миккел насмешливо фыркнул.

— Мои источники в Крепости Несры говорят, что мальчик парализован. Как бы он ни двигался, какой-нибудь советник говорит ему не делать этого. Он зол и в паранойе, заперся в своей башне с магом.

Лорд ухмыльнулся.

— Маг?

— Не настоящий маг, — в голосе Миккела слышалось низкое удовлетворение. — Ритуалы магии, которые позволяют такие вещи, как ваше перерождение, Лорд, являются тщательно охраняемыми секретами. Этот маг утверждает, что может сделать огненного достаточно сильным, чтобы победить дракона, — уголок его рта приподнялся от удовольствия. — Ясно, что это невозможно.

Бог внимательно посмотрел на Миккела. Было очевидно, что Миккел не понял, что он сделал, когда призвал Бога в это тело. Миккел считал, что проделал большую работу, хотя на самом деле он просто облегчил путь Богу. На самом деле Миккел сделал голоса последователей Бога достаточно сильными, чтобы он мог слышать их и знать, что пришло время вернуться.

Прямо сейчас Миккел был еще полезен. Его источники и контакты не раз оказывались бесценными. Он, несомненно, окажется полезным и во время завоевания. Это будет испытанием, учитывая корыстную природу человека и его веру в собственное превосходство, но Бог вынесет его. Он был богом. Он мог вынести это и многое другое в своем стремлении завоевать мир.

И когда он получит мир, Миккел умрет. Бог не желал тратить вечность — или даже крошечный, ничтожный отрезок одной человеческой жизни — на выслушивание болтовни Миккела о его ограниченных познаниях в религии и магии.

Не было таких правил, в какие верил Миккел. У Бога не было врожденной ненависти к магии, и его нисколько не заботило, бьют ли люди себя кнутом или морят голодом, молятся ли они теми или иными словами. Все, что его заботило, это их обожание... и их слабость. Все люди должны любить его, или они должны быть слишком слабы, чтобы угрожать ему. Желательно все сразу. Вот почему он ненавидел менти. Они всегда были уверены в себе. Они думали, что могут бросить вызов любому.

Бог вернулся к своей работе над картой.

— Мои последователи на двух кораблях отправятся в Зантос, — постановил он. — Они будут избегать Золотого Порта, будут бродить по сельской местности, рассказывая о моем возвращении. У нас наберется два корабля тех, кто может говорить на том языке?

— Многие в Зантосе говорят на простом языке, — сказал Миккел. Он всегда отвечал на вопросы, которые Бог не задавал. — Что касается наших последователей... Владыка, многие

из них без образования. Тем не менее, мы пришлем священников, если потребуется.

Бог кивнул.

— Отправь столько, сколько сможешь. Остальные разбегутся по Эстале, занимаясь тем же. Мы будем черпать силы из народа.

— Владыка, разве это мудро? Доброжелательность народа поможет вам сохранить трон, но только завоевание...

— Я объясню это один раз, — мягко сказал Бог. — И только один раз, Миккел. Слушай внимательно. Я не принц. Я не человек. Я Бог. Меня укрепляет поклонение людей. Чем больше будут поклоняться мне, тем большей силой я смогу распоряжаться. Я уже сильнее того слабака, из которого ты меня сделал.

Он протянул руку, взял один из металлических маркеров и согнул его тонкими пальцами. Тело, в котором он жил, еще не совсем оправилось от болезни, и кости должны были заскрипеть, когда он давил на металл. Однако ни того, ни другого не произошло. Вместо этого металл согнулся. Бог чувствовал в себе лихорадочную силу, притянутую из другого плана существования.

Он жаждал изменить облик и прыгнуть в воздух в форме дракона. Какой силой он мог бы обладать, имея в своем распоряжении и без того значительные таланты дракона? Его огонь будет гореть жарче, чем у любого другого дракона. Его когти будут острее, его челюсти будут сильнее. Если другой дракон бросит ему вызов, Бог победит.

Желание наполнило его при этой мысли, медово-сладкое. Теперь он мог представить битву, удары когтями и другого дракона, визжащего от ярости. Дракон бросит ему вызов, как и все менти, но потерпит неудачу. Оно подчинится, и Бог выпьет его кровь и одержит над ним полную победу.

Миккел смотрел на него. Кожа мужчины была сероватой, и он слегка вспотел. Он начал понимать, что человек, стоящий перед ним, был не принцем Стефаном, а другим существом. Сожалел ли Миккел о своем выборе? Понимал ли он, что Бог не заботился о нем и не нуждался в нем, как Стефан?

Это не имело особого значения, если только этот человек не вздумал свести на нет работу, сделанную им по созданию Ордена Понимания и вербовке последователей.

Бог улыбнулся Миккелу. Он знал, как обыграть этого человека.

— Никто другой не мог понять, что Стефан был правильным выбором, Миккел. Только ты верил достаточно сильно, чтобы осуществить эти планы. Только ты можешь претендовать на то, что вернул меня на эту землю, чтобы править.

Миккел немного расслабился.

— Владыка, я рад служить.

Где-то под эгоизмом это было правдой. Миккел, как и все люди, хотел быть ведомым, чувствовать уверенность в том, что то, что он сделал, было одобрено богами.

Бог подошел к Миккелу и положил руку ему на щеку.

— Ты первый из моих последователей, — сказал он мягко, мелодично. Да, он чувствовал запах отчаянного поклонения этого человека. Это опьяняло. Бог вздохнул от удовольствия. — Ты дал мне силы, Миккел. Твой совет мне очень помогает.

Этого не произошло, но мужчине не стоило задаваться вопросом, станет ли он следующей жертвой.

Бог улыбнулся и вернулся к своей карте.

— Что сообщили улези? — спросил он. — Ты сказал, что приходил гонец.

— Ах, — Миккел прочистил горло. — Да. Кажется, они поймали двух драконов. Они везут их.

— Расскажи мне о них, — Бог поставил еще один маркер на место на карте.

— В сообщении указано только, что их два, — Миккел покачал головой. — Где они были захвачены, я не могу сказать.

— М-м-м, — Бог обдумал это. — Что-нибудь еще?

— Гонец сообщил, что принц Лука мобилизовал некоторые войска.

Бог резко повернул голову.

— Ты не думал сказать это сразу? Где? Отметь его на карте.

— Это не для нападения, — но Миккел двигался, указывая на окрестности Крепости Несры. — Говорят, он ищет леди Реву Авалон.

Бог искал воспоминания об этом в теле. Имя показалось знакомым. Он увидел в мыслях образ молодой девушки, почти женщины. У нее были длинные черные волосы и улыбка воина.

— Она когда-то была обручена с принцем Лукой, — объяснил брат Миккел. — Затем она вышла замуж за генерала Франциса Унну. Он был менти, — его голос был хриплым от отвращения. — Когда принц Стефан отправился его задерживать, он вызвал оползень, в результате которого погиб и он сам, и многие из наших солдат, по-видимому, для того, чтобы его жена могла сбежать, — он звучал презрительно. — Мусор. Мы почти поймали ее, но она ускользнула из наших рук. Мне было интересно, что с ней случилось. Должно быть, она вернулась в Крепость Несры, когда услышала, что туда вернулся Лука. И вот она снова пропала.

Бог смотрел на Миккела, проигрывая воспоминание в своей голове. Стефан наблюдал за этой девушкой — ее звали Рева. Он наслаждался ее улыбкой, хотя и чувствовал, что Рева находит его отталкивающим, и это его злило.

Бог упивался воспоминанием о ее медной коже и окружавшей ее дикости. Рева, которая была в Реялоне, а затем снова пропала без вести, а улези возвращались со своими пленниками. Лорд вспомнил похоть Стефана при мысли о медном драконе, и в его голове появилось подозрение.

Брат Миккел смотрел на него в ответ.

— Я хочу, чтобы ты взял последнюю часть моей армии и занял позицию, — сказал Бог. — Я доверяю тебе. Планы атаки просты. Мы ударим в самое слабое место, и наша цель легко падет. Тебе, конечно, не нужно будет двигаться, пока я не присоединюсь к тебе, но нашим силам потребуется некоторое время, чтобы снова собраться.

Последние из их армии, силы, верные королю Стефану, а не принцу Луке, бежали из Реялона и спрятались в сельской местности. Было важно, чтобы Лука не знал их планов и не мог отслеживать передвижения армии. Войска Бога, какими бы они ни были — пока еще немногочисленными — ждали его сигнала.

— Куда вы пойдете, владыка? — Миккел выглядел любопытным.

— Я останусь здесь, — сказал Бог, — чтобы дожидаться улези и их пленников. Их сила будет моей до того, как я начну свою первую атаку.

По правде говоря, он не был уверен, что будет делать, когда придут улези. Гонец сказал, что там двое пленников. От одного можно было бы легко избавиться, но если второй был тем, как он думал, медным драконом...

Два дракона сильнее одного, и Бог хотел посмотреть, сможет ли он сделать ее

союзником. Возможно, это была глупая мысль. Он сказал себе, что без колебаний убьет ее, если это будет необходимо. Но он увидит, сможет ли он сначала переубедить ее. Пара драконов была тем зрелищем, которое вызывало удивление в сердцах его последователей.

Миккел кивнул, и Бог увидел, что Миккел хотел остаться и увидеть драконов.

— Я никому не могу доверять сбор моих войск, — сказал Бог. Он знал, что это привлечет внимание Миккела, и улыбнулся, когда грудь мужчины надулась от гордости. — Я легко смогу тебя догнать. Как только остальные драконы будут мертвы, и мне не будет угрожать опасность, я присоединюсь к войскам и совершу нападение.

— Наконец-то вы обретете силу, которую заслуживаете, — глаза Миккела сияли от гордости. — Владыка, каждый день я благодарю небо за то, что вы вернулись к нам. Я благодарю.... Как бы странно это ни звучало, я все еще молюсь вам, — его лицо покраснело, когда он сказал это, и он неловко опустился на колени на землю.

Господь знал свою роль. Он подошел ближе, чтобы положить ладонь на лоб Миккела.

— Я знаю, — сказал он. Он не слышал голоса Миккела, но слышал шепот их молитв во сне. Он слышал не только молитвы благодарности, но и молитвы, в которых не признается ни один человек: молитвы о темных вещах, о смерти и разрушении, о любви, которая была не их.

Но он был Принцем Истины, поэтому не ругал их за это. Те, кто признавались в том, чего больше всего хотели, говорили темную правду, и в этом Бог тоже черпал силу.

— О чем ты молишься, Миккел? — Бог поднял священника. — Скажи мне. Расскажи мне, какие сны тебе снились. Когда все это закончится, что сделает тебя самым счастливым?

— Мир, свободный от греха, — тут же сказал Миккел. В его голосе звучала ненависть. — Менти процветали в Реялоне. Король Давэд хотел денег больше, чем их уничтожения. О, последователи Аниоса наказали менти, но этого было недостаточно. Они должны быть убиты. И все остальные, кто осквернил твой мир, — они тоже должны быть сожжены, владыка, в твоём огне. Когда мир, наконец, станет чистым, я буду счастлив.

Он был сумасшедшим. Бог улыбнулся ему, не позволяя Миккелу увидеть ни одной из его истинных мыслей. Миккел был из тех последователей, которых хорошо потерять в битве, чтобы они могли служить славным источником вдохновения, не заражая других своим безумием.

— У тебя будет все, чего ты пожелаешь, и даже больше, — пообещал Бог. — Иди, приведи мои войска к месту, которое я указал. Подготовь их. Я скоро присоединюсь к вам.

29

Карина

После более чем недели в дороге, без попутчиков, которые могли бы ей помочь, Карина была в отчаянии. Ей удавалось брать воду из колодца ночью, но это всегда было рискованно. Иногда попадались собаки или лошади, которые предупреждали хозяев о ее присутствии, а однажды ее преследовала дьявольская коза, оторвавшая кусок от ее одежды. Теперь в дыру проникал ветер. Она знала, что похожа на нищую. Хуже того, она выглядела уязвимой.

Собственная слабость заставила ее пойти в деревню. Если бы она этого не сделала, она бы умерла. Она еще не знала, какую историю рассказать, но у нее был примерный план. Она найдет женщину и предложит работу за кусок хлеба. Она не станет просить ни приюта, ни денег, и женщина будет рада, если белье будет выстирано и высушено. Карина бы даже вычистила конюшню, если бы это потребовалось, но она беспокоилась, что поход в таверну мог привести к плохим ситуациям.

Удача была на ее стороне, и возле одного из первых домов в деревне она увидела женщину, ухаживающую за огородом. У Карины рот наполнился слюной при виде спелых помидоров, и ей пришлось использовать все самообладание, чтобы не подбежать к женщине и тут же выпросить еду.

— Извините, — сказала она кротко, дрожа, как ягненок. Она ненавидела себя за это. Почему она не могла быть сильной, как Рева?

Тихий голос прошептал ей, что ей следовало бы остаться в Садах Аниоса, что она ушла оттуда, чтобы спасти собственную шкуру, а не ради какой-то большей цели. Если бы она умерла, это послужило бы ей справедливостью.

Она проигнорировала голос.

Женщина подняла глаза, и ее недружелюбный взгляд остановился на красивом личике и слишком худой фигуре Карины.

— Чего ты хочешь?

— Поработать, — сказала Карина. — Только рабочий день, мэм, пожалуйста. Я бы не стала просить что-то даром. Я не хочу быть нищей. Я сильнее, чем выгляжу. Я могу кормить свиней или вычищать конюшню. Я могу сделать стирку. Я просто хотела... Мне нужно поесть, — ее подбородок дрожал.

Женщина села на пятки. К удивлению Карины, она не казалась такой недружелюбной, как минуту назад.

— Что с тобой случилось? — спросила она.

Карина колебалась, но все оскорбления и злость, которые она чувствовала, когда была в тюрьме, выплеснулись из нее.

— Меня продали в рабство богатой семье. Ночью нас заковывали в кандалы, а днем мы работали, пока не теряли сознание, — она протянула руки. — Смотрите. Вы же видите, что я трудолюбивая, — глаза женщины расширились, когда она увидела мозолистую плоть Карины. — Я сбежала, но боюсь, что меня найдут.

Карина заставила себя ждать. Ей было плохо от того, что она обманывала эту женщину. Если бы женщина знала, что ее похитили Сестры и что Карина была менти, она не стала бы ей помогать.

Опять же, возможно, она бы это сделала. Возможно, у нее был ребенок, двоюродный брат или сестра, обладающие способностями. В любом случае, Карина не хотела причинить ей вреда. Она не была монстром, каким ее считал Орден Понимания. Она была просто напуганной молодой женщиной.

— Давай сначала поедим, — наконец, сказала женщина. — Это овсянка, ничего особенного.

У Карины потекли слюнки. Она застыла на месте, так сильно желая есть, что даже не могла заставить себя пошевелиться, чтобы взять еду.

— Тогда пойдем, — сказала женщина. Похоже, она решила взять Карину под опеку. — У меня такое чувство, что ты бы не стала просить, если бы не была в отчаянии, и ясно видно, что ты давно не ела, как следует. Идем. Я не допущу, чтобы ты упала в обморок от голода из-за обещанной еды.

Карина улыбнулась, следуя за женщиной в дом. На стол поставили простую деревянную миску и вырезанную ложку, и женщина осторожно положила кашу. Она добавила немного молока, а затем кусочек сливочного масла, непостижимая роскошь для небольшой семьи, и кивнула Карине, чтобы та ела.

Карина хотела вести себя достойно, но как только еда коснулась ее губ, она не смогла сдержаться. Она проглотила все и выпила чашку воды, которую ей дала женщина. Ее желудок был полон, и она положила на живот руку, стараясь, чтобы ее не вырвало.

— А теперь посиди спокойно, — сказала женщина. — Есть еще, но не сразу. Тебе станет плохо, и это никому не поможет. Найди меня, когда снова сможешь ходить, — затем она оставила Карину и вернулась в свой сад.

Карине хотелось расплакаться от облегчения, но она знала, что если начнет плакать, то не остановится. Она встала, как только боль в животе утихла, и вышла на улицу, чтобы помочь женщине в саду.

Они работали в тишине. Проведя столько времени в Садах Аниоса, Карина научилась ухаживать за овощами и травами. Она могла отличить сорняки от других растений, быстро и эффективно убирала их. Работа, которую она делала, так сильно напоминала ей Сады, что она поймала себя на том, что оглядывается в поисках Сестер с кнутами, но там, конечно, никого не было.

Она тоже наблюдала за своей спутницей. Женщина была достаточно взрослой, чтобы иметь несколько детей. Когда-то ее волосы были золотисто-каштановыми, мало чем отличающимися от волос Карины, но теперь в них появилась седина. Тем не менее, годы только сделали ее красивее, а не сломили. Морщины вокруг ее рта и глаз говорили о том, что она больше улыбалась, чем хмурилась, и двигалась решительно и серьезно, что успокаивало Карину.

Был полдень, когда молодой человек прошел через ворота. К тому времени Карина и женщина занимались стиркой, и Карине дали яблоко с одного из деревьев за домом.

Это явно был сын этой женщины. Он был молод и неуклюж, что говорило о том, что он еще не закончил расти. Он не знал, как правильно управлять руками и ногами.

Его карие глаза посмотрели на Карин, и он улыбнулся своей матери.

— Еще одного бездомного приютила, мама?

— Они всегда находят дорогу ко мне, — со смехом сказала его мать. — Это Карина. Карина, это мой сын Даниэль.

— Рада познакомиться, Даниэль, — Карина опустила голову.

— Мы могли бы и поесть, — сказала женщина. — Идемте. И ты. Ты делаешь достаточно работы, чтобы требовать большего, чем просто тарелку овсянки, девочка. Не будь глупой. Ты сильнее, чем кажешься, — добавила она.

Они снова уселись в темном доме, и Карина расслабилась, пока женщина и ее сын говорили о деревне. Их маленький коттедж стоял на окраине, но они, казалось, знали все. Даниэль работал на постоялом дворе. Поскольку город находился недалеко от Реялона, он слышал о многом, что происходило в Эстале.

Однако он, казалось, что-то утаивал, и, в конце концов, сказал:

— Странные клиенты сегодня. Пришли с лошадью, которая их ненавидит. В капюшонах и в плащах, не пошли в таверну есть. И Джеймс сказал, что он услышал звук внутри тележки, как будто кто-то кричал. Но он был слишком напуган, чтобы заглянуть внутрь, когда они стояли недалеко.

Мать оторвалась от еды.

— Крик из телеги? Думаешь, у них там кто-то был?

«Менти», — подумала Карина, но в этом не было смысла. Сестры были очень откровенны в том, что они делали. Она отложила ложку, лихорадочно размышляя. Кто бы ни

был в этой тележке — а она верила Даниэлю, что там кто-то был — он был в опасности.

— Отведи меня туда, — сказала она.

Он покачал головой.

— Может быть, ты и сильнее, чем кажешься, но их шестеро, а ты одна. Что бы ни случилось, тебе понадобится помощь.

Она знала по ритму гнева и ужаса в своей крови, что не могла удержаться в стороне. Она сбежала из Садов Аниоса по уважительной, как она сама себе говорила, причине, но она все еще чувствовала стыд, который, казалось, удваивался с каждым шагом, который уносил ее от Садов. Она могла сказать себе, что рабыни в безопасности, пока она не вернется туда с помощью, но этот пленник не был в безопасности.

Она не могла оставить их на произвол судьбы, которую задумали эти люди в плащах. Она наклонилась вперед, чтобы поговорить с женщиной и ее сыном.

— Пойдемте со мной, — сказала она. — Ты сказал, что они в капюшонах и в плащах. Они хранят секреты и, возможно, причиняют людям боль. Если бы мы разоблачили их, мы могли бы спасти тех, кто в телеге, и они могли бы бежать без пролития крови. В городе больше людей, достаточно, чтобы, если бы выступили вместе, мы могли бы сразиться с шестью людьми.

Они колебались.

— Пожалуйста, — сказала Карина. — Меня забрали из дома, и я не знаю, думал ли кто-нибудь помочь мне. Если и думали, то не делали. Я знаю, вы считаете меня глупой, но я не могу допустить, чтобы то же самое случилось с кем-то еще.

Женщина вздохнула, но кивнула.

— Ты права. Учитывая то, как обстоят дела в наши дни, мы должны помогать друг другу, иначе мы пропали.

Даниэль открывал и закрывал рот, будто хотел возразить, но потом передумал.

Дорога в деревню была быстрой. Женщина дала Карине тунику поверх платья, а также шаль, чтобы защититься от прохладного послеполуденного ветра. Она чувствовала себя не оборванной нищей, а той, кто может гордо держать голову.

Постоялый двор находился в дальнем конце города, и они были уже почти на городской площади, когда Даниэль зашипел на них. К ним приближалась телега, и он молча кивнул туда.

Все жители деревни смотрели на это, и Карине было понятно, почему. Здесь было что-то очень неправильное, хотя она не могла осознать, что именно. Кто стал бы так закрываться от дневного света, если бы не скрывал что-то ужасное? И что было в этой тележке?

Она должна была что-то сделать. Когда тележка подъехала ближе, Карина наклонилась, чтобы поднять камень.

— Дай мне свой нож, — сказала она Даниэлю. — У меня есть план, — когда он помедлил, она кивнула ему. — Обещаю, я никому не причиню вреда.

Он передал нож, и она увидела, что он тоже хочет вмешаться. Он боялся, жаждал помощи от кого-то другого.

Они прошли к обочине дороги, чтобы пропустить телегу. Они были почти рядом, когда Карине встала на пути и со всей силы швырнула камень в кучера. Они отпрянули, когда лошадь шарахнулась, а повозка закачалась. Из-за всех возмущений капюшон кучера свалился с головы.

Кто-то закричал, и кровь Карины похолодела. Это было лицо из ее ночного кошмара,

наполовину змеиное, наполовину человеческое. Глаза со щелевидными зрачками смотрели на нее с ненавистью, и он сделал движение, чтобы снова натянуть капюшон и щелкнуть поводьями.

Но Карина была готова. Она бросилась вперед, чтобы перерезать поводья, которыми лошадь крепилась к телеге, и грустный, испуганный зверь рванулся прочь.

— В телеге кто-то есть! — кричала Карина. — Они кого-то похитили!

Горожане застыли в ужасе, но теперь они бросились в бой. Они схватили лопаты и достали ножи, выхватили из домов лампы и факелы и с яростными криками бросились к телеге.

Монстры пытались вытащить пленников из телеги, но люди не пускали их. Звенели крики, и чудищ отбивали, пока они не повернулись и не бежали.

Карина протиснулась сквозь толпу, и руки подняли две фигуры с земли. Они были одеты в красивые платья, на головах у них были холщовые мешки, а на руках и ногах — железные кандалы. Когда мешки сняли, Карина ахнула.

— Рева.

Рева выкрикнула имя Карины, когда кляп вытащили изо рта, и бросилась в объятия Карины.

— О, Карина. Спасибо. Спасибо!

Карина крепко обняла подругу, удивление и облегчение охватили ее, ощущаясь теплым солнцем на коже. В толпе послышался ропот, но она увидела, что люди расходятся, чтобы дать им возможность уединиться. Кто-то звал кузнеца, чтобы тот снял цепи.

Рева посмотрела на Карин, а затем на толпу, и ее улыбка дрогнула.

— Где остальные? — спросила она. Она увидела выражение лица Карины и неправильно его истолковала. — О, Карина, что с ними случилось? Где Лотти и Рохеса?

30

Серена

Утром Серена пошевелилась и подняла голову с койки Рафаэля. Она не помнила, как заснула, но явно уснула. Ее пальцы переплелись с его, и она долго смотрела на них. Она чувствовала, что краснеет, и знала, что должна убрать руку, но пока не могла заставить себя сделать это.

Она наклонилась вперед, чтобы проверить его. Она подумала, что за ночь его дыхание стало ровнее, и цвет лица стал лучше. Когда она наклонилась, устраиваясь на кровати, его глаза открылись.

Серена замерла. Их лица были слишком близко друг к другу.

— Я... — ее голос оборвался, и она кашлянула. Она понятия не имела, что собиралась сказать. — Как вы? — это все, что она смогла выдать. Казалось, она не могла пошевелиться; она была парализована смущением.

— Слабее, чем хотелось бы, — признал брат Рафаэль. Тем не менее, его голос звучал удивленно, и он заставил Серену рассмеяться.

— Вы выглядите лучше, — сказала она ему. — Мы волновались.

Кто-то возле двери многозначительно кашлянул, и Серена повернула голову. Там стоял Брат Просвещенных, глядел на них двоих. Его водянистые голубые глаза отметили румянец Серены, их сцепленные руки и даже прореху на рукаве Серены, будто все это было неприлично.

Она поспешно высвободила свои пальцы из рук Рафаэля и встала.

— Простите меня, брат. Я не видела, как вы вошли. Вы здесь, чтобы позаботиться о брате Рафаэле?

— Я пришел посмотреть, здоров ли он, — ответил Брат. В его голосе звучала тихая скрытая ярость. — Теперь я вижу, что о нем неправильно заботятся. Интересно, был ли он вообще ранен.

— Он был ранен! — гнев Серены вспыхнул. Несмотря на протест Брата Рафаэля, она сжала кулаки и посмотрела на Брата в дверях. — Он подверг себя серьезной опасности, чтобы спасти леди Авалон.

— Кажется, он очень привязан к придворным дамам, — заметил Брат, а затем бросил презрительный взгляд на Рафаэля. — Я расскажу главному священнику, что я здесь видел.

— Пожалуйста... — начал брат Рафаэль, но мужчина уже ушел.

Рафаэль рухнул на кровать. Даже от того, что он поднялся, его грудь покрылась потом, и он на мгновение закрыл глаза.

— Прости, — прошептала Серена.

Его глаза открылись, и он утомленно улыбнулся ей.

— Это была не твоя вина. Известно, что брат Эван очень строго соблюдает правила. Даже строже, чем настоятель. Несомненно, я получу суровую лекцию, но не о чем беспокоиться, — он разглядывал ее и остановился на ее рукаве. — Тебе тоже было больно.

— Ничего, — сказала ему Серена, хотя порезы ужасно болели. — По сравнению с вашими травмами, это было ничто, — слезы навернулись на ее глаза. — Я не знала, выживете ли вы.

Рука Рафаэля нежно легла на его живот. Его глаза были отстранены, он вспоминал нападение, и, нахмурившись, поднял одеяло, чтобы осмотреть раны, которые были заметны на его теле всего несколько часов назад.

— Что случилось? — спросил он.

— Вас исцелил менти, — объяснила Серена. — Помните Нико? Он целитель.

Как она и ожидала, лицо Рафаэля расплылось в утомленной улыбке.

— Разве это не прекрасно? Помощь приходит оттуда, откуда мы меньше всего ее ожидаем. Может быть, он и его товарищи-менти помогут нам исцелить больных.

— Я знала, что вы это скажете, — сказала Серена. — Возможно, он еще не предложил свою помощь, опасаясь осуждения. Возможно, если мы... — она замолчала. — Я знаю, что нам нужно сделать!

— Что? — Брат Рафаэль нахмурился.

— У меня есть план. Я... — но когда ее взгляд остановился на Рафаэле, ее сердце сжалось. — Я не хочу оставлять вас вот так.

— Идите, — сказал ей Рафаэль. — Делайте, что должна. Я буду здесь, когда вы вернетесь.

Серена усмехнулась и побежала к двери. Там она снова повернулась к нему и почувствовала, как что-то клокочет в ее груди, когда она увидела, что он все еще смотрит на нее. Затем она ушла, побежала по коридорам, кусая губу, чтобы не рассмеяться вслух. Ей казалось, что она может ходить по облакам.

В своих покоях она приказала служанке с широко раскрытыми глазами одеть ее в одно из лучших платьев. Это был красивый небесно-голубой цвет, который, как знала Серена, выгодно подчеркивал ее внешность. Ее волосы были распущены и расчесаны так, что они свободно ниспадали и блестели, и она снова поспешила прочь, не поев, остановившись

только для того, чтобы попросить передать сообщение одному из лордов. Затем она обыскала крепость в поисках Альберто.

Он учился в библиотеке. Серена остановилась в дверях, чтобы посмотреть, как наставник Альберто бубнит о склонениях. Она протянула ему руку и жестом указала на него.

— Если вы извините нас, — сказала она его наставнику, — я решила взять Альберто на прогулку в сад.

Наставник нахмурился.

— Альберто еще предстоит много учиться этим утром.

— Мы ненадолго, — сказала Серена. Она знала, что этот мужчина не мог переубедить ее. Альберто подошел, чтобы взять ее за руку, и она пошла с ним по коридорам в сады. — Как твои дела? — спросила она.

Альберто улыбнулся ей.

— Мне нравится, что Лука вернулся. Он всегда приходит пожелать мне спокойной ночи перед сном. Стефан тоже так делал, но всегда смотрел на меня так, словно ненавидел.

Сердце Серены сжалось. Стефан всегда смотрел на Альберто, как на конкурента, которого нужно убрать.

— Лука очень любит тебя, — просто сказала она. — Как и Каролина и я.

— Я знаю, — сказал Альберто. Он был полон достоинства и зрелости для ребенка. — Мы с Каролиной все утро играли в лошадей и драконов, пока меня не нашел брат Адам.

Серена рассмеялась.

— Лошади и драконы? Они кажутся странным сочетанием.

— Каролина решила, что она дракон, и мне пришлось уклоняться от ее драконьего огня. Мы использовали шарфы.

— Я рада, что вы смогли поиграть. Не говори брату Адаму, но мы с Матиасом все время ускользали с уроков.

— Ты тоже была непослушной? — брови Альберто поползли вверх. — Брат Адам сказал мне, что ты разочаруешься во мне.

Серена закатила глаза.

— Не слушай брата Адама. Я найду тебе нового наставника.

Когда они вышли на солнечный свет, она была рада увидеть лорда Ризика, прогуливающегося по саду со своей дочерью. Ориане было девять лет, и она была развита не по годам. Очевидно, лорд Ризик души не чаял в ней. Ее мать умерла много лет назад, насколько знала Серена, и Ризик послал за Орианой, как только была взята Крепость Несры. Она бежала впереди отца по садовой дорожке, но остановилась, увидев Серену, и сделала реверанс.

— Ваше высочество, — она немного покачнулась, когда подошла, явно стремясь бежать дальше, но все же следя за своими манерами.

— Привет, Ориана, — ответила Серена. — Вы встречались с Альберто?

— Нет, — Ориана сцепила руки за спиной, смущенная. — Привет, Альберто.

— Ты — зантийка? — спросил Альберто, широко раскрыв глаза. — Я никогда раньше не встречал зантийцев.

— Альберто, — упрекнула Серена.

— Извиняюсь. Хочешь увидеть большую золотую рыбку в фонтане?

Когда Ориана кивнула, он побежал вперед, перепрыгнул несколько кустов. К удовольствию Серены, Ориана последовала его примеру, подняв юбки, чтобы тоже прыгать.

Даже достойный, зрелый ребенок любил побегать всякий раз, когда у него был шанс.

Лорд Ризик покачал головой, но его губы весело дрогнули.

— Ориана всегда была энергичной. Ее гувернантки говорят мне, что я недостаточно хорошо держу ее в узде, и, несомненно, они правы. Но у нее улыбка матери, и я понимаю, что не могу устоять перед ней.

Серена прикрыла глаза рукой и смотрела на двух детей, играющих у фонтана.

— Для детей полезно бегать и играть, — сказала она. — Иногда я беспокоюсь об Альберто. Он послушный мальчик. Думаю, ему нужно больше смеха и игр.

— С юной аристократкой его возраста? — проницательно спросил лорд Ризик.

— Да, — Серена кивнула, показывая, что поняла. — Я хотела посмотреть, поладят ли они вдвоем. Кажется, да.

Лорд Ризик помедлил, поравнялся с ней на тропинке, а затем сказал:

— Простите меня, Ваше Высочество, но я всегда предпочитал говорить прямо, когда это было возможно.

— Должно быть, трудно быть советником, — сказала Серена. — Уже трудно быть принцессой с такими же наклонностями.

Лорд Ризик рассмеялся.

— Но, говоря откровенно, — продолжала Серена, — я думала о помолвке Альберто с вашей дочерью. Видите ли — опять же, буду говорить прямо для нашей выгоды — я хочу заключить более прочный союз между Зантосом и Эсталой.

— Я понимаю. А у лорда Тиниана нет подходящих детей.

— Именно так, — сказала Серена. — Но поскольку в Зантосе нет короля в том смысле, что у нас, я надеялась, что вам понравится эта пара — «вы», конечно же, являетесь советом.

— Я думаю, это во многом будет зависеть от того, что повлечет за собой союз, — через мгновение сказал лорд Ризик. — Сделка может быть приятной, но она должна быть надежной в корне.

— Ах, вы неправильно поняли, — Серена посмотрела на Альберто, который теперь рассматривал камни вместе с Орианой. — Вы явно обожаете свою дочь, лорд Ризик. Хотя у меня нет детей, Альберто — мой брат, и я люблю его всем сердцем. Лука чувствует то же самое. Он проверяет Альберто каждую ночь. Он всегда был мил со всеми своими братьями и сестрами. Лука и я сделали бы все, чтобы Альберто был счастлив. Если он будет в Зантосе и, возможно, когда-нибудь даже станет членом Золотого Совета, это будет нашим способом пообещать вам, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы сделать его жизнь счастливой и процветающей, как и жизнь всех вокруг него в его новом доме.

Лорд Ризик остановился и посмотрел на Серену с новой признательностью.

— Значит, это тоже воля принца Луки?

Нет. Серена сглотнула и надеялась, что это не слишком очевидно.

— Он выразил сомнения, — призналась она. — Он не хотел продавать Альберто — как бы вы сказали, по выгодной цене. Он не король, который готов использовать свою семью в качестве пешек. Но, видя, что Альберто доволен и в безопасности... — она посмотрела на двух детей и задумчиво нахмурилась. — Это другое. Если бы Альберто был счастлив уйти, счастлив быть в союзе, для Луки это имело бы огромное значение.

Короткий кивок лорда Ризика свидетельствовал о согласии.

— Если бы принц Лука попросил, я не отказал бы. Это такой же хороший брак, как и любой другой.

— Что? — спросил лорд Тиниан.

Серена повернулась, стараясь оставаться бесстрашной. Она была рада получить предварительное одобрение лорда Ризика на брак. Это подсказывало ей, что она, вероятно, нашла хорошее решение, и ей не терпелось узнать, что об этом думает лорд Тиниан. Она указала на Альберто и Ориану.

— Лорд Тиниан. Я позвала вас сюда, чтобы обсудить вопрос, затрагивающий Золотой Совет и королевский дом. Я хочу соединить принца Альберто с дочерью лорда Ризика в знак прочного союза между нашими народами, а не просто чтобы поднять Луку на трон.

Брови лорда Тиниана слегка приподнялись, пока он смотрел на детей.

— Очень интересная мысль, принцесса Серена. Я тоже рассматривал брак как средство скрепить наш союз.

Кожу Серены покалывало. По небрежному тону лорда Тиниана у нее сложилось впечатление, что он имел в виду определенный союз. Лорд Ризик пристально посмотрел на него, и Серена увидела, что Второй советник тоже не знал, что задумал лорд Тиниан.

Как ни странно, это успокаивало. Серена решила ничего не говорить о запланированной свадьбе лорда Тиниана. Если бы она смогла показать этот брак с лучшей стороны, возможно, он заменил бы все, что имел в виду лорд Тиниан. Ведь у него самого детей на выданье не было, а жена была. Чего еще он мог желать?

— Альберто молод, — сказала она, — но я думаю, это пойдет на пользу. Он многое узнает о Зантосе, пока живет там, и, возможно, однажды станет членом вашего Золотого Совета. Как я сказала лорду Ризику, присутствие Альберто в Зантосе будет нашим обещанием вам, что мы будем стремиться к процветанию Зантоса. Это будет его дом больше, чем Эстала. Мы хотим, чтобы ему там жилось хорошо.

Лорд Тиниан внимательно разглядывал Серену, и у нее возникло ощущение, что она сказала что-то, чего он не ожидал. Он казался нерешительным, но принял эту идею.

— Прекрасное обещание, принцесса Серена, — сказал он. — Очень хорошее обещание. Лорд Ризик и я должны обсудить это, но я думаю, что Зантос это устроит.

Серена кивнула. Здесь она получила очко, она это видела, но у нее также было ощущение, что другие планы лорда Тиниана все еще были в работе.

«Уходи, змея, — подумала она. — Оставь нас в покое. Возвращайся в свой золотой дворец и позволь Луке править без твоего вмешательства», — но она придала своему лицу приятное выражение, изогнув уголки губ, лишь чуть-чуть, как сделала бы любая хорошая принцесса. Она не позволит лорду Тиниану увидеть ее истинные мысли.

31

Лука

Лука сжал кулак и постарался не поддаваться своему разочарованию. Стремясь принимать больше собственных решений, он пригласил генералов в свои покои, чтобы угостить их. Он хотел обсудить с ними передвижения армии. Казалось бы, по-королевски снабдить их вином и едой, пока он говорил с ними. В этой маленькой комнате, без остального совета, ему не нужно было бояться обычных стычек, отравлявших его дни.

Но генералы были не так счастливы, как он думал, тому, что они будут стоять в стороне и удерживать войска от битвы. Лука не мог этого понять. Никто не хотел вести войска в бой только для того, чтобы их убили. Конечно, даже лорд Тиниан не мог возразить, что спасение жизней солдат было хорошей идеей.

Генералы не согласились.

— Принц Лука, — сказал лорд Ферин, — пожалуйста, поймите. Мы хотим только обезопасить вас.

— Я знаю это, — отрезал Лука. Он глубоко вдохнул и попытался вести себя так, как вел бы себя его отец. — Благодарю вас, — сказал он более спокойно. — По правде говоря, лорд Ферин, ваша осторожность делает вам честь. Я благодарен своим генералам за то, что они предложили пойти навстречу опасности ради меня.

Он оглядел комнату и сумел улыбнуться им. Это был не его выбор генералов, но он должен был признать, что они подвергают себя опасности, и он должен уважать это.

— Однако, — сказал Лука, сцепив пальцы под подбородком, как его отец делал раньше, — у меня есть способности, которыми не обладают другие в армии. У Стефана тоже есть такие способности, как я объяснил.

Генералы переглянулись. Они не верили ему в том, что Стефан был драконом. С одной стороны, Лука не мог их винить. Ему пришлось бы потрудиться, чтобы поверить в это, если бы он не видел это своими глазами. Однако он видел это своими глазами, и теперь он пытался уберечь армию от уничтожения.

— Когда я впервые сразился со Стефаном, — сказал он им, — он был слабым. Теперь он может быть значительно сильнее. Дракон — это не только разрушительная сила с точки зрения когтей и зубов, но и отличная подвижность. Стефан сможет уничтожить любую армию, которую мы выставим на поле боя. Сгруппировав наших солдат вместе, вы сделаете их лишь заманчивой мишенью для летящего в воздухе дракона.

Лорд Роккан понял это, обиженно подумал он.

— Я могу драться со Стефаном, — сказал Лука, когда генералы по-прежнему ничего не сказали. — Я могу победить его. Мне нужно, чтобы вы удержали армию от вступления в бой, чтобы хорошие жизни не были потеряны.

Лорд Ферин вздохнул и потер переносицу. Он был относительно молод, и у него были длинные золотые волосы, собранные в косу на затылке. Сегодня он был очень хорошо одет и, по мнению Луки, не очень походил на генерала.

На этот раз заговорил лорд Треван:

— Принц Лука, — прямо сказал он, — было бы плохой стратегией связывать всю нашу оборону с одним бойцом, кем бы он ни был. Вы говорите, что у вас есть силы, чтобы победить Стефана. Мы верим, — его тон был менее уверенным, чем его слова. — Но у Стефана тоже есть армия.

— Где? — спросил Лука. — Есть истории о многих, кто вступил в ряды Аниоса, но это крестьяне, а не солдаты. Сообщений о каких-либо армиях нет. Мы бы знали, если бы они были где-нибудь в сельской местности. Мы можем предположить, что Стефан скрывается, а его армия рассеялась.

— Со всем уважением, принц Лука, мы не можем этого предполагать, — лорд Треван был непреклонен. — Как мы сказали, лучше всего послать войско в деревню с помощью крестьянам — продовольствием и подспорьем для полей. Пока мы рассредоточены по стране, способные быстро реагировать на любые сообщения армии, наши солдаты могут помочь с урожаем и раздать лекарства. С таким количеством людей, пораженных чумой, это был плохой год. Наши солдаты могут заслужить вам расположение, принц Лука.

Лука стиснул зубы. Ему это не понравилось. Он не хотел, чтобы его солдат на поле боя убивали одного за другим. Хуже, казалось, что того, что он делал, было недостаточно. Он держал рабочих в Садах Аниоса в рабстве, чтобы обеспечить жителей лекарствами, и для

чего? Он слышал сообщения о том, что люди все еще были на грани восстания из-за плохих урожаев. Лука делал все, что мог. Неужели люди этого не видели?

— Оставьте меня, — резко сказал он. Если они только собирались спорить с ним, он не станет слушать.

— Принц Лука...

— Я сказал: оставьте меня.

Он отвернулся, они вышли из комнаты. Он слышал, как они бормочут друг с другом на лестнице. Что они говорили? Что он не достоин носить корону?

Он снял обруч и бросил его через всю комнату. Он не был королем. Они откладывали его коронацию, потому что не были уверены, что он сможет стать королем.

Он должен быть коронован. Только тогда он начнет пользоваться их уважением.

Он подошел к окну, чтобы посмотреть на сады. Он мог видеть, как Альберто играет на солнце, что его удивило. Обычно в этот час Альберто усердно работал со своими учителями. Альберто, как и Лука, никогда серьезно не боролся за трон, но, тем не менее, принц серьезно относился к своим обязанностям.

Лука посмотрел в сад. Альберто играл с девочкой, которая, судя по цвету лица, скорее всего, была зантижкой. Потом увидел Серену, идущую с лордом Ризиком. Тогда, возможно, это была дочь лорда Ризика. Лука знал, что Второй советник привез дочь в Эсталу, в первую очередь как возможность для нее увидеть мир, но также и как сигнал, подумал Лука, что зантижцы намерены оставаться в Эстале надолго.

О чем говорили Ризик и Серена? Лука нахмурился, а затем помрачнел еще сильнее, когда лорд Тиниан подошел, чтобы поговорить с Сереной. Хотя эти двое часто расходились во мнениях на собраниях его совета, теперь Тиниан и Серена, казалось, были очень дружелюбны друг к другу.

Лука выскользнул из своих покоев и спустился по лестнице, почти не останавливаясь, чтобы кивнуть стражам, приветствовавшим его. Он шел так быстро, как только мог, не скатываясь по лестнице, и, наконец, вышел в один из укромных уголков сада. В юности он провел здесь много часов, играя в прятки с Ревой, поэтому знал, где его не увидят.

Он подобрался как можно ближе к тому месту, где вместе шли Тиниан, Серена и Ризик.

— Значит, вы хотите, чтобы принц Альберто жил в Зантосе? — говорил лорд Тиниан.

— Да, — без колебаний ответила Серена. — Я думаю, что это необходимо. Как лучше понять, какие вопросы жизненно важны для зантижцев? Думаю, Альберто будет для вас большим подспорьем. Он юный, но он умный мальчик, и он очень хорошо осознает свой долг.

— Честно говоря, Ваше высочество, я подозреваю, что вы разместите собственного агента под нашей крышей, — сказал лорд Ризик. Он звучал нерешительно, но, как будто хотел говорить честно. — Что мешает мне так думать, так это тот факт, что Альберто так юн.

— Да, — снова сказала Серена. — И я надеюсь, что мы сможем увидеть дальше прошлого нашей истории как врагов, милорды. Дело не в том, чьи агенты находятся под чьей крышей. Речь идет о понимании того, что Зантос и Эстала процветают, когда в мире. Мы могли бы провести годы, борясь за положение, пытаясь выжать как можно больше из каждого договора, или мы могли бы оставить это прошлое позади. Я верю, что этот брак поможет нам, построив новое будущее, которое будет существовать намного дольше, чем обычные заявления о дружбе. Альберто и Ориана будут представлять новый союз интересов

зантийцев и эсталанцев.

Лука нахмурился. Он сказал Серене, что не хотел торговаться своими братом и сестрами, но вот она заключает сделку без него. Она действовала против его интересов, как и предполагали Тиниан и Йозеф.

Более того, Серена говорила так, словно восседала на троне. Она годами обещала зантийцам его благосклонность — или, как подумал Лука, *ее*. Внизу живота возникло болезненное ощущение. Его отец говорил им всегда быть осторожными с теми, кто находится рядом с престолом. В случае со Стефаном их отец правильно беспокоился.

Возможно ли, что за тихой, уважительной манерой поведения Серена была такой же плохой, как и Стефан?

Лука развернулся и снова поднялся по лестнице в свои покои. Он кипел. Он больше не мог доверять Серене. Хуже, один из немногих людей, которым, как он думал, он мог доверять, теперь пропал, возможно, был мертв.

Он зажмурился и прислонился к стене. Последние несколько дней он делал все, что было в его силах, чтобы забыть о пропаже Ревы. Он прочитал больше политических документов, чем ожидал. Он пригласил генералов на встречу. Он тренировался с Йозефом, пока не подумал, что упадет в обморок.

Ничто из этого не помогло ему забыть, что она пропала. Она пришла к нему только для того, чтобы он разочаровал ее, а затем увидел, как ее похитили. Он даже не охранял ее, пока она была в Реялоне.

Лука присел на корточки и постарался не застонать вслух. Ему казалось, что голова раскалывается, и он вцепился пальцами в кожу головы, чтобы устоять на ногах. Он споткнулся и подошел к столу, чтобы налить себе кубок вина и выпил ее залпом.

Он уставился на свой обруч, лежавший в углу комнаты, и его рот горько скривился. Он не был королем, и он был один. Они все кружили, желая его силы, желая сбросить его с дороги.

Как он должен был победить Стефана, если у него даже не было поддержки самых близких?

32

Рева

Жители деревни были добры, не знали, что эти три женщины были менти. Для них были найдены комнаты в постоялом дворе, и горожане по очереди стояли на страже, пока деревенский целитель лечил раны Ревы и Карлии. Карлия все еще чувствовала себя ошеломленной после удара по голове и дней, проведенных в душной сухой тележке.

Хотя Рева не пострадала, она чувствовала себя разбитой. Они были захвачены в поле зрения Крепости Несры. Похитители везли их к Стефану, который, по словам Карины, утверждал, что он возрожденный Аниос, и не щеголял своим королевским происхождением.

Даже в этой деревушке нашлись те, кто говорил о присоединении к таинственному Богу. Говорили, что Лука ничем не лучше Стефана, что он вернулся с армией зантийцев, менти у него на побегушках, и ходили слухи, что он убил собственного брата. Рева не раз слышала шепот: *Оттого и чума...*

Она не перечила им. К своему стыду, она слишком боялась за себя, чтобы защищать менти.

Карлия и Карина, казалось, чувствовали то же самое. Никто из них много не говорил, хотя Карина шепотом объясняла, что она сделала в Садах Аниоса. А потом Рева рассказала

Карине о Крепости Несры. О том, что Лука держит Сады открытыми.

— Мне не удалось уговорить Луку, — она сердито покачала головой. — Боюсь, я упустила шанс научить его правильному поведению.

Карина обдумала это. Лошадей готовили к возвращению, а Карлию лечили в постоянном дворе. Рева и Карина прогуливались по деревне под пристальными взглядами горожан. Они пытались предложить помощь вдове Аделин, которая кормила Карину в первый день ее пребывания здесь, но женщина не стала принимать их помощь сейчас.

«Вы аристократка, — сказала она, когда ее спросили об этом. — Знатным леди не следует выполнять тяжелую работу с нами, народом», — у Ревы возникло ощущение, что она рада их предложению, но не позволит им сделать даже мелочи.

Теперь Карина смотрела на небо. Был безоблачный летний день, и ветерок развеивал ее золотистые волосы. Реве Карина напоминала статую, худую и грустную, но прекрасную.

— Что сказал тебе Лука, когда узнал, что ты была в Садах Аниоса? — сказала она, наконец.

— Он сказал мне, что сделал условия лучше, но еще не может освободить рабов, — с горечью сказал Рева. — Он был очень возмущен.

— Тогда он понял, что поступает неправильно, — сказала Карина. Она изучала Реву. — Не твоя работа — сделать из него хорошего человека.

— Не моя, — Рева неуверенно растянула слова. — Но брат Аксил — он был гувернером Луки, когда мы были детьми, — сказал мне, что никто не стоит в стороне от всех остальных. Мы все иногда полагаемся на друзей, чтобы они напомнили нам о правильном пути.

— Я полагалась на то, что ты поступишь правильно, — жалобно сказала Карина. — Я не лучше Луки. Я оставила их там, Рева. Я оставила Лотти и Рохесу.

— Нет. Это не одно и то же, — возразила Рева. — Ты собиралась вернуться за ними. Ты хотела, чтобы они были освобождены, а не спасти себя и оставить их там навсегда, — она протянула руку, чтобы схватить Карину за руку. — Мы освободим их, Карина. Я помогу Луке стать королем, каким он должен был быть, чего бы это ни стоило.

Карина улыбнулась, и две женщины повернули головы на крик. Другая повозка была приготовлена и запряжена лошадьми, и Карлию вели к ней, пока загружали припасы.

— Вам не понадобится много времени, чтобы вернуться в Реялон, — сказал трактирщик, когда Рева и Карин подошли к повозке. — Похоже, эти звери возили вас по лесам и проселочным дорогам, чтобы никто не увидел, кто они. Вам повезло, что с лошадью было плохо, иначе они бы не остановились.

Рева кивнула. Она прекрасно понимала, насколько маловероятным было их спасение. Лошадь нашли через несколько часов после того, как Карина перерезала поводья, она дрожала и чуть не упала в поле. Один из мальчиков-конюхов через некоторое время смог заманить ее обратно, но она все еще была пугливой.

— Вот, — трактирщик передал Реве лист бумаги с сургучной печатью и неровными каракулями подписи. — Даниэль позаботится о тебе, пока ты не доберешься до «Холма Холта». Трактирщик узнает мою печать. Скажи ему, чтобы дал новых лошадей, а потом мы все уладим.

Реве хотелось обнять его, но она знала, что он будет смущен. Вместо этого она сделала реверанс, помня о своих манерах.

— Благодарю, — честно сказала она. — Я попала в ловушку кошмара, и вы все пришли мне на помощь.

Он улыбнулся и кашлянул.

— Это не больше, что мы должны делать друг для друга, миледи. Вы скажете им это в Крепости, хорошо? Кто там будет править, когда вы вернетесь, — он явно подумал, что это отличная шутка, поэтому Рева нашла для него улыбку.

Тем не менее, она хотела, чтобы он знал, что она сделает все, что в ее силах.

— Скажу, — сказала она. — И я хочу, чтобы вы знали, я расскажу тому, кто на престоле, о том, что я видела, — о людях, об урожае и чуме. Я буду бороться за то, чтобы тот, кто там сидит, помогал всем вам.

— Мило, — он грустно улыбнулся ей. — Но мы знаем, как устроен мир, миледи. Короли любят грандиозные жесты и большие завоевания. Мелкие дела королевства не имеют для них большого значения. Мы знаем. Мы не будем считать вас виноватой, если ничего не изменится.

Рева сглотнула и подошла к телеге. Из всего, что она слышала, пока была здесь, это было самым обескураживающим. Бедняки верили, что никто не собирался им помогать, и они принимали это как не более чем нормальный ход вещей...

В юности она думала, что Эстала преуспевает и счастлива. Очевидно, она ошибалась.

Их обратный путь по дорогам был приятным. Поначалу Даниэль, казалось, испытывал благоговейный страх в присутствии трех аристократок — они решили дать ему поверить, что Карина и Карлия тоже были дамами, — но с течением времени он ощутил себя комфортнее. К тому времени, когда наступила ночь, и они увидели, как вдалеке мерцают огни «Холма Холта», все четверо пели песни, которым научили друг друга, и когда на следующее утро они расстались в трактире, Рева обняла его и улыбнулась, когда его щеки порозовели.

— Ты добрый и смелый, — сказала она ему. — Твоей деревне повезло, что в ней есть такой человек, как ты. Мы все благодарим тебя за то, что ты сделал.

— Пустяки, миледи, — но он поклонился, как только мог, и поспешил прочь с розовыми ушами и улыбкой на лице.

По мере приближения к городу Рева нервничала все больше. Они были уже почти у ворот, или им так казалось, когда они наткнулись на отряд солдат, ищущих «леди Реву Авалон и Карлию». Они были ошеломлены, обнаружив трех женщин вместо двух, но Рева умело отдавала приказы после года, проведенного при дворе. Она просто вскинула голову и улыбнулась, и трех женщин посадили на лошадей, чтобы они поехали обратно ко двору.

В Реялоне люди отходили в сторону, чтобы посмотреть, как мимо проезжают лошади. Должно быть, они слышали о поисках Ревы, потому что раздавались шепоты и взгляды, и несколько человек выкрикивали имя Ревы.

— Что они говорят? — спросила Рева.

— Они помнят, что ваших родителей убил менти, миледи, — объяснил лейтенант. — Они боятся слухов о том, что принц Лука — менти. Простите меня, госпожа. Я лишь повторяю то, что они говорят. Они думают, что вы — талисман на удачу, та, кто все исправит при дворе.

Рева повернулась к дороге. Она попыталась улыбнуться людям, которые окликали ее, но больше не могла заставить себя это делать. Гнев закипал внутри нее. Стефан был менти, как и Лука, и своей политикой он только навредил стране. Но ему удалось настроить людей против Луки и тех, кто не желал им зла.

Она все еще злилась, когда ворота Крепости Несры распахнулись, и они прошли во двор. Женщин спустили с лошадей, а в залы совета отправили гонцов. Рева схватила Карину за

руку и обнаружила, что была в ужасе. Лука был непредсказуем, Реялон нестабилен, и вокруг была угроза, с которой им вскоре придется столкнуться вместе. Но она сталкивалась с неопределенностью в прошлом и разберется с ней снова.

Сэм прибыл первым, пробежал через двор, чтобы обнять Карлию. Братья и сестры перешептывались со слезами на глазах. Это был их худший кошмар с тех пор, как они спрятались, и Сэм явно боялся, что никогда больше не увидит Карлию.

Когда он повернулся к Реве, она увидела, как его взгляд скользнул по Карине, но только рассеянно. Он шагнул к Реве и открыл рот, но, похоже, не знал, что сказать.

— Ты жива, — сказал он, наконец.

Рева сделала два шага и бросилась в его объятия. Она крепко обняла его.

— Прости, — прошептала она.

— Ты извиняешься? — он неловко рассмеялся. — За что?

— Я подвергаю нас опасности, — со стоном сказала Рева. — В тот день мы отказались от стражи, и когда мы шли по переулку, я препиралась с тобой. Я ушла с Карлией. Если бы мы не были одни, нас могли бы и не схватить. Прости, Сэм.

— Что случилось? — он отстранился от нее. Раздался крик и звук приближающихся стражей, но он не отводил взгляд от ее глаз. — Почему они похитили вас?

— Они везли нас к Стефану, — объяснила Рева. — Ходили слухи, что он будет пить кровь. Думаю, он верит, что если убьет всех остальных драконов и выпьет нашу кровь, то получит наши силы.

— Это смешно, — усмехнулся Сэм.

— Да. Но у него есть поклонники, — Рева покачала головой. — Я должна сказать Луке. Стефан притворяется богом, Сэм, и люди ему верят.

— Рева, — голос Луки вклинился между ними, и она обернулась.

Он стоял рядом, глядя на нее с тяжело вздымающейся грудью. По его красному лицу было ясно, что он пробежал всю крепость. Он смотрел на нее так, будто тоже не ожидал увидеть ее снова.

— Лука, — Рева увидела, как Сэм отвел взгляд, когда Лука подошел. Его чувства к Луке были очевидны, но Рева не знала, что она чувствует. Что бы ни думал Сэм, когда-то Лука был очень дорог Реве. Она знала, что намеревалась стать его советником. Она со всем разберется, подумала она. Как-то.

Конечно, ей еще не нужно было принимать решение.

— Я думал, ты умерла, — сказал Лука. Он подошел к Реве и тихо заговорил. — Я думал, что ты мертва, и у меня никогда не будет шанса все исправить.

— Что ты имеешь в виду? — Рева смотрела на него. Надежда зашевелилась в ее груди.

— Ты была права, — сказал ей Лука. — Я был дураком. Сады должны быть закрыты. Я не могу быть королем, который использует людей. Я никогда не хотел быть таким человеком, — к ее удивлению, он сердито посмотрел на Серену, но потом снова посмотрел на Реву. — Люди в моем совете пресыщены. Они говорят об этих темах так, будто на кону нет человеческих жизней. Но ты, Рева, была со мной честна. Я не мог перестать думать о выражении твоего лица, когда ты узнала, что я сделал. Ты была права. Оставайся здесь. Советуй мне.

— Конечно, — со смехом сказала Рева. — Лука, мы многим делились друг с другом, когда были детьми. Я знаю, ты никогда не хотел всего этого, но ты будешь хорошим королем, и я буду рада помочь тебе, чем смогу.

— Чем сможешь? — спросил он.

— Да. Лука...

— Рева, — он сжал ее руки. — Прошло много лет с тех пор, как мы были обручены, но как ты думаешь, ты все еще можешь переживать за меня?

— Конечно, я переживаю, — слова вылетели сами. — Лука, я всегда буду заботиться о тебе. Ты...

Ее слова оборвались, когда он опустил колени на пыль двора.

Нет. Но она не могла пошевелиться, и его лицо сияло, когда он смотрел на нее.

— Леди Рева Авалон, — сказал он. — Мы были обручены однажды, и тогда мы были самыми счастливыми. Нам суждено быть вместе, Рева. Я искренне в это верю. Выходи за меня замуж, Рева. Будь моей королевой.

Кровь отхлынула от ее лица, когда она увидела своего друга детства, стоящего перед ней на коленях. Теперь он был мужчиной, и она уже не знала, каким. Он был королем или скоро им станет, а она еще не знала, каким королем. Когда она думала о своем будущем с ним, она представляла цепи.

Но он был ее королем, и они были окружены другими людьми. Она не могла отказать королю. Да?

И были Реялон, чума, Стефан, Сады и Эстала. Весь беспорядок требовал жертв и храбрости, чтобы его исправить. Она подумала о Даниэле, его матери и мужчинах, которые защитили их в деревне. Ни один король не поступил правильно с этими людьми. Если она выйдет замуж за Луку, она сможет дать ему совет. Она сможет подтолкнуть его в правильном направлении, когда он потерпит неудачу. Она сможет помочь жителям Эсталы.

Был только один ответ. Она знала это.

— Да, — пробормотала Рева. Она не смотрела на Сэма. Она не могла этого вынести. Но ее взгляд остановился на Тане, и она увидела внезапную боль на лице женщины.

Рева выдавила улыбку, когда Лука засмеялся и закружил ее, а затем поднял ее руку перед собравшимися людьми.

Это было неправильно, но она не знала, как сделать все правильно.

33

Серена

Серена быстро прошла по коридору к одному из залов совета. После вчерашнего волнения сегодня заседание совета не проводилось, но она стремилась добиться успехов в делах королевства. Она отправилась на поиски брата Рафаэля, но он уже покинул лазарет. Она слегка улыбнулась этой мысли. Он никогда не отдыхал, даже когда должен был. Она намеревалась дразнить его за это, когда увидит в следующий раз.

К ее удивлению, когда она вошла в комнату, ее ждал не только лорд Роккан, но также Рева и мужчина, в котором Серена узнала Джеральдо. Джеральдо хмурился, а Роккан выглядел неуверенно, но Рева с улыбкой встала и поцеловала Серену в щеку.

Серена улыбнулась в ответ. Она была рада видеть, что Рева хорошо выглядит. Когда накануне Лука делал предложение руки и сердца, Серена увидела шок и неуверенность на лице Ревы и не хотела, чтобы королевский брак был заключен без желания обеих сторон. Но ей всегда нравилась Рева, и она была бы рада видеть эту женщину в качестве невестки. Рева вернулась из путешествия намного сильнее и мудрее своих семнадцати лет.

— Надеюсь, вы не возражаете, — сказал Рева, — но, приехав из деревни, я просто не могла сидеть и ждать возобновления дел. Я слышала, что вы встречаетесь с лордом

Рокканом, и я подумала, что мы с Джеральдо могли бы вам помочь.

Джеральдо хмыкнул, что-то среднее между согласием и ворчанием.

— Простите, что спрашиваю, — с любопытством сказал лорд Роккан, — но почему вы думаете, что можете помочь с военными делами?

Серена старалась не морщиться. Прямолинейность, которая хорошо служила Роккану в руководстве солдатами, вряд ли способствовала гладкому ходу двора.

Но Рева не обиделась.

— Я, правда, не очень разбираюсь в военных делах, но Джеральдо разбирается. Он возглавляет менти, которые обучали Луку, и вы вдвоем сможете координировать свои действия, чтобы использовать менти, чтобы наилучшим образом усилить войска, которые уже есть у Луки. Между тем, я могу рассказать вам об условиях во многих регионах Эстала.

Густые брови Роккана приподнялись.

— Тогда ладно, — он деловито кивнул. — С чего начнем?

Серена высыпала из бархатного мешочка металлические маркеры и начала расставлять их по местам.

— Самое главное, что мы теперь знаем, что Стефан ходит по деревням, собирая поклонников не как он, а под псевдонимом «Бог». Мы знали о таком человеке, но не понимали, кто он такой. Должно быть, он довольно быстро оправился от болезни.

— Как он собирается занять трон, не сказав им, кто он такой? — спросил Роккан.

— Он утверждает, что является возрожденным Аниосом, — Серена не могла сдержать насмешку в своем голосе. — Он всегда был склонен к драматическим историям. Если вам нужна правда, я думаю, что брат Миккел слишком его подбадривал. Возможно, Миккел даже стоит за этим фарсом. Он всегда был фанатиком. Я думала, что это была просто политическая тактика.

Джеральдо пошевелился.

— Власть кружит человеку голову, — хрипло сказал он. — Возможно, это началось как ложь, а потом он начал в нее верить.

Серена посмотрела на него с новым уважением. Судя по паре коротких встреч, Джеральдо, как правило, казался вспыльчивым, но он знал человеческую природу.

— В любом случае, этот человек — плохая новость, — Джеральдо покачал головой. — Не важно, политик он или сумасшедший. Он все еще делает хуже для менти. Подозреваемых менти скоро будут сжигать во всех деревнях, если он не остановится. Вот из-за такой ерунды я и спрятал остальных.

Серена и Роккан переглянулись. По выражению лица Роккана она могла сказать, что он никогда не думал об этом. Никто из них не думал. Когда-то менти были врагами, а теперь они, по-видимому, ими не были, но для менти мир по-прежнему оставался опасным местом, полным врагов.

— Должна согласиться, — тихо сказала Рева. — Мы бы не осмелились рассказать кому-либо, кто мы такие. К счастью, никто не ждал, что мы должны знать, почему улези нас схватили, но если бы они потребовали объяснений, мы бы солгали. Это был бы единственный безопасный путь. Каждый раз, когда я вижу людей в мантиях, я беспокоюсь, что Сестры снова идут за мной, — она сделала паузу и кашлянула. — Люди там в отчаянии. Они делают то, о чем никогда бы не подумали. Когда урожай плохой, эпидемия чумы и твоя семья умирает, ты можешь подумать, что ничего не потеряешь и все можно получить, следуя за кем-то вроде Стефана. Он утверждает, что его последователи очистят землю, и что, когда

Аниос будет рад, чума прекратится. Неважно, ненавидели люди менти до этого или нет. Они жертвуют ими ради шанса спасти свои семьи.

— Вряд ли это военная проблема, — возразил Роккан.

— Да? — Рева посмотрела на него ясными глазами. — Стефан привлекает всех сельских жителей к своему делу, лорд Роккан. Если ему это удастся, Лука может выиграть войну, но на каждом шагу будет сталкиваться с восстаниями. Нам нужно больше, чем военный план. Нам нужна доброжелательность и хорошая информация.

Серена прикусила губу.

— Я знаю, что генералы Тиниана советовали Луке посылать солдат на помощь в поле, пока не появится армия, с которой можно будет сражаться. Они приносили с собой еду и лекарства, а потом помогали с урожаем.

— Это неплохая идея, — Рева кивнула. — Люди в деревнях были очень добры ко мне, хотя знали, что я — аристократка, но было ясно, что они не ожидали, что мы поможем им. Они говорили, что короли озабочены великими завоеваниями, а не мелкими делами вроде того, чтобы у них было достаточно еды.

— Это неправда! — Серена была в ужасе.

— Я тоже не думала, что это правда, — тихо сказала Рева. — Когда я была ребенком, у моей семьи были хорошие отношения с нашими фермерами. Они могли прийти поговорить с нами. Когда я пришла в Крепость Несры, я подумала, что здесь то же самое. Но люди в сельской местности так не считают, и это не могло быть просто из-за Стефана. Думаю, войны твоего отца против менти казались им делом королей, а не простого народа. Событие, за которое они должны были платить налоги и посылать людей воевать, но оно ничуть не изменило их жизнь к лучшему, — она увидела гнев Серены и встретила с ней взглядом. — Прошу прощения за то, что говорю это, Серена, но это правда.

— Я знаю, — Серена отвернулась и спрятала лицо в ладони. — Я знаю. Ты никогда не говорила что-то просто для того, чтобы шокировать. Но, Рева, мы так упорно боролись, чтобы дать людям хорошую жизнь. Даже мой отец. Он искренне верил, что менти представляют угрозу. Разве ты этого не видишь?

Рева сжала губы в тонкую линию.

— То, что он сделал, было ужасно, — сказала она, — независимо от того, верил он в это или нет. Я могла бы простить его за войну или за Сады Аниоса, но не за то и другое одновременно. Он был таким, каким его считали люди. Он убивал менти, а затем оставил их в живых, потому что они приносили деньги. Мы не можем повторять такие ошибки, если хотим иметь поддержку народа. Мы ее не получим.

Лорд Роккан прервал напряжение в воздухе. Он встал и стал умело передвигать маркеры.

— Мы будем использовать священников для помощи, — сказал он пренебрежительно. — Они вечно твердят о служении и обетах бедности. Пусть работают в поле и предлагают утешение — настоящее утешение, а не дикие обещания — и несут лекарства больным. Теперь, когда мы знаем, где Стефан, нам не нужно ждать его, сосредоточив наши силы.

Забыв ссору, остальные столпились вокруг стола.

— Что нам нужно, — объяснил Роккан, — так это хороший способ выманить Стефана, не жертвуя нашей армией или городом. Лука указал в начале, что дракон может нанести ущерб пехоте. Любое большое собрание будет уязвимо.

— Но это неплохой способ заманить его в ловушку, — заметил Джеральдо. — У меня есть маг воды, которым можно воспользоваться, а Джосс может двигать воздух. Мы сможем нейтрализовать пламя дракона и удержать на месте для арбалетов.

— Это мысль, — Роккан решительно кивнул. Серена подумала, что ему это нравится. Для него менти, как правило, не были ни хорошими, ни плохими, были просто еще одним оружием, которое он мог использовать. Ему нравилось решать головоломку, как их разместить.

— Пусть Лука поедет ему навстречу, — предложил Джеральдо. — Не давайте Стефану добраться до ворот. Ему придется выйти к нам немедленно, но чем дольше он ждет и собирает поддержку, тем хуже для нас. Вместо того чтобы впустить его в замок, мы пойдем в течение следующих нескольких дней без его ведома, быстро объединимся и вынудим его вступить в бой.

— И оставить Крепость Несры незащищенной, — возразил Роккан.

Джеральдо колебался.

— Вы никогда не защищали замок, да? — спросил Роккан. Особой неприязни не было, только факты. — Стефан может быть в отчаянии. Возможно, он собирает добрую волю людей в надежде, что сможет заставить Луку уйти, настроив против него всю страну. Возможно, это его план, но я не уверен. Мне не нравится это. Думаю, он планирует нечто большее. Возможно, наемников. Может, что-то другое. У него были сторонники в армии. Куда они делись?

Серена сглотнула, глядя на карту. Где-то спряталась армия. Армия в руках одного человека, который вполне мог быть сумасшедшим, и другого, жадного до власти убийцы.

— Что насчет этого? — Джеральдо сказал через мгновение. — Мы разместим некоторых из ваших лучших солдат в тронном зале и покоях Луки — местах, куда Стефан отправился бы, если бы пришел в крепость. Оставим им железо в изобилии. Вплетем его в сети, наденем на их доспехи. Если он пойдет в крепость, они убьют его. Менти будут за воротами с войсками. Так они пронесутся вниз, а корабли зантйцев рассредоточатся вдоль побережья, чтобы держать их на месте пушечным огнем.

— Мне это нравится, — сказал Роккан. Он улыбался.

— Не забывайте, у вас три дракона, — Рева посмотрела на них. — Я не очень разбираюсь в тактике, но если вы дадите нам шанс попасть, мы сможем напасть на Стефана.

Работая быстро, они вчетвером составили планы, которые должны были представить Луке на следующий день. Делались заметки и рисовались схемы. Впервые за несколько дней Серена почувствовала, как ее грудь не была сдавлена. Они могли это сделать. С возвращением Ревы они окажут стабилизирующее влияние на Луку, и даже если Роккан не возглавлял войска, он все равно мог поделиться опытом.

Когда Стефан нападет, они будут готовы.

34

Рева

Рева медленно шла по краю сада. Для любого, кто смотрел на нее, она была изящной, благородной молодой придворной дамой, одетой в красивое платье. Юбки элегантно кружились вокруг ее ног, и она старалась не торопиться. Она улыбнулась стражам, проходя мимо, и они в ответ кивнули ей.

Лука сказал, что стражи рады, что Рева вернулась и станет их королевой. В ответ на это Рева ничего не сказала. Она часто так делала теперь.

С момента своего возвращения два дня назад она избегала Луку, насколько это было возможно. На данный момент она могла это сделать. Но она не знала, сколько еще это продлится, и он жаждал ее совета по всем вопросам. Он рассказал ей о вмешательстве Серены, что для Ревы прозвучало как здравый смысл, что Лука должен был приветствовать. Помолвка Орианы и Альберто была, по ее мнению, удачным ходом. Лука говорил с ней о Стефане и армии, надеясь, что Рева согласится с ним, что он должен встретиться со Стефаном наедине.

Она не решалась давать ему советы сейчас. Она боялась, что если будет говорить с ним слишком часто, то раскроет тот факт, что не уверена, что их помолвка была хорошей идеей. В тот момент во дворе она увидела себя, помогающую вернуть Эстале былую славу, но теперь, когда у нее было время подумать о помолвке, она не была так уверена. Слушали ли короли своих королей? Могла ли она провести свою жизнь на службе у него?

Рева больше не была уверена, что хочет быть королевой. Она провела так много времени как никто, что обнаружила, что ей нравится иметь возможность высказывать свое мнение и идти туда, куда она хочет. Быть запертой в Крепости Несры, зная, что люди страдают, больше не казалось ей хорошей жизнью.

Но что она могла сказать Луке? Его гордость была так хрупка в эти дни, и она знала, что он будет добрым мужем. Он не стал бы бить ее, если бы она возразила ему, как это делал Францис. Он не стал бы бить ее, если бы она не родила сыновей. Она была уверена, что, в отличие от короля Давэда, Лука не возьмет много королей, чтобы родить как можно больше наследников.

Ей нравилось быть самостоятельной, но, по правде говоря, она знала, как ей повезет, если она выйдет замуж за Луку. Добрый мужчина дома и еда на столе для многих дорогого стоили. Она не должна быть эгоистичной.

Сэм...

Рева остановилась и уткнулась лицом в ладони.

— Миледи? — один из стражей звучал обеспокоенно. — Вы в порядке?

Рева подняла взгляд с натянутой улыбкой.

— Да, спасибо. Боюсь, у меня болит голова, вот и все.

Ей следовало вернуться в свои покои и отнестись к этому благоразумно, но теперь, когда она позволила себе думать о Сэме, она не могла думать ни о чем другом. Она кивнула стражам и направилась в конец сада, где ворота и лестница вели к проходу по краю главного двора. Покои послов были поблизости. Сэм и Карлия проводили там большую часть времени с другими менти.

У той части двора Рева остановилась как вкопанная. Сэм и Карлия стояли среди бурной деятельности. Тяжелые сумки с едой и водой грузили на лошадей. Поверх них лежали спальные мешки, а в вощенной ткани Рева узнала палатку.

— Сэм! — она побежала через двор, не обращая внимания на то, что кто-то смотрит на нее. — Сэм, что происходит? Что вы делаете?

Он сглотнул, глядя на нее. За последние несколько недель он стал более уверенным в себе, до такой степени, что она смогла увидеть, каким мужчиной он станет. Прямо сейчас он выглядел таким юным, каким был на самом деле.

— Мы уезжаем, — коротко сказал он.

— Сэм.

Что-то в ее тоне заставило его грустно улыбнуться. Он отдал поводья своей лошади

Карлии и отвел Реву в сторону.

— Я же говорил тебе, что не буду как мой отец, — сказал он Реве. — А потом я попытался нас спрятать, и улези все равно нас нашли.

— Здесь все-таки безопаснее, — начала Рева.

Сэм покачал головой.

— Для нас, может быть. Но как насчет нового дракона? Произошло извержение горы Зин. Твоя семья знала, что это такое, как и моя, но я никогда не слышал о драконах-оборотнях в королевском доме Эстала. Мои родители упомянули бы об этом, если бы знали. И с извержением Зина, думаю, к власти пришла другая родословная, которая бездействовала много лет. Кто бы это ни был, он не понимает своих сил и не понимает опасности, в которой находится. Мы должны помочь.

Слезы выступили на глазах Ревы. Она потянулась, чтобы положить ладонь на руку Сэма. Это было неприлично, но ей вдруг стало все равно.

— Мы должны помочь им, — согласилась она. — Ты прав в том, что ты не твой отец, Сэм. После того, что случилось, он никогда не рискнул бы, чтобы спасти кого-то еще. Он бы спрятался в любом убежище.

Сэм кивнул.

— Я понимаю, почему, — откровенно сказал он. — Когда я подумал, что вас двоих схватили и убили, я чуть не сошел с ума, Рева. Я думал, что умру от боли. Карлия — вся оставшаяся у меня семья, и она была мне хорошей сестрой. Ты... — его голос оборвался, и он на мгновение закрыл глаза. Когда он открыл их, в них было выражение, которое Рева слишком хорошо понимала. — Пойдем с нами, — сказал он тихо, настойчиво.

— Сэм.

Он ждал. То, что она сказала, не было ответом, и он не примет это за ответ.

Рева сглотнула и опустила взгляд. Почему она разрывалась? Это был ответ на ее проблему. Никто не мог упрекнуть ее в желании отправиться на поиски другого дракона. На самом деле, это было необходимо сделать. Вдали от Луки и двора она могла собраться с мыслями и решить, что ей делать.

Но она только что поняла, что осталась не просто потому, что не могла найти хороший способ уйти, а потому, что в некотором смысле хотела быть здесь. Когда она была младше, она думала только о любви, о которой пели барды, красивой и простой. Она верила, что Лука будет ее принцем, верным и милым.

Повзрослев, выйдя замуж за Франциса и в ужасе замолчав, Рева поняла, чего она могла на самом деле хотеть. Ей нужен был муж, который спрашивал ее мысли и прислушивался к ним, у которого была своя страсть к миру и который стремился воплотить свои надежды в реальность, но при этом не злился на то, что мир просто не бросает вещи ему в руки.

Лука когда-то был болезненным мальчиком, единственным желанием которого было сделать всех остальных счастливыми. Он не хотел, чтобы они беспокоились о его болезни. Ему нравилось видеть, как люди улыбаются. Рева все еще могла видеть в нем то же желание, но смягченное мужским осторожным мышлением и внутренней силой знания, с какими желаниями соглашаться, а от каких отказываться.

Когда Лука поклонился Тиниану, он сделал это из страха за свой народ. Когда он не закрыл Сады Аниоса, он хотел сделать лекарство для борьбы с чумой. Он совершал ужасные ошибки, но не потому, что хотел быть жестоким или преуспеть. Он сделал все это, потому что хотел помочь Эстале. Это был мальчик, которого Рева любила, когда была ребенком и

знала только детские способы любви, и теперь он был мужчиной, которого она снова начала любить.

Она замерла во дворе, и ладони Сэма сжали ее руки.

— Тебе не обязательно оставаться, потому что он король, — сказал Сэм, и в его словах было немного отчаяния. — Они обойдутся и без тебя, Рева.

— Нет, — сказала Рева.

Она не могла заставить себя сказать, что чувствует к Сэму. Было слишком опасно произносить такие вещи вслух в переполненном дворе — кто знает, кто мог подслушать? — и если бы она произнесла эти слова вслух, она бы расплакалась.

Она прикусила губу.

— Выбор не всегда приходит, когда мы готовы к нему, — сказала она. — Теперь я это знаю. Несмотря на все его недостатки, несмотря на то, что я не родила ему ребенка, Францис решил пожертвовать собой ради меня. Несмотря на то, что я была слаба и напугана, я решила действовать и освободить рабов в Саду. Теперь, несмотря на то, что все не так просто, как хотелось бы, у меня есть выбор, и я должна его сделать. Вы с Карлией можете найти дракона. Для одного из нас имеет смысл остаться, чтобы сразиться со Стефаном, если потребуется, и это могу быть я. Лука нуждается во мне.

— Я... — Сэм прервался и склонил голову. Остальное он не сказал. Это было «Я нуждаюсь в тебе»?

Рева на мгновение коснулась его лица. Теперь она плакала, слезы собирались в ее глазах. К ее удивлению и облегчению, Карлия обошла лошадей и обняла ее. Рева прислонилась головой к плечу девушки и позволила слезам течь из ее глаз.

— Ты будешь хорошей королевой, — сказала Карлия. Ее слова были адресованы Реве, но Рева знала, что она обращается к ним обоим. — Короли и королевы не женятся по любви, но ясно, что ты заботаешься о Луке, а он заботится о тебе, Рева. И я не могла просить более храброй и доброй женщины на троне. После того, как нас схватили, ты никогда не сдавалась. Ты будешь принимать мудрые решения. Ты станешь одним из возрожденных королев-драконов.

Рива обвила Карлию руками и крепко сжала. Она не могла позволить себе смотреть на Сэма.

— И мы вернемся, — продолжила Карлия. Ее голос был фальшиво бодрым. — На твою коронацию. Мы вернемся с последним драконом, и мы все сможем отпраздновать, потому что Стефана больше не будет, и мир будет в безопасности.

Рева отодвинулась и кивнула. Она улыбалась, но сердце ее разрывалось. Сэм и Карлия не вернуться, и она это знала. Она даже не знала, переживет ли она встречу со Стефаном, не говоря уже о том, станет ли она королевой, которой хотела ее видеть Карлия.

— Оставайтесь в безопасности, — сказала она дрожащим голосом. — Пожалуйста, оставайтесь в безопасности. Я знаю, что вы хотите защитить другого дракона, но не если это будет стоить вам жизни. Если вы должны...

Наконец, Сэм посмотрел на нее, и от его улыбки ей стало больно.

— Свой путь выбираешь не из-за того, победишь или нет, — сказал он ей. — Ты выбираешь его, потому что это правильно. С какой бы опасностью ни столкнулся дракон, мы будем рядом, чтобы помочь ему, — он кашлянул. — Точно так же, как ты будешь здесь, чтобы помочь Эстале и сразиться со Стефаном.

Это было благословением, и это только вызвало еще больше слез на глазах Ревы. Она

молча кивнула и сжала губы, чтобы остановить слезы.

Сэм и Карлия вскочили на лошадей, и ворота открылись. Они помчались прочь, Карлия оглянулась. Сэм не оглядывался. Рева смотрела, пока ворота не захлопнулись, и он не исчез из поля зрения. Ей больше всего на свете хотелось, чтобы она обняла его, наплевав на приличия.

Она подняла голову. Она была здесь и собиралась исполнить свой долг так же, как Сэм исполнял свой. Она увидит, как войска Стефана будут побеждены, и процветание вернется в Эсталу — во всю Эсталу. Зачем еще она бродила по стране, как не для того, чтобы узнать, что нужно людям?

Она вытерла глаза, расправила плечи и пошла в свои покои. Сегодня должно состояться собрание совета, и она намеревалась присутствовать там, чтобы отстаивать то, что правильно. Чем раньше Стефан будет побежден, тем лучше.

35

Серена

Серена подняла юбки и спешила в сторону зала совета. Она нигде не могла найти брата Рафаэля, а теперь опаздывала на собрание. Она надеялась, что Рафаэль сможет дать ей больше информации о больницах. Она опасалась, что без него Тиниан сразу же откажется от ее плана и убедит Луку сделать то же самое.

Она не видела и Луку последние два дня, хотя и искала его, чтобы рассказать о своем плане относительно Альберто и Орианы. Она постаралась подчеркнуть Тиниану и Ризику, что еще ничего не решено, и теперь их нетерпение росло. Она была уверена, что если Лука увидит двоих детей вместе и услышит, как Альберто рассказывает о кругосветном путешествии, он согласится на брак. Но она не собиралась строить планов, не поговорив с ним.

Когда она проникла за дверь зала совета, то с удивлением обнаружила, что настроение в комнате было ледяным. Рева посмотрела на нее широко открытыми глазами, и Серена поняла, что что-то шло не так.

— А, — сказал пожилой мужчина. — Принцесса присоединяется к нам, — его тон был едким.

Серена посмотрела на Луку, потом снова на мужчину. Он был одет в рясу священника. Возможно, это был главный священник. Она покопалась в своей памяти.

— Вы брат — Саид?

— Да, — он выглядел далеко не довольным тем фактом, что она узнала его. — Как я уже говорил принцу Луке, Орден Понимания узнал о неуместных отношениях между королевским домом и одним из наших священников.

Рот Серены раскрылся. К ее стыду, ее щеки вспыхнули, когда она вспомнила, как брат Эван в тот день вошел в лазарет. Она знала, что румянец не поможет ей, но стояла на своем.

— Полагаю, вы имеете в виду мою дружбу с братом Рафаэлем, — она слегка подчеркнула слово «дружба».

Брат Саид с горечью улыбнулся.

— Дружба. Это то, как вы это называете? Я слышал, брат был почти голый, когда вас нашли вместе.

Брови лорда Тиниана приподнялись. Ему это явно нравилось, и это только еще больше раздражало Серену.

— Это нелепо. Конечно, он был полуголый. На него напали монстры, и его грудь была в

ранах. Он был перевязан и лежал в постели. Вы и это назовете свидетельством неосмотрительности? Я сидела у его кровати, как сделал бы любой друг. Ничего неподобающего не произошло, и ничего неподобающего не произойдет.

— Я знаю, — ответил брат Саид. Он казался совершенно равнодушным к ее протестам. — Орден Понимания отзывается со двора.

— Что? — прошептала Серена.

— Что? — повторил брат Аксил.

— Да, — Брат Саид посмотрел на каждого из них по очереди, и его презрение было заметным. — В течение многих лет Орден Понимания служил короне, посылая Братьев обучать принцев и принцесс. Эти священники запутались в политике. Они служили не королевству, а королевскому дому.

— Брат Саид, — сказала Серена, пытаясь успокоиться. — Королевский дом служит Эстале. Служить с нами значит помогать людям королевства. Что такое политика, как не дело администрации? Хотя политические вопросы могут запутать, нам нужны советы и стабильность Ордена Просвещенных, чтобы вести нас, — возможно, лезть сработает, подумала она.

Не помогло.

— Дело зашло достаточно далеко, — сердито сказал брат Саид. — Пришло время Ордену Просвещенных снова отправиться в странствие, как мы это делали, когда начинали, и служить тем, с кем мы сталкиваемся. Те, кто больше заботится о служении своему Богу, чем о служении своим похотям, — голос у него был отвратительный.

— Брат Саид, — Брат Аксил, казалось, боролся за спокойствие. — Я знаю принцессу Серену с тех пор, как она была еще ребенком. Я пошел проведать брата Рафаэля, пока он оправлялся от ран. Знаете, что я нашел? Принцесса, спящая в кресле рядом, дежурила над тем, кто пытался помочь ее друзьям. Безусловно, в этом нет ничего предосудительного. Конечно, посреди ночи, если бы было что-то неприличное, я бы это увидел.

— Ты служил королевскому дому более десяти лет, — сказал брат Саид. — И он заразил тебя, брат Аксил. Я отзову Орден со двора до того, как эта зараза распространится. Честная работа и служение напомнят вам о вашем истинном долге. Идем.

Он подошел к двери и придержал ее открытой. Брат Аксил колебался, стиснув ладони на коленях. Наконец, он посмотрел на брата Саида.

— Нет, — сказал он.

Серена затаила дыхание. Она не знала, что должно было случиться, но по побледневшему лицу Луки она видела, что он боится ухода брата Аксила.

— Нет? — Брат Саид разнесся грозным эхом.

— Нет, — повторил брат Аксил. — Брат Просвещенных может бродить, где хочет. Я решил служить королевскому дому. Я воспитывал сыновей и дочерей Давэда в соответствии с моралью и знаниями, в которых они нуждались, и мне было приятно видеть, как они вырастают прекрасными молодыми людьми. Теперь принц Лука восседает на троне, и пока он или моя совесть не прикажут мне уйти, я останусь.

Лука, наконец, обрел голос:

— Я ценю ваши советы, брат Аксил. Пока ваша совесть велит вам остаться, я буду рад вашему присутствию.

Брат Саид долго хмуро смотрел на брата Аксила, а затем повернулся к принцу Луке.

— Да будет так, — сказал он. — Брат Аксил, я предаю тебя анафеме. Ты больше не

принадлежишь к Ордену.

Он ушел, тяжелая дверь захлопнулась за ним, и все взгляды обратились к брату Аксилу. Он нежно улыбнулся.

— Ах, не бойтесь. Титул — это всего лишь титул. Служение Просвещенному Богу исходит не только от тех, кто носит рясу. Теперь у нас гораздо больше дел, которыми нужно заняться.

Серена покачнулась и опустилась на стул. Орден уходил. Вот почему она не смогла найти брата Рафаэля. Он ушел, и она больше никогда его не увидит. Рева потянулась, чтобы сжать ее ладонь, но Серена не нашла в себе сил даже сжать ее пальцы. Она прикусила губу, чтобы не заплакать.

Рева руководила встречами. Она указала на лорда Роккана и Джеральдо, сидевших рядом с ней.

— Ваше Высочество, с вашего позволения, я хотела бы показать вам план сражения, который мы составили. Лорд Роккан, Джеральдо, принцесса Серена и я работали над тем, чтобы объединить силу наших союзников, а также ресурсы менти, чтобы защитить Крепость Несры и позволить вам вступить в бой со Стефаном, не подвергая армию чрезмерной опасности.

Лука подался вперед, заинтересованный, но лорд Тиниан положил руки на стол.

— Что это означает? — его голос был опасен. — Лорд Ферин — главнокомандующий армией. С ним не советовались по этому поводу?

— Я хочу услышать, что они говорят, — сказал Лука. Его голос был не очень сильным, но он не дрогнул, когда лорд Тиниан попытался посмотреть на него свысока.

Лорд Тиниан горько улыбнулся.

— Принц Лука, когда я услышал о плане, который был составлен, я сказал себе, что вы никогда не будете настолько глупы, чтобы слушать его.

Он уже знал о плане. Серена прищурилась. Сколько шпионов было у Тиниана в Крепости Несры?

— Конечно, послушать не помешает, — резонно сказал Лука. Он кивнул четверым. — И если лорд Ферин еще не поговорил с Джеральдо, он сделал нам хуже. Пожалуйста, покажите мне свой план.

Рева разложила карту на столе и начала объяснять план. Серена была счастлива позволить ей говорить. Ее сердце все еще болело, а в груди пылал стыд. Брат Саид отозвал Орден Понимания из-за ее неосмотрительности. Хотя она не совершала ничего непристойного, она не могла отрицать, что чувствовала что-то неприличное по отношению к брату Рафаэлю.

Теперь она больше никогда его не увидит, и ей не дали шанса попрощаться. У него не будет шанса увидеть, как его планы по борьбе с чумой станут реальностью. Но она знала, что он сделает. Он продолжит идти, служа везде, где мог. Ей предстояло продолжить их работу.

Она выпрямилась и огляделась во внезапно наступившей тишине. Снова члены зала сидели в напряженной тишине. Что она упустила?

— Это хороший план, — сказала Рева. Она бросила взгляд на Луку, затем снова повернулась к лорду Тиниану.

— Это подвергает корабли неоправданному риску, — сказал Тиниан.

— Корабли были доставлены сюда как часть вторжения, — прямо сказал лорд Роккан. — Риск — это природа этого. Не использовать их — значит подвергнуть остальные

силы неоправданному риску. Генерал не сдерживает часть своих сил.

— Одна лишь цена нанесла бы вред Эстале, — мягко сказал лорд Тиниан. — Принц Лука, я призываю вас поговорить со своими генералами о...

— С вашими генералами, — сказал Лука.

Наступила тишина.

— Что? — сказал лорд Тиниан.

— Я сказал, ваши генералы, — ответил Лука, и Серена впервые увидела в нем настоящего короля. Он смотрел на лорда Тиниана с отвращением. — Я назвал своих генералов. Лорд Роккан должен был командовать всеми моими силами. Джеральдо командовал бы менти. Вы отвергли мои решения и поставили благосклонных к Зантосу лордов управлять моей армией.

— Принц Лука, как я сказал тогда...

Лука снова перебил его. Теперь его голос стал сильнее:

— Быть благосклонным к Зантосу — это не право командовать войсками, не так ли?

Лорд Тиниан ничего не сказал, но на его лице появилось выражение крайней неприязни.

— Слишком долго я позволял вам грубо распоряжаться делами моего народа, — сказал Лука. Его глаза горели. Он выпрямился, его взгляд спокойно остановился на Тиниане. — Я последовал вашему совету, даже если он противоречил моей совести. Я позволил вам использовать Эсталу не как союзника, а как банк.

— Мы вернули вам власть, — угрожающе сказал лорд Тиниан.

— Вы это сделали, и я благодарен за это, — Лука криво усмехнулся. — Хотя я не стремился занять трон, я понимал необходимость этого. И я полагал, что Золотой Совет тоже понимает ситуацию. Со Стефаном на троне Эстала погрузилась бы в хаос. Мы были бы бесполезны в качестве торгового партнера, и хаос мог бы легко распространиться между странами. Укрепляя Эсталу и Зантос, мы могли бы обеспечить процветание двух народов на долгие годы. Разве не это моя сестра предложила вам на днях, лорд Тиниан, когда предложила обручить принца Альберто с дочерью лорда Ризика?

Серена вздрогнула от удивления, но Лука кивнул.

Лорд Тиниан кашлянул. Он молчал.

— У ваших генералов был один хороший совет, — мягко сказал Лука. — Я признаю это. Они сказали мне не рисковать собой, как я планировал. Все это время я считал, что лучшее, что я могу сделать как король, — это встретиться со Стефаном один на один. Я хотел править королевством, будучи единственным в опасности. Теперь я вижу, что это было глупо. Как сказал лорд Роккан, не использовать все имеющиеся в распоряжении ресурсы — значит подвергать опасности все. Я — не Эстала; я только буду управляющим. Так же, как те из вас, кто тут служит в моем совете, солдаты будут сражаться с войсками Стефана, а люди будут способствовать процветанию Эсталы другими способами. План, изложенный здесь, верен, лорд Тиниан. Я дал вам слово, что стану союзником Зантоса, и я намерен это сдержать. Торговля укрепит обе страны. Зантос получит двойную компенсацию за помощь, оказанную Эстале. Мы благодарны. Но мы — самостоятельная нация. Каждое решение не должно отдавать предпочтение Зантосу перед нашим народом. Каждое решение не должно отдавать предпочтение казне Зантоса сегодня, а не процветанию обеих наций завтра.

Серена обнаружила, что в ее глазах были слезы. Она улыбнулась Луке. Рядом с ней Рева смотрела на него с открытым ртом. Брат Аксил улыбался, довольный.

— Вы мой союзник, лорд Тиниан, — Лука склонил голову. — Давайте победим вместе нашего общего врага и построим более процветающий мир?

Лорд Тиниан пристально смотрел на карту. Затем он поднял голову и посмотрел на каждого человека в комнате, и его улыбка стала горькой.

— Ты, как и твой отец, стремишься предложить дружбу словами, и все же ты предпочитаешь Эсталу, — он покачал головой. — Ты подвергнешь мои корабли опасности. Со временем откажешься от своих обещаний. Даже если ты удерживаешь трон только благодаря Золотому Совету, ты не можешь отпустить свою гордость настолько, чтобы отдать нам должное.

Лука молча ждал. Казалось, он знал, что бороться с этими словами сейчас бесполезно.

Лорд Тиниан встал.

— Зантос будет вознагражден, принц Лука. Торговля возобновится сразу же. Но если вы желаете победить своего брата без учета пожеланий Золотого Совета, то вы сделаете это без наших войск. Корабли приготовлены, и они немедленно отплывают с принцем Альберто.

Серена ахнула, и Лука встал.

— Он уже на борту, — ровно сказал лорд Тиниан. — И отдан приказ отплыть.

Лука рывкнул:

— Если ему причинят вред...

— Мы не дикари, — сказал лорд Тиниан. — Пока Эстала остается верным другом Зантоса, Альберто не навредят.

Он ушел, и в наступившей тишине Лука опустил голову в ладони.

— Мы вернем его, — взволнованно сказала Серена.

— Ваше Высочество, мы немедленно составим новые планы, — согласился лорд Роккан.

— Лорд Тиниан... — начал брат Аксил.

— Вон, — Лука поднял голову. Все замерли в нерешительности, и он сердито посмотрел на них. — Я сказал: вон. Я хочу побыть один.

— Лука, — начала Рева.

— Вон! — голос Луки надломился на этом слове. — Все вы!

Стражи окружили его стул, и Лука оттолкнул его от стола и зашагал в свои покои. Дверь захлопнулась за ним, и Серена уставилась на остальных. Лука, наконец, стал королем, на которого они надеялись.

И это стоило ему всего.

36

Рева

Рева расхаживала по залу совета почти два часа, пока не решилась и не подошла к двери Луки. Стражи глядели на нее, а она подняла руку, помедлила и постучала.

Ответа не было.

Она подождала, но Лука ничего не сказал, и дверь не открылась. Рева раздраженно посмотрела на двух стражей.

— Вы же знаете, я не причиню ему вреда. Вы впустите меня?

До этого они неуверенно переглядывались, а тут один кивнул другому, и они отошли в сторону и подняли пики. Рева открыла дверь и вошла, закрыла за собой дверь, прежде чем сообразила, что свечи не горят, а шторы задернуты.

Она стояла в темноте и жалела, что не взяла с собой хоть немного света, но оранжевая

вспышка заставила ее охнуть и подавить крик. На мгновение свет осветил лицо Луки. Он смотрел на нее с непроницаемым выражением лица. Затем шар пламени угас, и он вздохнул.

— Что ты хочешь?

— Я ничего не хочу, — Рева несколько мгновений оставалась на месте, прижав руки к двери. Потом вздохнула и подошла ближе. — Лука, я не могу представить, каково тебе.

— Ты имеешь в виду попытки и неудачи на глазах у всех? — его голос был горьким. — Да, это было неприятно.

— Да, — сказал Рева. Ей особенно не хотелось с ним спорить. — Я полагаю, что то, что ты чувствуешь сейчас, чувствовал любой другой король. Ты должен сделать выбор, и многие люди будут думать, что ты потерпел неудачу, независимо от того, что ты выберешь. Вот что значит быть королем.

Он посмотрел на нее тогда.

— Рева, нам нужны союзники. Нам нужны были люди Тиниана.

— Армия Стефана, если она у него есть, рассеяна и лишена провизии, — Рева подседала к нему. Он не просил ее об этом, но сейчас она не собиралась церемониться. — Он дракон, Лука. Он не непобедим. Сестры смогли поймать меня железным кнутом. Ты можешь победить его.

— Как? — безнадежно спросил ее Лука. Он издал отчаянный смешок. — Рева, люди верят, что он бог. Ему удалось где-то спрятать армию. У него способности менти, намного превосходящие мои, и если Йозеф не сможет обучить меня до того, как Стефан доберется сюда, не сможет понять руны...

— Это глупо, — категорически сказала Рева. — Может, Йозеф и учит тебя, но учишься ты. Руны ничего не делают.

— Ты знаешь все о магии? — Лука был уже зол. — Говори что хочешь, Йозеф помогает мне. Как и ты, составляя эти планы. Как это сделала Серена, пытаясь достать лекарство для людей. Вы все мне нужны.

Рева решила пока оставить тему.

— Я понимаю.

— И мне был нужен Тиниан, — сказал Лука. — Он был прав. Если бы я только смог отбросить свою гордость на достаточно долгое время, чтобы победить Стефана...

— Лука, — Рева потянулась, чтобы взять его за руку. — Все, что ты сказал на той встрече, было правдой. Эстала не является частью Зантоса, и ты не собираешься обманывать Тиниана или разорвать Золотой Совет. Ты хочешь два процветающие королевства и покой. Он сказал, что тоже этого хотел, но его действия не показывали этого. Он лгал тебе.

— Это имеет значение? — глаза Луки покраснели. — Мы должны победить Стефана. Неважно, сижу на троне я, Серена или Тиниан. Важно лишь то, что Стефан — убийца и ужасный король, и ему нельзя позволять править. Возможно, я обрек нас.

— Ты не обрек нас, — Рева улыбнулась. — Ты сказал, что нуждаешься во всех нас. Мы все здесь и готовы сражаться вместе с тобой. В нашем распоряжении ресурсы, о которых Стефан и мечтать не мог. В нашей армии будут менти, а у Стефана есть последователи только из-за лжи — и для удовлетворения собственного эго — когда у тебя последователи, потому что ты — добрый король. Прямо сейчас ущерб, который нанес Стефан, который нанесла чума, все еще распространяется по королевству. Ты все делаешь правильно. Ты просто пока этого не видишь.

Лука долго смотрел на нее, затем встал и начал расхаживать. Его туника прилипла к

груди от пота. Рева догадалась, что все это время он практиковал магию. Он изнурял себя, доводя себя до рассеянности и неудачи.

— Мы потеряли двух наших драконов, — сказал он. — Не только Тиниана, не только Альберто... ах, Боже, — он зажмурился.

— Мы вернем Альберто, — настойчиво сказала Рева. Серена и Роккан составляли обращения к членам Золотого Совета. К похищению Альберто отнесутся с осторожной дипломатией и, при необходимости, с ответной миссией со стороны солдат Роккана. — Лука, мы не позволим Тиниану оставить Альберто.

Лука дико рассмеялся.

— По крайней мере, там он в большей безопасности, чем здесь.

— Лука...

— А тем временем мы потеряли других наших драконов, — он уже пошел дальше.

Рева сцепила ладони на коленях.

— Да, — сказала она.

— Ты не смогла убедить их остаться?

— Возможно, они скоро вернуться, — она должна была спорить с ними, подумала она. В грядущей битве все они должны были объединиться против Стефана. — Они отправились на поиски последнего дракона.

Лука покачал головой.

— Я не должен был ожидать, что они останутся. Не после того, что с тобой случилось. Я не смог обеспечить безопасность своих граждан в Реялоне. Конечно, они ушли. Я не знаю, почему ты остаешься.

— Потому что хочу, — по крайней мере, на этот вопрос она знала ответ. — Я горжусь тем, что служу Эстале вместе с тобой, Лука. Я знаю, что это был не твой выбор, но ты делаешь все возможное. Ты ведешь нас в правильном направлении.

— Нет, — Лука покачал головой. — Знаешь, что Матиас однажды сказал мне о битве? Он сказал, что в этом нет чести. Он воевал по приказу моего отца, но не уважал войну. Он был верным сыном, но признался мне, что, когда он будет править, он никогда не приведет народ к войне. Когда Стефан повел против нас свои войска, а затем снова, когда мы взяли Реялон, я увидел, насколько прав был Матиас. Рева, все, что я могу сделать для предотвращения войны, я должен сделать.

Рева осторожно кивнула. Его слова казались здравыми, похожими на речь, которую она бы приветствовала, если бы Лука произнес ее на официальном собрании. Тем не менее, она не могла отделаться от ощущения, что ей не понравится, к чему это приведет.

Он провел руками по волосам и глубоко вздохнул.

— Рева, все то время, что я сижу здесь, я думал об убийстве Стефана в одиночку.

— Лука!

Он стиснул зубы.

— Мы хотим победить его в бою. Ты думала о том, что тогда будет? Если мы убьем его на поле боя, чем это отличается от убийства, кроме того, что погибнет больше людей? Если мы приведем его сюда, что тогда? Я никогда не смогу освободить его. Я казню его? Это убийство под другим именем. И он никогда не откажется от своих притязаний на трон.

Рева прикусила губу. Она не знала, что на это сказать.

— Рева, я не могу позволить армии выступить.

— Ты сказал, что это хороший план! — это злило ее.

— В ваш план входили корабли, — заметил он.

— Мы составим новый план...

— Нет. Уход Тиниана был знаком. Знаком того, что я всегда был прав. Мне нужно самому победить Стефана. Мои союзники должны помочь мне сделать это, — твердо сказал он ей. — Я не позволю людям Эсталам страдать больше, чем они уже сделали. Я не позволю, чтобы еще одно поколение детей росло без отцов, потому что я пошел по стопам отца. Ты мне поможешь?

— Конечно. Всегда, — она обнаружила внезапную вспышку храбрости внутри себя. — Мы с тобой можем идти. Я понесу тебя на спине, и мы полетим к Стефану.

Улыбка, которую он подарил ей, вызвала у нее слезы, когда он подошел, чтобы поднять ее на ноги. Он прижал ладонь к ее щеке и прильнул лбом к ее лбу. К своему удивлению, Рева расслабилась от его прикосновений.

— Я никогда не переставал любить тебя, — сказал Лука. — Никогда. Из всех людей, Рева, я не могу допустить, чтобы ты подвергалась опасности, чтобы остановить Стефана.

— Но...

— Мне нужно за что-то бороться, — его голос дрожал. — Что-то сохранить. Пожалуйста, Рева. Я нуждаюсь в этом.

Рева помедлила, потом кивнула.

— Все, что я должен сделать, чтобы обезопасить тебя — чтобы обезопасить всех вас, — я сделаю это, — Лука покачал головой. — Я должен подумать. Есть способы сделать это, и я должен иметь мужество, чтобы выбрать любой вариант, который предлагает мне судьба.

Рева неуверенно улыбнулась ему.

— Ты сможешь, — пообещала она ему.

Он кивнул и опустился на стул.

— Могу я побыть один? — спросил он. — Мне надо подумать.

— Конечно, — Рева подошла к двери. Она оглянулась, открывая дверь. — Лука, позови меня, если понадобится.

Он кивнул, и она с улыбкой ушла к стражам.

— Его Величество чувствует себя лучше? — спросил ее один из них.

Рева ответила не сразу.

— Не знаю, — сказала она, наконец. — Думаю, да. Он полон решимости сделать все возможное, чтобы защитить людей.

Страж кивнул, явно довольный.

— Это хорошо.

— Да, — сказал Рева. — Да это так. Это хорошо, — но по какой-то причине она не могла заставить себя поверить в это.

37

Бог

Бог оглядел войска с отрешенным видом. Покинув деревню, они слонялись возле берега. Вдалеке виднелись стены Реялона. Крепость Несры сияла на солнце.

«Скоро», — рассеянно подумал Лорд.

— Владыка, — Миккел склонил голову, приближаясь. — Вы обратитесь к войскам?

Господь сжал кулаки. Он не хотел делать ничего такого прозаического. Они уже получили достаточно поддержки. Они должны стремиться выполнять приказы, сражаться с его врагами, быть рядом с ним во время первых его завоеваний.

— Вас что-то беспокоит, — сказал Миккел. Он вздрогнул от гнева, которым одарил его Бог. — Владыка, я прошу прощения. Я заговорил без позволения.

— Да, — сказал Бог. — И все же ты прав. Улези подвели меня.

— Они потерпели неудачу? — сказал Миккел. — Значит, они мертвы?

— Нет. Они снова на охоте, возвращаются в Реялон, чтобы исправить свои ошибки, — Бог сделал вдох, чтобы успокоиться.

— Тогда все будет хорошо.

— Разве ты не понимаешь? Разве ты не понял, что сказал мне, когда говорил о солдатах, посланных прочесывать сельскую местность? Драконом, которого поймал улези, была леди Авалон. Кто другой — понятия не имею. Но больше шансов у них не будет. Она будет заперта наглухо.

Миккел обдумал это.

— Сказали, ее родители были убиты менти. Я знал, что у нее бунтарский дух, но, учитывая ее историю, я не думал, что она может быть такой мерзостью.

«Ты говоришь о моей паре», — Бог не сказал этого вслух. Миккел не мог понять, почему Бог искал медного дракона. Он не потерпит другого менти. Да, Миккел должен был умереть. Другого варианта просто не было. Бог позаботится о том, чтобы это произошло славно в бою, и на этом все.

Возможно, в грядущей битве. Это могло сработать. У него уже был план, в конце концов, зачем ему Миккел?

Бог улыбнулся.

— Улези безжалостны, — сказал ему Миккел. — В какой-то момент нам нужно будет разобраться с ними, но до тех пор пусть бегают на свободе, уничтожая других драконов. Неважно, насколько надежно заперта леди Авалон. Их уже не удержать от нее теперь, когда они знают, кто она такая.

Бог подумал и кивнул.

— Очень хорошо. Сейчас я обращусь к войскам.

— Да, владыка.

Бог взобрался на импровизированный помост, который они сделали для него, и поднял руку. Он был доволен, увидев, что они тут же замолчали и повернулись к нему. Это были солдаты, да, но не наемники. Это были люди, собранные во время правления Стефана, а также некоторые другие, более опытные, которые поняли, за каким королем следовать.

Сила текла по венам Бога от их внимания. Он должен помнить об этом, подумал он. Речи были утомительной необходимостью, но они кормили его и распространяли его славу.

— Сегодня ложные короли начнут падать, — сказал он им. — Моя империя скоро расширится, чтобы охватить весь мир. Кровь и завоевания станут нашей жизнью на ближайшие годы. Хотя они прогнали насквозь, они будут сражаться.

Наступила тишина. Солдаты переглядывались.

— Вам дан шанс служить Мне, — сказал Господь. Он хмуро посмотрел на толпу, зная, что они не могли видеть выражение его лица за маской. — Из всех, кто здесь, ваша жертва будет величайшей. Это меня радует.

Опять же, они не радовались.

А должны были. Разве смертные не жаждали служить своим богам? Чего желали смертные, если не этого? Осторожно Бог позволил смертной душе в его теле всплыть на поверхность. Чего она хотела?

Власть. Роскошь. Признание.

Значит, не так уж и отличалась от богов. Как любопытно.

— Наш враг ест из золотых тарелок, — сказал Бог своим воинам. — Они лакомятся олениной и пьют лучшие вина. Было ли у кого-нибудь из вас такое?

Теперь они покачали головами и нахмурились.

— Будет, — сказал им Бог. Ах, да, теперь они улыбались. — Все, что принадлежит ложным царям, будет вашим. Вы были со мной с самого начала. Поскольку вы больше всего пожертвовали, вы подниметесь выше всех и увидите величайшие награды.

Они начали ликовать, и Бог впитывал это. Это было то, чего они хотели. Они все хотели быть королями. Это было смешно, но если это то, что они хотели услышать, то это он и сказал. Большинство из них в любом случае не переживут ближайшие несколько лет. В чем был вред?

— Наш враг будет сражаться, — сказал им Бог. — Они будут изо всех сил пытаться сохранить то, что захватили, то, что должно принадлежать вам.

— Что должно быть вашим! — позвал кто-то из толпы. Другие поддержали вопль. Теперь, когда им были обещаны богатства, они снова были готовы сражаться за дело Бога.

Вдохновение пришло к нему в мгновение ока, и Бог раскинул руки.

— Я — ваш законный правитель, это правда. Но какая польза богу от золотых тарелок и изысканных блюд? Мне нужна только ваша верность, только ваше поклонение. Богатство для вас, самых верных из моих последователей.

Им это понравилось. Они топали и хлопали.

— Итак, в бой! — Бог воззвал к ним. — Сражайтесь с этими узурпаторами. Сражайтесь с теми, кто отдает верность там, где не следует. Все они имели возможность увидеть правду, но отрицают ее. Они не заслуживают пощады. Возьмите то, что они забрали, потому что это принадлежит вам по праву. И дайте мне престолы всех народов.

Рев толпы был оглушающим. Они подняли свое оружие в воздух, скандируя:

— *Аниос! Аниос! Аниос!*

Бог откинул голову. На мгновение он ощутил великолепие этой смертной формы. Дыхание было в его легких. Его сердце сильно билось. И голод — ах, да, голод — был уже не оковами, а желанием, сладким, как мёд. Быть смертным означало всегда голодать, и Бог мог чувствовать заманчивость этого. Смертная душа внутри этого тела запела в ответ на эту мысль. О, да, она жаждала большего — больше вина, больше власти, больше золота.

Лорд еще раз потряс кулаком перед толпой, прежде чем повернуться к Миккелу.

— Мне нужно просить?

— Конечно, нет, владыка, — улыбка Миккела была безупречной. — Жертва ждет в пещерах. Сильнейший из воинов. Пойдемте.

Бог улыбался, шагая вдоль берега моря, ветер хлестал ткань вокруг его тела. Когда они нырнули в темноту пещер, он почувствовал запах поклонения и страха в равной мере.

Тело на деревянном каркасе перед ним уже было избито и окровавлено. По спине тянулись рубцы, а на коже груди были искусно сделанные порезы.

— Мы нашли его здесь, поклоняющимся вам, — пробормотал Миккел.

Бог вспомнил, что сегодня утром ощутил прикосновение особенно сладкой и горячей молитвы. Он кивнул, подходя ближе. Голова мужчины была запрокинута, и он смотрел на потолок пещеры, а его грудь вздымалась от неглубоких вдохов. По его рукам и ногам тянулись жилистые мускулы. Великолепно.

— Он принес себя в жертву. Есть ли большее служение? — Бог улыбнулся телу.

— Ах, владыка, он сопротивлялся, — голос Миккела звучал одновременно печально и глубоко удовлетворенно. — Он был верен, но не желал сделать последний шаг. Тем не менее, я знал, что такая вера, когда она будет полной, будет особенно сильна для вас. Мы дали познать больше боли, чем та, которую он причинил себе.

— М-м-м? — Бог прошел вокруг него. Воин, словно почуввав в комнате хищника, нерешительно дернул связанными руками и застонал. — Не бойся, — сказал ему Бог. — Человеческий дух заражен ересью. Это не твоя вина. Ты стремился все исправить, да? Ты стремился сделать себя достойным.

Воин что-то прошептал потрескавшимися губами. Он вздрогнул, когда Бог приложил руку к его щеке.

— И ты так и сделал, — сказал Бог. — Ты был смелым, чтобы бороться с ересью внутри себя. Твоя душа взывала к моей, и Брат Миккел слышал это. Он дал тебе подарок, позволив принять наказание, которое я требую. Семя ереси борется с этим, да, но не бойся. Оно сгорит, и твоя душа будет полностью моей.

Воин начал сражаться с лихорадочной силой.

— Да, — прошептал Бог. — Да, оно ищет выхода. Оно хочет, чтобы ты боролся за выживание, тогда как мне нужна твоя жизнь. В этом нет ничего постыдного. Я очищу тебя.

Он сбросил одежду, а мужчина боролся и, наконец, начал кричать.

— Заткни ему рот, — небрежно сказал Бог. Он ждал, Миккел небрежно поднял руку, и двое последователей в масках бросились вперед, чтобы заткнуть рот мужчине тканью и завязать ее. Затем Бог снова выступил вперед, сняв маску. Он нахмурился, когда мужчина отпрянул от его лица. — Я твой король по праву божественной крови и по праву этого тела, которое было сыном короля Давэда. Эти шрамы были получены в борьбе с нашим злейшим врагом. Твоя кровь — моя сила, проситель. Ты предложил ее, и я услышал, — он провел пальцами по телу и поднес их, окровавленные, к губам.

Кровь была такой сладкой. Грудь Бога вздымалась и опадала теперь быстрее. Он так давно нуждался в этом. В царстве бессмертия его сила была безгранична, но он мог только слышать молитвы, но не вкушать их. Теперь, когда он был здесь...

Он изменил облик и опустил пасть близко к телу. Мужчина снова закричал в отчаянном страхе и боролся с нечеловеческой силой. Ересь, но Бог не упрекнул его в этом. Все люди хотели сделать первые шаги к чистоте и сопротивлялись на последнем. Это была их природа.

Зуб оставил глубокую полосу на груди мужчины, и он закричал от боли за кляпом. Бог скользнул языком по ране. Да, этот подойдет. Его челюсти щелкнули, когти заскрежетали, и тело исчезло за считанные секунды. Ужас мужчины только усилил прилив силы, бурливший в драконьей крови.

Бог встал на задние лапы и взмахнул крыльями, открыв рот в безмолвном зове. *Я Аниос. Я последний из королей-драконов. Я — каждая из ваших легенд и более.*

Он снова изменил облик и споткнулся о человеческие ноги, затем опустился на колени на грязный, скользкий от водорослей пол пещеры, пока его тело снова привыкало к человечности. Теперь он был готов к первому из своих завоеваний. Теперь город был уязвим, созрел для захвата. Он видел, как флот уплыл.

Настало время его триумфа.

Он встал и позволил своим последователям еще раз нарядить его.

— Мы идем, — сказал он им. — Дайте мне первую из моих корон.

Лука

Лука смотрел вслед Реве, и его сердце сжималось.

«Я должен делать все, что в моих силах», — она согласилась с ним, сказал он себе. Он боялся выбора, который лежал перед ним, и она возненавидела бы его за это, но она согласилась.

Он снова и снова прокручивал эту мысль в голове. Было ли лучше поносить тех, кто в противном случае мог бы стать его врагом, вывести свою армию и позволить его друзьям и его народу страдать от грядущего вторжения Стефана?

Или было бы лучше вступить в союз даже с теми, кого он когда-то презирал?

Он сидел, когда снаружи опустились сумерки, зная ответ, но все же боясь сделать свой выбор, и вскоре появился Йозеф. Он пришел, как всегда, с лестницы для прислуги, так что даже стража не могла сказать, когда он появился. Лука молча посмотрел на него.

— Что вы выбрали? — спросил Йозеф.

— Ты читаешь мысли, — хрипло сказал Лука.

Йозеф только улыбнулся.

— Я чувствую выбор и борьбу общей морали против высшей души.

— Боюсь, — прямо сказал Лука — я не король.

— Значит, корона и церемония делают короля? — Йозеф встал на колени и начал рисовать руны. — Нет. Это выбор, который вы делаете, король Лука. Ваш отец понимал, что значит делать отчаянный выбор, но даже он цеплялся за то, кем он когда-то был. Вы делаете большие шаги. Страх внутри вас — лишь последние остатки того, чем вы были.

Лука встал и подошел к рунам. Он вошел в незавершенный круг и подождал, пока Йозеф закончил круг вокруг него. Безопасность была только во власти, думал он. Его враги окружали его, и пока они были живы, он был уязвим. Он требовал их смерти. Поэтому ему нужна была власть.

Он поднял руку и позволил огненному шару парить там. Он лениво крутился. Когда-то такая задача истощала его силы. Теперь он сделал это легко.

Он выполнил все задачи, которые Йозеф поставил перед ним за последние несколько недель. Он сделал шар высотой с человека. Он окутал себя пламенем, которое никому не причиняло вреда и заставляло мерцать воздух вокруг него. Он превратил пламя в набор дротиков, каждый из которых парил в воздухе и выплевывал искры в ожидании цели. Когда он отпустил их, они бросились к дальней стене с такой силой, что Лука услышал, как закрипели камни. Один, у камина, треснул.

Он сделал веревку из силы, а затем сеть. Теперь сила легко повиновалась ему. Ему нужно только направлять ее, а не отчаянно хвататься за нее, как он это делал вначале. Он понял, чего сила хочет, и понял, о чем ее просить.

Когда он закончил, Йозеф улыбался.

— Вы готовы, — сказал он Луке. — Если Стефан придет за вами...

— Если он это сделает, я буду готов, — Лука вернулся на свое место. — И все же у него есть оружие, которое я могу обратить против него.

Йозеф подошел ближе, нахмурившись.

— Ваше Величество?

— Ты слышал об улези, — сказал Лука. — Да? Они захватили Реву и еще одного драконы, с которыми она пришла сюда. Они стремятся уничтожить родословные драконов.

Приближается битва, но если бы Стефан был доставлен ко мне раненым, если бы он больше не представлял угрозы для моего города или моих войск, я бы выбрал этот вариант, а не сражаться открыто, чтобы легенды помнили.

Йозеф сунул руки в рукава и кивнул.

— Вы мудры, король Лука.

Лука не ожидал, что Йозеф согласится с этим планом. Возможно, поэтому он и предложил это. Он надеялся, что мужчина отговорит его.

Он налил Йозефу кубок вина и жестом пригласил его сесть.

— Скажи мне честно, — сказал он. — Скажи мне, что ты на самом деле думаешь об этом плане.

Йозеф задумчиво поднял кубок. Он посмотрел на дверь для слуг и прищурился, услышав шаги. Мгновение спустя вошел один из слуг Луки и поклонился.

— Принц Лука, вы не попросили ужин.

Лука улыбнулся. Никаких проблем. Шпиона не было. Просто обыденности жизни.

— Принеси тарелку, — скомандовал он. — Для меня и Йозефа, но не сейчас. Через два часа.

Слуга низко поклонился Луке, кивнул Йозефу и удалился.

Йозеф повернулся к Луке с задумчивым взглядом.

— Я предвидел необходимость обучить вас, — сказал он. — Я видел битву, и вас с вашей магией. Когда я говорил с вами, вы рассказали мне о Стефане, и я знал, что вы одержите победу над ним. Возможно, это будет потому, что вы должны встретиться с ним лично, а, может, и нет. Возможно, вам предстоит столкнуться с его армией. Возможно, демонстрации вашей силы будет достаточно, чтобы напомнить его войскам, что вы — законный король. Кто может сказать? Я знаю, что я — ваш верный и покорный слуга, и я знаю, что наша объединенная сила теперь достаточно велика, чтобы сразиться со Стефаном и победить. Однако я не король.

«Скажи мне, что делать!» — Луке хотелось закричать, но он знал, что Йозеф этого не сделает. Йозеф не мог. Он был прав: Лука становился больше, чем обычный человек, определяемый общей моралью. Теперь никто не мог дать ему совет.

— Приведи ко мне улези, — сказал он. — Убери стражу на лестнице и приведи их ко мне. Они ждут за воротами. Я знаю это. Приведи только одного. Убедитесь, что коридоры для слуг свободны. Никто не может знать об этом.

Йозеф поклонился.

— Да, ваше величество, — и с этими словами он растворился в тени и вышел из комнаты.

Лука ждал и расхаживал, пока Йозеф делал то, о чем он попросил, вздрагивая от каждого шага в коридоре. Прошел час. Лука стучал по дереву своего стола, гадая, не создало ли его задание проблем для Йозефа. Но, наконец, маг снова появился из двери для слуг. Один из улези проскользнул внутрь и откинул капюшон.

Лука сразу увидел боль существа. Оно сжималось и шипело при каждом движении. Его язык высунулся, чтобы попробовать воздух, и ему стало интересно, что оно думало об обычных менти. Что бы сделали улези, если бы когда-нибудь очистили землю от своих врагов?

Он не собирался это выяснять.

— Я слышал, ты вступил в союз с моим братом, — сказал он. — Драконом. Как это

получилось?

Оно ничего не говорило, только смотрело на него. Лука чувствовал его ненависть. Оно знало, что Рева здесь. Вероятно, оно могло чувствовать ее запах.

— Дай угадаю, — сказал Лука. — Мой брат, который является драконом, пообещал вам, что хочет убить всех других драконов и менти, и что, если вы вступите в союз с ним, вы подойдете к своей цели ближе, чем каким-либо другим путем. Он послал вас за своими врагами. Я предполагаю, что вы всегда намеревались убить его, когда все уже было сказано и сделано.

Улези теперь улыбался, и Лука почувствовал холодок. Сможет ли он когда-нибудь по-настоящему контролировать союз с этими существами?

Он должен был попробовать.

— Ты не знаешь Стефана, — сказал Лука чудовищу. — Он жаждал власти с самого детства. Он пил кровь. Он казнил менти и лишал их сил. Это не приносит ему пользы, не даже шанса на кровь достаточно, чтобы заставить его убить ради продвижения вперед. Он убил нашего отца. Возможно, ты не так плохо относишься к отцеубийству, учитывая твое положение, но для нас...

Существо слегка посмеялось над этим.

— *Он з-з-з-злой.*

— Так и есть, — согласился Лука. — Вы ищете драконов, потому что хотите очистить мир от той боли, которую вы пережили. Так что я это понимаю.

Оно склонило голову.

— Что, я думаю, означает, что вы стремитесь построить лучший мир, — сказал Лука. — Как и я. Но Стефан — нет. Хотя вас могут совершенно не заботить эпидемии и нищета, я прошу вас присоединиться к тому из нас, кто заботится о других. Кто стремится защитить мир, а не превратить его в свою личную игрушку.

Улези колебался.

— *Ты дашь нам дракона отс-с-сюда?*

Лука сглотнул. Через мгновение улези пересек комнату, его когти замерли у горла Луки. Йозеф закричал и с ужасом на лице потянулся к Луке, но он не мог добраться до Луки вовремя, чтобы спасти его от улези. Лука схватился за меч, и существо вырвало его. Оно без усилий удерживало Луку на месте.

Улези были рождены от драконов и людей и превосходили людей силой и скоростью. Его когти с удивительной легкостью вонзились в кожу Луки. Это была всего лишь мельчайшая доля дюйма, но этого было достаточно, чтобы сделать вывод.

— Вс-с-се драконы, — прошипело оно.

Теперь, в самый неподходящий момент, Лука колебался. Он повернулся к Йозефу.

Йозеф смотрел на него с настороженным выражением лица, которого Лука никогда раньше не видел. Это было почти предательство.

— Вы должны поступать так, как велит вам ваша совесть, — сказал Йозеф. Только это.

Стоило ли рискнуть? Лука проклинал себя за то, что попросил Йозефа привести улези. Он не хотел так выбирать. Он считал, что мог использовать торг и уговорить их, как делал его отец, чтобы превратить врагов в союзников. Он верил, что может лгать.

И теперь ему грозила потеря единственного человека, которого он хотел защитить больше всего на свете.

Рева.

Она была драконом и воином. Она стала гораздо больше, чем просто придворной леди. Она предложила отнести Луку к Стефану и сразиться с ним, даже зная, что это может привести к ее смерти. Она предлагала пустить ее на поле боя.

Если он столкнется со Стефаном один, он может проиграть. Если он позволит начать битву, другие погибнут, а он все еще может потерпеть неудачу. Но это может сработать. Это может уменьшить число погибших. Это может положить конец войне.

Ничто из этого не казалось реальным.

— Все драконы, — сказал Лука. — Сначала мой брат.

Улези прищурился. Он отступил и исчез, взмахнув плащом. Когда Лука огляделся, Йозеф стоял у дверей лестницы для прислуги. Он кивнул Луке один раз и тоже исчез.

Лука опустил на стул, дрожа. Что он сделал?

Что нужно было сделать, сказал он себе. Ни больше, ни меньше. Он был не человеком, а королем. Если можно будет защитить Реву, он это сделает. Он потратит свою жизнь, если потребуется. Он поклялся в этом.

Если нет...

Он закрыл глаза и крепко зажмурился от слез. Он не мог допустить, чтобы хоть одна жизнь встала на пути справедливости и мира.

39

Карина

Карина сбежала по лестнице для прислуги, чуть не спотыкаясь от страха. Она плакала, поняла она, слезы текли по ее щекам и затуманивали зрение. Слезы и боль пришли с горячей яростью. Как Лука смеет это делать? Как он посмел?

Она прошла мимо настоящего Йозефа, связанного и без сознания, лежащего на земле, и боролась с желанием наброситься на него. Никогда прежде она не хотела так сильно причинить кому-то боль. *Ты сказал ему сделать это. Ты не заставил его отступить.* У нее не было ничего, кроме презрения к магу. Он нарисовал на полу руны и убедил Луку, что они ему помогают. Он был здесь только ради славы. Он был ничем.

Карина бежала по коридорам, не обращая внимания на взгляды стражи. Некоторые пытались окликнуть ее — они любили Реву, поэтому с теплотой встречали и ее подругу, — но она им не отвечала. У нее не было на это дыхания, не было времени.

Она ворвалась в комнату Ревы и увидела, что Рева расхаживает по комнате с бледным лицом.

— Они близко, — сказала Рева. — Улези. Карина, я знаю, ты сочтешь меня сумасшедшей, но клянусь, я их чувствую...

— Они здесь, — Карина вытерла слезы на щеках. — Рева, — ее голос дрожал. — Рева, я видела что-то ужасное, и ты должна мне поверить.

Рева подошла к ней. Даже в своем страхе она взяла Карину за руки.

— Что такое? Садись. Карина, что случилось? — она направила их к скамейке, где сидели две женщины.

Карина склонила голову. Это разобьет сердце Ревы.

— Я пошла поговорить с Лукой, — сказала она. — Я думала, что смогу убедить его насчёт Садов. Я знаю, он думает, что они ему нужны, но я подумала, что, возможно, если бы рассказал кто-то, кого он не знал, он мог бы увидеть, что произошло. Я хотела, чтобы он был королем, которого ты заслуживаешь, Рева.

Рева улыбнулась.

— Он такой.

— Нет, — Карина покачала головой и прикусила губу, борясь со слезами. — Рева, пожалуйста, ты должна мне поверить. Я своими глазами видела, что он сделал. Рева, я обманула его. Я притворилась Йозефом.

— Почему?

— Потому что он сказал, что собирается сделать что-то ужасное. Я про Луку. Мне нужно было знать, согласится ли он. Решил ли он совершить ошибку, заключив союз. Даже если он был на грани, если он вообще обдумывал это, я знала, что никакие уговоры не смогут изменить его мнение. Поэтому я притворилась Йозефом. И, Рева, он заключил союз с улези.

Рева побледнела и покачнулась. Она тяжело сглотнула, и из ее горла вырвался хриплый всхлип.

— Карина, скажи мне, что это не так. Скажи мне, что это ужасная шутка.

— Это правда, — сказала Карина. — Он сказал им сначала убить Стефана, но они сказали, что в конце должны быть все драконы, и он согласился, Рева. Он готов пожертвовать тобой ради Стефана.

Она склонила голову на колени другой женщины и тихонько заплакала. Увидев свою подругу такой, Карина разрывалась на части. Рева был сильнее из них двоих. Она никогда не плакала. Она никогда не сдавалась. Но сейчас...

— Ты должна остановиться, — сказала ей Карина. Внезапно ее разум прояснился. — Тебе нужно встать, Рева.

— Почему? Какая разница, если я...

— Нам нужно бежать, — сказала ей Карина. — Прямо сейчас. Этим вечером. Прежде чем они вернутся.

Из-за двери послышался звук, и они обе обернулись. Карина закричала, и Рева повернула голову к тому, что, как она казалось, было ее верной смертью. Но это была Серена, она стояла там, голубые глаза были полны горя.

— Я слышала, как вы говорили, — сказала она. — Карина, ты клянешься, что мой брат сделал это?

Карина несчастно кивнула.

— Тогда я помогу вам, — сказала Серена. — Я могу приказать солдатам идти с вами и дать провизию, дать вам королевскую печать, чтобы вы могли спрятаться в наших домах. Я помогу вам бежать, и, Рева, я не успокоюсь, пока это не будет исправлено. Идите. Нам нужно идти сейчас.

40

Тиниан

— Еще далеко? — спросил Альберто.

Ориана и Альберто оказались неугомонной парочкой, постоянно бегали туда, где моряки пытались работать, причиняя вред и проказничая, и это, по твердому убеждению Тиниана, добавило ему седых волос больше всего путешествия. Теперь, однако, мальчик казался измученным и вернулся к более королевскому поведению.

Дети. Тиниан был рад, что у него больше не было своих.

— Немного, — сказал он, стараясь не вздыхать. Альберто был всего лишь мальчиком и вел себя как ребенок. Его не следует наказывать за это.

В конце концов, Тиниан не злился на Альберто. Предложение Серены было мудрым: дать им Альберто в качестве гарантии доброй воли. Он заставит их держать слово. Будет

Альберто процветать или нет, зависит от их выбора. Он точно не будет ранен или убит. Тиниан не был монстром.

— Лорд Тиниан, — солдат встал на пути Тиниана. — Вы должны немедленно отправиться в зал совета.

Он нахмурился, задаваясь вопросом, в чем дело. На сегодняшней вечер встречи не было запланировано.

— Я веду принца Альберто в его покои.

— Совет должен увидеть его, милорд, — настаивал солдат. — Вы должны немедленно отвести его туда.

Тиниан вздохнул. Он, конечно, ожидал реакции на это. Это был смелый шаг — взять принца Эсталы и прибыть домой. Он знал, что ему нужно будет убедить их, что это единственно правильный образ действий.

Он и не догадывался, что ему придется сделать это сегодня вечером.

Пусть так. Он кивнул солдату и пошел по другому коридору. Пока они шли, он взглянул на Альберто, отметив честные карие глаза мальчика.

— Мы должны поговорить с советом. Но скоро ты сможешь отдохнуть.

Альберто только зевнул в ответ, слишком юный, чтобы заботиться о своем достоинстве.

Несмотря на поздний час, залы совета были хорошо освещены и набиты людьми. Тиниан нахмурился, проходя внутрь. Здесь были все советники, и те, кого он не знал, и...

Его семья. Его собственная семья. А в кресле мужчина в маске. Человек в маске встал когда вошел Тиниан, и ужас, ледяной и медленный, растекся по его венам.

— Первый советник прибыл, — сказал мужчина в маске. — Ну же, лорд Тиниан. Преклони колени перед своим владыкой.

Что происходило? Тиниан отчаянно посмотрел на остальных и поплатился за свое колебание, когда солдат ударил его пикой по плечу. Он упал на колени, и Альберто встал на колени рядом с ним, показывая больше здравого смысла, чем Тиниан приписывал ему.

— Они прибыли раньше вас, — сказал лорд Озда. В голосе Третьего советника звучала ненависть, но он произнес слова, которые должен был сказать. — Перед тобой стоит возрожденный Аниос, Тиниан. Теперь он правит Зантосом.

— Зантос — лишь первое из моих завоеваний, — сказал Бог. — А поскольку мой флот вернулся — спасибо, лорд Тиниан, — остальные придут быстро. Ах, Альберто. Садись рядом со мной, брат.

Тиниан поднял голову и недоверчиво уставился на человека в маске. Мог ли это быть принц Стефан? Его манеры сильно отличались, и все же...

Но мужчина в маске не смотрел на него. Он гладил каштановые волосы Альберто, его глаза блестели в отверстиях в темной маске.

— Уже поздно, — сказал он им. — Но нельзя терять время. Мы приступаем к планированию прямо сейчас.

Больше книг на сайте - Knigoed.net